

ФИЛОЛОГИЯ

В. А. Безруков

СПЕЦИФИКА МИМИКИ И ЖЕСТОВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЯХ СОЗНАНИЯ И СРЕДСТВА ИХ НОМИНАЦИИ В ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ РЕМАРКАХ

Рассматриваются особенности реализации кинетических проявлений, реализуемых в измененных состояниях сознания, а также специфика их номинации в драматургических ремарках. Предлагается классификация способов номинации мимики и жестов, отражающих особенности невербального поведения человека, обусловленные психофизиологическими механизмами измененных состояний сознания. Делается предположение о возможных сферах применения данной классификации.

Ключевые слова: *измененные состояния сознания, психофизиологические механизмы, невербальные компоненты коммуникации, жест, мимика, средства номинации, классификация, драматургические ремарки.*

Как отмечает целый ряд исследователей, следует различать языковое выражение эмоциональных состояний и сообщение о них. Эмоции выражаются особыми языковыми средствами: интонацией, эмоционально-оценочной лексикой, специфическими синтаксическими конструкциями. Сообщение об эмоциях и эмоциональных состояниях, в свою очередь, можно подразделить на косвенную и прямую номинацию [3; 10]. Под *прямым* способом номинации понимается номинация эмоционального состояния при помощи лексических единиц, семантика которых отражает характерные признаки переживаемого эмоционального состояния. *Косвенный* способ номинации заключается в изображении особенностей невербального поведения человека, то есть в фиксации языковыми средствами невербальных компонентов коммуникации (далее – НКК). Особенности изучения средств номинации НКК, реализуемых субъектом в моменты, когда он переживает крайние по своей интенсивности эмоциональные состояния, более известные как измененные состояния сознания (далее – ИСС), определяются несколькими факторами.

Во-первых, ИСС оказывают генерализирующее воздействие на психофизиологию индивидуума, определяя особенности его поведения. Генерализирующее воздействие ИСС проявляется разнопланово. В настоящий момент можно утверждать, что ИСС могут оказывать как деструктивное (состояние дистресса), так и стимулирующее, положительное воздействие на поведение человека (состояние эвстресса).

Промежуточное положение между ними занимает особое поисковое состояние, цель которого – нахождение оптимальных путей выхода из острой стрессогенной ситуации.

Исследования, проведенные психологами, психиатрами и психофизиологами, показывают, что в основе реализации каждого из этих состояний лежат психофизиологические механизмы, определяющие модели поведения, реализуемые в состоянии дистресса, эвстресса и поискового состояния [6; 7]. Обобщенно их можно представить в таблицах.

Безусловно, внешние проявления того или иного типа ИСС реализуются во всех видах НКК, но наиболее ярко в жестах и мимике субъекта. Учет особенностей объективации жестов и мимики индивидуума, переживающего сильное эмоциональное напряжение, является вторым ключевым фактором в изучении косвенных средств номинации ИСС.

Под мимикой в работе понимаются движения мышц лица, объективирующие эмоциональное состояние человека. Несмотря на то, что за рубежом и в нашей стране были предприняты успешные попытки идентификации эмоции по мимическому выражению всего лица или его части (см., например, обзор В. П. Трусова [9]), работы, посвященные описанию и интерпретации мимики ИСС, единичны. В отечественной науке следует отметить труды Л. М. Сухаревского, изучавшего мимические расстройства, вызванные сильным эмоциональным напряжением [8]. В его исследованиях содержатся описания многочисленных

мимических дисфункций, таких как «маска страха», например.

В настоящее время существует больше количество работ, содержащих классификации жестов (см., например: [4; 11; 12]). Однако до сих пор дискуссионным остается вопрос о границах понятия «жест». Вслед за Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым под жестом в данной работе понимаются не только движения рук и кистей рук, но и элементы пантомимики (то есть значимых телодвижений) [2]. Согласно данному подходу, ремарки типа «топает ногой (от злости) – *stamps his foot*» относятся к средствам косвенной номинации жестов.

Таким образом, критериями, лежащими в основе классификации косвенных средств номинации, выступают: а) мимика и жест как невербальные компоненты коммуникации и б) специфика их объективации под воздействием перечисленных психофизиологических механизмов.

Целью настоящей статьи является создание классификации средств номинации НКК, обладающей прогностическим потенциалом относительно типа ИСС, а на следующем этапе работы – создание алгоритма, позволяющего

идентифицировать тип ИСС по характерным признакам: прямым и косвенным номинациям.

Материал исследования – более 300 авторских ремарок относительно психологического состояния говорящего, выделенных методом сплошной выборки из 20 драматургических произведений англоязычных (британских и американских) авторов XX в. В качестве критериев для отбора материала приняты общий ситуационный контекст, реплики других персонажей, указывающие на состояние героя.

Мимика аффективного ступора находит выражение в так называемых «мимических дисфункциях» (термин Л. В. Сухаребского), возникающих в результате конвульсивного сокращения мышц лица. Дисфункции выражаются либо в патологически фиксированном характере мимики всего лица (например, «маска ужаса»), либо его отдельных зон.

Средствами номинации мимических нарушений в первом случае выступают лексические единицы, имеющие значение «неподвижное, деформированное, искривленное» (*rigid, contorted, contracted, convulsed, etc.*). В авторских ремарках, содержащих номинации данного типа, как правило, присутствуют также лек-

Таблица 1

Дистресс

Психофизиологический механизм	Ступор	Регресс сложной модели поведения	Пассивно-оборонительная реакция	Хаотическая модель поведения
Генерализованная реакция	Торможение действий и движений	Стереотипность, негибкость поведения	Гипермобильные действия, направленные на уход от контакта	Бесцельная гипермобилизация

Таблица 2

Поисковое состояние

Психофизиологический механизм	Ориентировочная реакция	Превентивная адаптация	Собственно реакция адаптации
Генерализованная реакция	Гипермобильность в сочетании с внезапностью действий	Наличие нарушений при ответе на стрессогенный фактор (например, заикание)	Ритмичные, повторяющиеся действия

Таблица 3

Эвстресс

Психофизиологический механизм	Агрессия	Демонстративная модель поведения	Контактообусловленная модель поведения
Генерализованная реакция	Наступательные действия субъекта гиперкинетического характера	Осознанная демонстрация эмоционального поведения	Контактопрерывающие / контактоустанавливающие действия

сические единицы, используемые для прямой номинации ИСС, например:

MR. NAVILLE [*His face contorted with rage*] *Bring me another scotch and soda! I want a scotch and soda! A scotch and soda!* [26]

Изображение мимических дисфункций в отдельных зонах лица в авторских ремарках затрагивает преимущественно область глаз. Типичным средством номинации мимических дисфункций в таких случаях являются словосочетания типа *with closed eyes, one's eyes closed, wide-eyed, one's eyes pop out*, например:

EUGENE [*His eyes almost pop out*] *OH, MY GOD!!* [29]

В то же время в некоторых случаях мимика аффективного ступора в авторской ремарке изображается как произвольное изменение мимики нижней части лица и номинируется с помощью выражений типа *one's mouth falls*, например:

[*Presently Beneatha's bedroom door opens and Ruth's mouth falls and she puts down the iron in fascination*] RUTH *What have we got on tonight!* [16]

Мимика превентивной адаптации появляется, когда возбуждение не имеет четко выраженной локализации в коре или подкорке головного мозга. В результате иррадиации возбуждения происходит «борьба за конечный путь», то есть мимика отражает динамический процесс конкуренции социологизированных способов мимических выражений, контролируемых корой, и произвольных мимических реакций, центры которых находятся в подкорке. В результате возникает динамика мимических изменений, которая имеет характер выраженных нарушений. Мимические проявления при этом являются фоновыми относительно активных процессов осмысления стрессогенной ситуации.

В авторской ремарке динамический характер мимики превентивной адаптации передается, как правило, при помощи лексических единиц, актуализирующих значение «изменяться, подергиваться» (*to twitch, work (with), turn (into)*), например:

[*The grin on Henderson's face freezes, then turns slowly into a frown*] HENDERSON *I do?* [17]

DAD [*His face twitching as if he hears something that frightens him*] *What's that! What's that! Wings against the window-pane!* [25]

Как видно из приведенных примеров, мимика превентивной адаптации затрагивает, как

правило, область всего лица. Специфика языковых средств при этом состоит в том, что динамика мимических изменений в ремарке отражена со стороны формы, то есть внешне наблюдаемых изменений мимики (см. примеры выше), а не ее «смысла», «содержания». Выделяя данную закономерность кинематических речений, под которыми Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров понимают «любое вербальное отражение кинемы», авторы предлагают различать речения соматические (отражающие внешнюю форму кинемы) и сенсуальные (ориентированные на смысл) [1]. Как видим, номинация мимики превентивной адаптации осуществляется при помощи соматических речений.

Для номинации мимики собственно реакции адаптации в авторской ремарке часто используются сенсуальные речения типа *to light, light up, beam*. Данные речения изображают, как правило, мимические изменения всего лица – *one's face lights/beams*, например:

CHRIS [*Then a look of resignation and relief takes its place. His face lights up with a sudden happy thought. He turns back into the bedroom –reappears immediately with the tin can of beer in his hand grinning*] *Me have drink on this, py golly!* [22]

В некоторых случаях сенсуальные речения, используемые для описания поисково-ориентировочной мимики, сопровождаются указанием на мыслительные процессы (*His face lights up with a sudden happy thought*), а также динамику мимических изменений – как правило, их начало (*a light beginning to break over his face*). Таким образом, доминантным признаком данной группы выступает активный, неосознанный (на фоне активных мыслительных процессов) характер мимических изменений, фиксируемых в авторской ремарке при помощи сенсуальных кинематических речений.

Мимика агрессии представлена как изменениями всего лица (жесткое / жестокое выражение лица, лицо темнеет (от ярости), на лице появляется маска гнева и т. п.), так и мимическими выражениями в отдельных зонах лица (кусает губы (от злости), поднимает брови, хмурится и т. п.). Средством номинации в первом случае выступают сенсуальные речения *one's face terrible, one's face hardens / darkens*, например:

LOUISE [*Rounding on him; her face terrible*] *D'you think you're the only one can ask terrible questions? Supposing I ask a few. Supposing I ask them.* [28]

Изменения в отдельных зонах лица, отражающие агрессивную модель поведения, напротив, номинируются при помощи соматических речений:

MILDRED [Biting her lips angrily] You are right. But would that my millions were not so anemically chaste! [23]

Поскольку в некоторых случаях средства номинации мимики агрессии не являются специфическим указанием на описываемую модель поведения, в авторской ремарке они нередко сочетаются с номинацией специфических невербальных признаков агрессии (*rounding on him*) либо с уточнителями типа *angrily*, указывающими на доминирующее эмоциональное состояние.

Демонстративная мимика является осознанным мимическим проявлением, контролируемым корой больших полушарий мозга человека. Целью мимических проявлений, протекающих без значительных наблюдаемых нарушений и патологий, выступает подчеркнутая демонстрация персонажем пьесы своего эмоционального состояния.

Демонстративная мимика в авторской ремарке представлена описанием изменений мимики отдельных зон лица (преимущественно глаз), при этом номинация таких изменений происходит при помощи соматических речений. В случае номинации демонстративной мимики с помощью соматических речений мимическое изменение, положенное в основу плана выражения кинемы, то есть собственно работа лицевых мышц, имеет осознанный контролируемый характер и изображается как произвольное сужение/раскрытие глазных щелей, например:

ANNA [Her eyes narrowing] Ain't you smart! [22]

Жест аффективного ступора представлен двумя основными разновидностями. Во-первых, в ремарке может номинироваться собственно жест аффективного ступора. Средствами номинации в данном случае выступают лексические единицы, сигнализирующие либо о статичном положении рук, как правило, на голове говорящего: *one's hands are clasped / clapped (on one's head)*, *hands key*, либо о движении рук, приводящих к статическим жестам подобного типа: *to bury / cover up one's head, to drop one's hands*, например:

ARNIE Oh. Oh. [His hands are clasped to the top of his head] [30]

Отличительной чертой таких ремарок является их постпозиция по отношению к репли-

ке персонажа пьесы. Номинация НКК в авторской ремарке выступает дополнительным средством (наряду с характерными речевыми характеристиками), указывающим на доминирование процессов торможения.

Во-вторых, номинация аффективного ступора может происходить при помощи словосочетаний *to throw one's head (far) back / forward*, например:

YANK [With a jerk of his head back on his shoulders, as if he had received a punch full in the face – raging] I see yuh, yuh white-faced tart, yuh! [23]

Появление подобных жестов в невербальном поведении человека сигнализирует о нарушении функций поддержания позы и отражает динамику перехода в состояние аффективного ступора. Поскольку исполнение данного жеста предшествует наступлению ступора, авторская ремарка, как правило, находится в препозиции относительно речи персонажа пьесы.

Жест, отражающий регресс деятельности, представлен в авторской ремарке кругом кинематических речений, описывающих конвенциональные (условные, имеющие четкое значение) жесты, используемые, тем не менее, неосознанно при обращении к высшим силам *to cross oneself, with uplifted hands, etc.*, например:

THEODOTUS [On the steps, with uplifted arms] Woe, alas! [27]

FEELIM [Awestruck] In this very room! [He crosses himself] [21]

Пассивно-оборонительный жест представляет собой одну из форм реализации генетически запрограммированных защитных механизмов организма. Неосознанное движение, лежащее в основе данного вида жеста, совершается с целью разрыва контакта с собеседником с целью ухода из стрессогенной ситуации. Пассивно-оборонительный жест интровертен по исполнению (то есть действие направлено на исполнителя жеста, а не на собеседников или объекты окружающей действительности).

В авторской ремарке пассивно-оборонительный жест номинируется при помощи словосочетаний типа *to hide / to cover / to bury one's face*:

JOAN Oh, God. [She sinks down, burying her face in her hands] [30]

В некоторых случаях место исполнения, под которым понимается принимающая движение активного органа (в данном случае руки), часть человеческого тела [5], пассивно-оборонитель-

ного жеста может меняться. Рассмотрим следующий пример.

AMY [She stands a moment without moving at all. Suddenly she lets quilt and papers slip to the floor and **her hands clasp themselves over her abdomen**] Oh, my God! [Her face rigid with terror] [18]

В изображаемой ситуации беременная женщина пытается защитить живот, охватывая его руками. Особенности движения, лежащего в основе данного подтипа пассивно-оборонительного жеста, находят отражение в специфических средствах номинации, используемых в авторских ремарках – лексические единицы имеют значение «обнять, схватить (часть собственного тела)» (*to grab, to clasp (some part of the body)*), например:

HONEY [**Grabbing at her belly**] Ohhhhh... nooooo. [13]

В основе возникновения *хаотического жеста* лежит истощение адаптационных возможностей человека и последующий отказ от поиска оптимального пути разрешения ситуации, сопровождаемый угнетением интеллектуальных функций. Двигательная активность человека при этом сохраняется на прежнем уровне или даже усиливается. Хаотический жест, таким образом, представлен неконтролируемым, бесцельным и, как правило, гиперкинетическим движением. Хаотический жест может быть как интровертным, так и экстравертным.

Номинация хаотического жеста в авторской ремарке осуществляется при помощи лексических единиц, имеющих семы «выполнять какое-либо действие резко/многократно» (*to dash (one's hands through one's hair), to gesture (with clenched hands), to wave (one's hands wildly), to strike (one's wrists together)*), например:

DAD [**Waving his arms wildly, he smashes some plant pots**] Do it, blast you! [25]

Ориентировочный жест отражает первичную реакцию человека на сверхсильный раздражитель и сигнализирует о включении адаптационных механизмов. Ориентировочный жест представлен целым набором различных по реализации жестов типа: «закрывает рот (от изумления), внезапно хлопает в ладоши; хлопает себя; плечи/руки приподнимаются (движение рук, как правило, по направлению к голове), вскидывает руки (увидев или осознав что-либо)». В авторской ремарке данный тип жеста номинируется, как правило, при помощи словосочетаний, значение которых отражает внезапный, импульсивный характер выпол-

нения жеста, а именно: *to slap oneself, put up a hand, clasp one's hand to the mouth, throw up one's hands, etc.*, например:

MAMA [**Throwing up her hands at the thought**] Oh, child! [16]

Ориентировочный жест является, как правило, интровертным жестом. Экстравертный жест данного типа появляется только при возникновении первичной реакции как ответа на агрессивные тактильные действия партнера по коммуникации, например:

[He **points a childlike finger**, as though to ask an innocent question] HENDERSON Hey, mister, what are you doing with that? Mister, mister – cut it out, will you? [17]

Жест собственно реакции адаптации (поисково-настроечный жест) является, как правило, одним из элементов в цепи невербальных реакций человека, свидетельствующим о процессе реализации определенной модели адаптации. Поисковый жест, как и другие невербальные компоненты, реализуемые на данной стадии адаптации, является фоновым для речемыслительных процессов и выполняется неосознанно. Жест интровертен и представляет собой выполнение одних и тех же движений, нередко имеющих циклический характер (сжимает и разжимает руки/ладони; потирает подбородок и т. п.). Средством изображения поискового жеста выступают лексические единицы, изображающие повторяющиеся движения рук человека: *to clench and unclench (one's hands), to clasp and unclasp (one's hands), to pop one's chin, etc.*, например:

ANNA [She springs to her feet and walks about the cabin distractedly, **clenching and unclenching her hands**. She speaks aloud to herself in a tense, trembling voice] What am I waiting for anyway? – like a damn fool! [She laughs helplessly] [22]

Разновидностью поисково-настроечного жеста является поисково-изображающий жест. Поисково-изображающий жест не имеет циклического характера. С помощью данного типа жеста говорящий изображает предмет речи, номинация которого вербальными средствами вызывает у него затруднения (как следствие эмоционального напряжения). В случае поисково-изображающего жеста степень экспликации двигательного аспекта кинемы в ремарке языковыми средствами в большинстве случаев максимальна, например:

VEE And then a great – [**Raises both arms and makes a great sweeping motion to describe an**

apocalyptic disturbance of the atmosphere] – *His hand!* [31]

Поскольку поисково-изображающий жест выполняет функцию компенсации речи, изображение в ремарке НКК, как правило, разывает реплику персонажа.

Активно-оборонительный жест (жест агрессии) имеет схожие с пассивно-оборонительным жестом механизмы в том смысле, что он также является одной из форм реализации генетически запрограммированных защитных механизмов организма. Однако в отличие от пассивно-оборонительного жеста, жест агрессии реализуется осознанно. Жест агрессии всегда является экстравертным, направленным на собеседника и выражается в стремлении воздействовать на стрессогенный фактор при помощи действий активного, наступательного характера.

В качестве жеста агрессии в авторской ремарке могут быть представлены два типа жестов, отличных по способу реализации. Агрессивный жест первого типа выполняется в виде сжатия кулаков; для второго типа жеста имеет значение не только рабочая часть руки (кулаки), но также и характер выполнения движения руки – потрясение кулаками.

Средствами изображения жеста агрессии в авторской ремарке выступают кинематические речения «сжимать кулаки» (*to clench one's fist, one's fists are clenched*); либо «потрясать кулаками» (*to shake one's fists*), например:

BURKE [Half springing to his feet – his fists clenched] God blast it! [22]

В некоторых случаях наличие в ремарке номинации жеста агрессии является единственным указанием на характер поведения человека в целом:

*QUENTIN What the hell are you compromising yourself for if you're so goddamned honest! [He starts a **clench-fisted** move towards her]* [19]

Определение *clench-fisted* является основным критерием, позволяющим установить цель выполняемого перемещения. В случае отсутствия номинации агрессивно-оборонительного жеста перемещение героя (*starts a move towards her*) можно было бы рассматривать как перемещение с целью установления контакта.

Тем не менее, наличие в авторской ремарке одного из перечисленных кинематических речений не является обязательным показателем жеста агрессии. В некоторых случаях речение *to shake one's fist* может иметь демонстративный, эмфатический характер, особенно тогда,

когда в качестве адресата жеста выступает неодушевленный предмет, например:

CHRIS [He bursts into rage. He shakes his fist at the door] It's her dirty tricks! [22]

В приведенном примере под личным местоимением *her* в речи героя подразумевается существительное «sea», которое является адресатом выполняемого жеста. Несмотря на внешнее сходство с жестом агрессии, жестикуляция в данном контексте исполняет роль эмфатического подчеркивания речи и является одной из разновидностей демонстративного жеста.

Физиологическим механизмом *демонстративного жеста* выступает локализованная тоническая реакция симпатического отдела центральной нервной системы. Несмотря на высокую степень напряжения, демонстративный жест является экстравертным осознанным жестом, выполняющим функцию эмфатического подчеркивания эмоциональной реакции говорящего на стрессогенную ситуацию. В качестве демонстративного жеста в ремарке могут выступать жесты различные как по исполнению, так и по значению: указывает пальцем (с отвращением; обвиняя кого-либо), с негодованием трясет головой, хлопает в ладоши (выражение одобрения), пожимает плечами, поднимает голову (триумфально), потрясает кулаками в воздухе (по направлению к неодушевленному предмету), топает ногой, демонстративно закрывает уши ладонями, сует руки в карманы, бьет себя в грудь, подчеркивает речь (жест отчаяния), крестится, вскидывает/ опускает руки (от отвращения) и т. п.

Средства номинации *демонстративного жеста* также разнообразны: *to throw one's hands up (disgustedly), to clap one's hands (with joy), to put one's hands over smb's ears, with a stamp of one's foot, to cross himself, to point at, to shake one's head at, to shrug one's shoulders, to shake one's fist out at (the door/the sea), to shake one's finger indignantly (demonstratively)*, например:

YORK I could say much, but – [He shrugs his shoulders] [14]

MARY WARREN [With a stamp of her foot] I'll not be ordered to bed no more, Mr. Proctor! I am eighteen and a woman, however single! [20]

Таким образом, демонстративный жест является осознанным движением, цель которого состоит в демонстрации собеседнику собственного эмоционального состояния. По внешнему исполнению демонстративный жест может совпадать с другими типами жестов, однако особенности средств номинации данного типа жеста и, в не-

которых случаях, привлечение более широкого контекста позволяют, тем не менее, однозначно идентифицировать описанный тип НКК.

Механизм *контактообусловленного жеста* аналогичен механизмам демонстративного жеста, но функцией выполняемого движения в контактообусловленном жесте является установление или разрыв контакта с собеседником. Данный жест, таким образом, всегда является осознанным экстравертным жестом. Контакт-обусловленный жест представлен двумя подтипами: движением руки/рук человека по направлению к человеку либо, наоборот, от человека.

Номинация контактоустанавливающего жеста происходит с помощью кинематических речений типа *to hold out one's hand, to hold one's arms open for, etc.*, например:

WALTER [*He holds his arms open for Travis*] *You just name it, son...* [16]

Номинация контактопрерывающего жеста происходит при помощи таких кинематических речений, как: *to draw back one's fist, to fling out one's hands, etc.*, например:

EVANS [*Raging*] *You – ! [He draws back his fist – then suddenly horrified at what he is doing but still angry, grabs Darrell by both shoulders and shakes him] Wake up! You gone crazy?* [23]

JOE [*Flinging out his hands with an irritated gesture*] *But can't you see, Anne, legally we don't own that place!* [15]

Жест, изображающий разрыв контакта, имеет в ремарке, как правило, дополнительную смысловую нагрузку. Так, например, во втором случае кроме собственно прерывания контакта жест имеет функцию эмфатического подчеркивания речи.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что нами была создана классификация косвенных средств номинации ИСС, которая отражает как психофизиологические механизмы реализации того или иного типа ИСС, так и особенности объективации мимики и жестов субъекта, переживающего сильное эмоциональное напряжение. Представляется, что принципы, положенные в основу данной классификации могут быть успешно экстраполированы на процедуру анализа авторских ремарок, описывающих другие НКК (поза, локомоция, голосовые характеристики, такесика и так далее) Классификация средств номинации ИСС в драматургических ремарках, включающая косвенные номинации всех типов НКК, а также прямую номинацию, и основанный на ней алгоритм идентификации ИСС имеет большое значение не только для

лингвистики, так как подтверждает возможность использования художественных произведений для исследований подобного рода, но и для целого ряда других наук (педагогика, медицина, журналистика).

Список литературы

1. Верещагин, Е. М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // *Вопр. языкознания*. 1981. № 1. С. 36–47.

2. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М., 1983. 268 с.

3. Гак, В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. 1997. № 3. С. 87–95.

4. Красильникова, Е. В. Жест и языковые фразеологизмы (к соотношению вербального и невербального кодов) / под ред. Е. Верещагина, В. Костомарова // *Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку*. М., 1977. С. 58–67.

5. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика. М., 2001. 592 с.

6. Ротенберг, В. С. Поисковая активность и адаптация / В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский, отв. ред. П. Симонов. М., 1984. 192 с.

7. Спивак, Д. Л. Лингвистика изменённых состояний сознания : дис. ... д-ра филол. и психол. наук. СПб., 1998. 351 с.

8. Сухаревский, Л. М. Мимика как объективный фактор внешнего выражения личности // *Проблемы личности : материалы симпозиума*. М., 1969. С. 216–227.

9. Трусов, В. П. Выражение эмоций на лице (по материалам работ П. Экмана) // *Вопр. психологии*. 1982. № 5. С. 144–147.

10. Шаховский, В. И. Категоризация эмоции в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 190 с.

11. Birdwhistell, R. L. *Kinesics and context: Essays on Body-motion Communication*. Harmondsworth, 1973. 338 p.

12. Leonhard, K. *Der menschliche Ausdruck in Mimik, Gestik und Phonik*. Leipzig, 1976. 310 s.

Список источников

13. Albee, E. Who is afraid of Virginia Woolf? N.-Y., 1965. 242 p.

14. Carswell, D. *Count Albany // Seven Short Plays for Reading or Acting*. London, 1951. P. 203–222.
  15. Field, R. *The Patchwork Quilt // A Book of Plays: The Pageant of Literature*. N.-Y., 1960. P. 206–221.
  16. Hansberry, L. *A Raisin in the Sun*. N.-Y., 1988. 151 p.
  17. Heller, J. *We Bombed In New Haven // Famous American Plays of the 1960s*. N.-Y., 1988. P. 174–274.
  18. Howard, S. *They Knew What They Wanted // Sixteen Famous American Plays*. The Modern Library. N.-Y., 1941 (reprint). P. 4–55.
  19. Miller, A. *After the Fall*. Penguin Plays, 1968. 127 p.
  20. Miller, A. *The Crucible*. The Bantam Library of World Drama, 1967. 142 p.
  21. O'Casey, S. *Oak Leaves and Lavender // Collected Plays*. London, 1951. P. 1–116.
  22. O'Neill, E. *Anne Christie*. [Electronic resource]. URL: <http://www.gutenberg.org/etext/4025>.
  23. O'Neill, E. *The Hairy Ape // Ah, Wilderness. The Hairy Ape. All God's Chillun Got Wings. The Emperor Jones. Desire Under the Elms*. Penguin Books, 1971. P. 135–190.
  24. O'Neill, E. *Strange Interlude // Three Plays*. N.-Y., 1958. P. 61–226.
  25. Pinner, D. *Dickon // New English Dramatists 10*. London, 1967. P. 93–156.
  26. Ribman, R. *Fingernails Blue as Flowers // The American Place Theatre: Plays*. N.-Y., 1973. P. 1–30.
  27. Shaw, G. B. *Cesar and Cleopatra* [Electronic resource]. URL: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext02/candc10.txt>.
  28. Shaffer, P. *Five Finger Exercise // Modern English Drama*. M., 1984. P. 33–156.
  29. Simon, N. *Brighton Beach Memoirs // Best American Plays. Ninth Series. 1983–1992*. N.-Y., 1993. P. 1–39.
  30. Storey, D. *The Restoration of Arnold Middleton // Modern English Drama*. M., 1984. P. 157–274.
  31. Williams, E. *Night Must Fall* [Electronic resource]. URL: <http://www.gutenberg.org/etext/7765>.
- russkogo yazyka)" [=About the specificities of the reflection of facial expression and gestures by verbal means (on the material of the Russian language)], in: *Voprosy yazykoznanija* [=The issues of linguistics], № 1, pp. 36–47 (in Russ.).
2. Vereschagin, E. M. and Kostomarov, V. G. (1983) *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [=The linguo-cultural studies in teaching Russian as a foreign language], Moscow, 286 p. (in Russ.).
  3. Gak, V. G. (1997) "Emotsij i otsenki v strukture vyskazyvaniya i teksta" [=Emotions and appraisals in the structure of the utterance and the text], in *Filologiya* [=Philology], Volume 9, № 3, pp. 87–95 (in Russ.).
  4. Krasil'nikova, E. V. (1977) "Jest i yazykovye fraseologizmy (k sootnosheniyu verbal'nogo i neverbal'nogo kodov)" [=The gesture and the language idioms (to the correlation of the verbal and nonverbal codes)], pod red. E. M. Vereschagina, V. G. Kostomarova, in: *Iz opyta sozdaniya lingvostranovedcheskih nosobiy po russkomu yazyku* [=From the experience of creating text-books in Russian linguo-cultural studies], Moscow, pp. 58–67 (in Russ.).
  5. Kreidlin, G. E. (2001) *Neverbal'naya semiotika* [=Nonverbal semiotics], Moscow, 592 p. (in Russ.).
  6. Rotenberg, V. S. and Arshavskij, V. V. (1984) *Poiskovaja aktivnost' i adaptatsiya* [=The searching activity and adaptation], otv. red. P. V. Simonov, Moscow, 192 p. (in Russ.).
  7. Spivak, D. L. (1998) *Lingvistika izmenyonyh sostoyanij* [=Linguistics of altered states of consciousness: PhD thesis in philology and psychology], Saint Petersburg, 351 p. (in Russ.).
  8. Sukharebskij, L.M. (1969) "Mimika kak ob'ektivnyj faktor vnesnego vyrazhenija lichnosti" [=Facial expressions as an objective factor of the exposure of a personality], in: *Problemy lichnosti (materialy simposiuma)* [The problems of a personality (materials symposium)], Moscow, pp. 216–227 (in Russ.).
  9. Trusov, V. P. (1982) "Vyrazhenije emotsij na litse (po materialam rabot P. Ekmana)" [=The exposure of emotions in the face (on the materials of works by P. Ekman)], in: *Voprosy psichologii* [=The issues of psychology], № 5, pp. 144–147 (in Russ.).
  10. Shakhovskij, V. I. (1987) *Kategorizatsiya emotsij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka* [=The categorization of emotions in lexical system of the language], Voronezh, 190 p. (in Russ.).
  11. Birdwhistell, R. L. (1973) *Kinesics and*

References

1. Vereschagin, E. M. and Kostomarov, V. G. (1981) "O svoeobrazii otrazheniya mimiki i zhestov verbal'nymi sredstvami (na materiale

context: *Essays on Body-motion Coommunication*, Harmondsworth, 338 p.

12. Leonhard, K. (1976) *Der menschliche Ausdruck in Mimik, Gestik und Phonik*, Leipzig, 310 s.

Works Cited

13. Albee, E. (1965) *Who is afraid of Virginia Woolf?* New York, 242 p.

14. Carswell, D. (1951) Count Albany, in: *Seven Short Plays for Reading or Acting*, London, pp. 203–222.

15. Field, R. (1960) The Patchwork Quilt, in: *A Book of Plays: The Pageant of Literature*, New York, pp. 206–221.

16. Hansberry, L. (1988) *A Raisin in the Sun*, New York, 151 p.

17. Heller, J. (1988) We Bombed In New Haven, in: *Famous American Plays of the 1960s*, New York, pp. 174–274.

18. Howard, S. (1941) They Knew What They Wanted, in: *Sixteen Famous American Plays. The Modern Library*, New York, pp. 4–55.

19. Miller, A. (1968). *After the Fall*, Penguin Plays, 127 p.

20. Miller, A. (1967) *The Crucible*, The Bantam Library of World Drama. 142 p.

21. O'Casey, S. (1951) Oak Leaves and Lavender, in: *Collected Plays*, London, pp. 1–116.

22. O'Neill, E. Anne Christie, in: *Project*

Gutenberg, available at: <http://www.gutenberg.org/etext/4025>, accessed 23.10.2014.

23. O'Neill, E. (1971) The Hairy Ape, in: *Ah, Wilderness. The Hairy Ape. All God's Chillun Got Wings. The Emperor Jones. Desire Under the Elms*, Penguin Books, pp. 135–190.

24. O'Neill, E. (1958) Strange Interlude, in: *Three Plays*, New York, pp. 61–226.

25. Pinner, D. (1967) Dickon, in: *New English Dramatists 10*, London, pp. 93–156.

26. Ribman, R. (1973) Fingernails Blue as Flowers, in: *The American Place Theatre: Plays*, New York, pp. 1–30.

27. Shaw, G.B. Ceasar and Cleopatra, in: *Project Gutenberg*, available at: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext02/cande10.txt>, accessed: 07.11.2007.

28. Shaffer, P. (1984) Five Finger Exercise, in: *Modern English Drama*, Moscow, pp. 33–156.

29. Simon, N. (1993) Brighton Beach Memoirs, in: *Best American Plays. Ninth Series. 1983-1992*, New York, pp. 1–39.

30. Storey, D. (1984) The Restoration of Arnold Middleton, in: *Modern English Drama*, Moscow, pp. 157–274.

31. Williams, E. Night Must Fall, in: *Project Gutenberg*, available at: <http://www.gutenberg.org/etext/7765>, accessed 23.12.2014.

ИНВАРИАНТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНУТРЕННЕГО ПОРЦИОНИРОВАНИЯ ТЕКСТА СОНЕТА

Рассматривается взаимосвязь между способами внутреннего порционирования текста, которые каждый автор выбирает индивидуально, и наблюдаемыми при этом процессами формообразования. На основе метода позиционного анализа, разработанного Г. Г. Москальчук, сравниваются не отдельные тексты, а целые циклы, выявляются характеристики и параметры более высокого порядка в отвлечении от второстепенных деталей.

Ключевые слова: текст, инвариант, форма текста, модель, позиционный анализ, формообразование, дискретность.

Осмысление текста как самоорганизующейся системы и объекта природы, к которому применимы общенаучные понятия, позволяет точную квалификацию формы текста и динамических процессов, приводящих текст к тому или иному варианту структурной организации (Москальчук). Исходя из методики позиционного анализа Г. Г. Москальчук, на результат стихийной самоорганизации формы текста влияют конечные знаки препинания, создающие внутреннюю дискретность текста. Тексты анализируются по позиционным срезам и интервалам между ними: абсолютное начало и абсолютный конец текста (первая и последняя словоформы текста), гармонический центр (ГЦ, пропорция 0,618 от объема целого), гармонический центр зоны начала (ГЦн, пропорция 0,236 от целого), абсолютно слабые позиции текста между тремя композиционными зонами и зачин текста (0,146 от абсолютного начала текста). В указанной работе выведены при заданных параметрах моделирования 243 теоретически возможных варианта развертывания внутренней структуры текста относительно метроритмической матрицы как инвариантной серии пропорций золотого сечения, природного критерия оптимальности сложных самоорганизующихся систем.

В работах Г. Г. Москальчук, Э. Т. Болдыревой, Н. В. Добрыниной, А. Ю. Корбут и др. было доказано, что формальная организация текста информативна, а форма текста обеспечивает оптимальное и/или неоптимальное восприятие информации, поскольку при ознакомлении с текстом читатель сталкивается с пространственно-временной организацией текста [2–5].

Форма текста понимается как конструкт высшего порядка сложности, на фоне которого мы можем оценивать эквивалентность текстов

оригинала и перевода. Так как «несовпадение ритма целого текста в оригинале и переводе может существенно исказить читательское восприятие авторского замысла» [5. С. 247], то вероятно, необходимо тщательнее изучить на материале вторичных текстов, восходящих к одному прототипу, связь между числом предложений и количеством слов в них, для того, чтобы понять, существует ли какая-либо закономерность и пропорциональные отношения между этими двумя параметрами, оказывающими непосредственное влияние на формообразование текста.

Целью настоящей статьи является анализ взаимосвязей между количеством предложений в переводе и характером процессов формообразования во вторичных текстах, принадлежащих различным авторам.

Исследование проводится на материале полных циклов переводов сонетов У. Шекспира, выполненных разными авторами. Мы располагаем 33 циклами по 154 текста каждый и около 300 отдельными переводами сонетов. Всего более 5 500 текстов. Позиционный анализ текстов проводился с помощью компьютерной программы, разработанной С. Панариным по алгоритмам и на основе результатов Г. Г. Москальчук. В работе использованы условные обозначения позиций, следующих в определенном порядке, имеющих стандартное положение, пропорциональное от размера целого текста, а также собственные обозначения: зачин (0,146 от объема текста), пред-ГЦн (пропорция 0,09 от объема целого), пост-ГЦн (0,146), пред-ГЦ (0,236) и пост-ГЦ (0,236), конец (0,146) (см. подробнее: [1. С. 36–37; 5]).

При изучении инвариантных параметров циклов замечено, что частотной является модель /21111/, имеющая плотность циклов 5 – 10

– 8 – 6 – 4 – 2, где креативный аттрактор (область в тексте, концентрирующая в себе максимум творческих усилий автора, далее – КА) локализуется в двух зонах: пред-ГЦн и пост-ГЦн. Из 33 изученных циклов в 16 наблюдаются инвариантные параметры данной модели. 5 инвариантов имеют модель /22111/, с плотностью циклов 4 – 8 – 12 – 9 – 6 – 4, где КА расположен в зонах пост-ГЦн и пред-ГЦ. Вариант развертывания структуры текста /21111/ имеют 558 текстов из 5500, что составляет 10 % от русских переводов. Эта модель стоит на первом месте по частотности употребления в русских переводах. А модель /22111/ реализуется в 275 текстах. В целом две представленные модели реализованы в 833 текстах из 5 500, то есть 15 % выборки. Полагаем, что такое совпадение не может быть случайным, и попытаемся выявить некоторые закономерные моменты такого предпочтения.

Так, в сонетах, реализующих модели /21111/ и /22111/, среднее число предложений равняется 4–4,5. В данной группе нет текстов состоящих из 1 предложения, всего 8 текстов содержат 2–3 предложения. Именно эти формы чем-то «удобны» переводчикам, если они выбираются ими неосознанно в большом количестве переводов, повинувшись неизвестным нам мотивам, вероятно, общим ритмом целого.

Среднее количество слов в текстах, построенных по модели /22111/, примерно равно 76, а в текстах модели /21111/ – 71, то есть 74 – усредненное количество слов по этим двум инвариантным моделям. При следовании классической сонетной форме в каждый из трех катренов (четверостиший) попадает 28 % слов, то есть примерно 21 слово, а в двустишие – 14 % (это примерно 14 слов). Соотношение средних по-

казателей распределения всего объема слов по строфам и показателей в конкретных, выборочно взятых текстах модели /21111/ (рис. 1).

Интересно, что в отличие от большинства инвариантов целых циклов переводов, которые имеют четко определенные формы, инвариант текста оригинала имеет модель /2½22½/, где две границы композиционных зон (правая граница зоны пред-ГЦн и пост-ГЦ) находятся в колебательном состоянии между крутой и пологой границами в области позиции ГЦн и левой границе зоны конца текста. В сонетах У. Шекспира (по имеющимся у нас графическим вариантам текста, а графически канонический текст отсутствует) четкой схемы расстановки конечных пунктуационных знаков нет. В условном оригинале конечные знаки препинания располагаются, в основном, в конце четных стихов, и крайне редко посередине стихов. В то же время одно предложение у автора может состоять и из 8 стихов (как, например, в 11 сонете).

Очевидно, что модели /21111/ и /22111/ «удобны» переводчикам, тем, что позволяют им разместить текст во внутритекстовом пространстве в соответствии со своим переводческим видением и пониманием процесса организации художественного произведения, в данном случае сонета. Частотные в переводах модели являются восходяще-нисходящими, с креативными аттракторами, компактно расположенными в 2 композиционных зонах, ближе к абсолютному началу текста. КА в большинстве текстов оригинала также тяготеет к локализации в самых благоприятных для восприятия зонах: пост-ГЦн и пред-ГЦ, а 5 наиболее частотных форм в текстах сонетов (/22211/, /22121/, /11221/, /11222/, /22212/) имеют восходяще-нисходящую направленность.

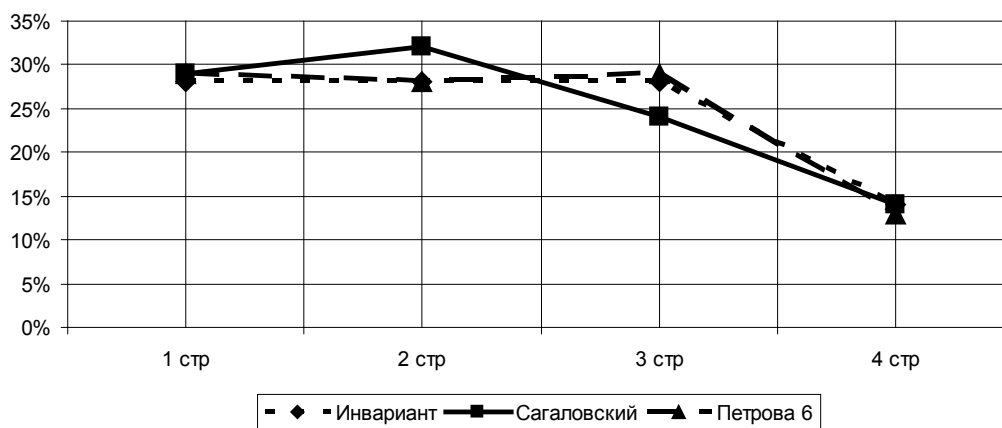

Рис. 1. Распределение общего количества слов по строфам в модели /21111/

Исходя из результатов, полученных Э. Т. Болдыревой, в текстах начало стремительной модели (например, /21111/) языковое наполнение КА задает дальнейшее развитие поставленной проблемы [2. С. 63]. Ближе к концу текста в данной модели наблюдается ослабление структурных процессов, а вместе с этим ослабление эмоционального воздействия. В центростремительной модели /22111/ с наивысшей плотностью циклов в середине текста наблюдаются восходяще-нисходящие процессы, также с их угасанием к концу текста. Сравним модели (полужирным шрифтом выделен аттрактор):

/22111/: 4 – 8 – **12** – **9** – 6 – 4, /0/;

/22211/: 3 – 6 – **9** – **12** – 8 – 4, /-1/.

Вероятно, причина выбора этих форм переводчиками кроется еще и в том, что указанные формы согласуются со стандартным сценарием развития художественного произведения, где должны быть завязка сюжета, кульминация, развязка и соответствующие им участки с различным языковым наполнением и эмоциональной напряженностью. Переводчики неосознаваемо, повинаясь чувству ритма целостного произведения, продуцируют форму текста так, чтобы смысловое наполнение гармонизировало с воспринимаемыми ими интуитивно параметрами структуры текста, что доказано экспериментально [5. С. 224–233; 290–294; 2; 3].

Безусловно, далеко не всегда гармония текста в переводе совпадает с гармонией оригинала, то есть порожденный переводчиком текст гармоничен, но по-своему. Это новый текст, с собственной структурой, иногда отличной от авторской, с иными способами скрытого воздействия на читателя.

При создании текста каждый автор, возможно, не вполне осознаваемо и ненамеренно, следует какой-то одной модели развертывания структуры текста, использует сложившийся в культуре образ внутреннего порционирования текста, предпочитая расставлять конечные знаки препинания в конце 4, 8, 12 стихов и оформляя каждую мысль отдельным предложением. Большинство переводчиков предпочитают следовать образной структуре оригинала, пренебрегая важными просодическими элементами, которые, на наш взгляд, не менее информативны, чем лексико-семантические компоненты, и должны по мере возможности сохраняться в переводе.

Когда переводчик, намеренно или неосознаваемо, следует просодике оригинала, то в тексте его перевода запечатлеваются в языковых структурах те же процессы формообразования, что и в тексте оригинала. Такое совпадение

протекающих процессов возможно либо при сохранении количества слов, что редко кому удается в силу особенностей русского языка с более «длинными» словами, нежели в английском, либо при сохранении пропорционального соотношения числа слов и предложений в тексте, иными словами, при сохранении самоподобия структурной организации текста.

Список литературы

1. Бекасова, Е. Н. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис : монография / Е. Н. Бекасова, Г. Г. Москальчук, В. Ю. Прокофьева. М., 2013. 217 с.
2. Болдырева, Э. Т. Креативный аттрактор как структурный компонент текста : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
3. Добрынина, Н. В. Проблемы синергетического подхода к изучению процесса восприятия иноязычных текстов носителями русского языка (научно-прикладной аспект) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 126–131.
4. Корбут, А. Ю. Текстосимметрия / науч. ред. Г. Г. Москальчук. Иркутск, 2004. 200 с.
5. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М., 2010. 296 с.

References

1. Bekasova, E. N. (2013) *Vektory interpretacii teksta: struktury, smysly, genesis* [=Vectors of interpretation of the text: structures, meanings, genesis], ed. E. N. Bekasova, G. G. Moskal'chuk, V. Ju. Prokof'eva, Moscow, 217 p. (in Russ.).
2. Boldyreva, Je. T. (2007) *Kreativnyj attraktor kak strukturnyj komponent teksta* [=Creative attractor as structural component of the text], Cheljabinsk (in Russ.).
3. Dobrynina, N. V. (2009) "Problemy sinergetičeskogo podhoda k izucheniju processa vospriyatija inozazychnyh tekstov nositeljami russkogo jazyka (naučno-prikladnoj aspekt)" [=Problems of synergetic approach to studying of process of perception of foreign-language texts by native speakers of Russian (scientific and applied aspect)], in: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [=Knowledge. Understanding. Ability], № 1. S. 126–131. (in Russ.).
4. Korbut, A. Ju. (2004) *Tekstosimetrika* [=Tekstosimetrika], науч. ред. Г. Г. Москальчук. Иркутск, 200 с. (in Russ.).
5. Moskal'chuk, G. G. (2010) *Struktura teksta kak sinergetičeskij process* [=Structure of the text as synergetic process]. Moscow, 296 s. (in Russ.).

БАШКИРСКИЕ ГЛАСНЫЕ [э], [и] И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и развитие башкирского языка и его диалектов в сравнительно-историческом освещении (на общетюркском фоне)», проект № 13-14-02009

Исследуется происхождение башкирской широкой гласной фонемы [э] и узкой гласной фонемы [и]. В системе вокализма башкирского языка обнаружены три истока появления гласной фонемы [э]. Основными истоками появления башкирской гласной фонемы [э] являются упреждение пратюркского [а], арабские, персидские заимствованные слова и влияние древнетюркского языка, то есть влияние вокализма текстов орхоно-енисейских стел. Было выявлено, что своим происхождением башкирская гласная фонема [и] восходит к пратюркской *i и древнетюркской ä.

Ключевые слова: башкирский язык, историческая фонология, гласные фонемы [э], [и], древнетюркская гласная ä.

В отличие от классической восьмичленной вокалической структуры [а, е, у, i, о, ö, u, ü] пратюркского состояния и некоторых современных тюркских языков в башкирском языке употребляются девять гласных фонем. Дополнительная гласная фонема [э] является достаточно активной и часто используемой в башкирской речи. Она характеризуется как широкая, неогубленная, переднерядная гласная фонема и употребляется во всех позициях слова: *асэй* – мама, *эбей* – старуха, *экрэн* – медленно, *бэлэкэй* – маленький, *йэкэл* – щиколотка, *тэрэн* – глубокий, *үлэн* – трава, *маке* – прорубь, *йэй* – лето, *тэкэ* – козел; баран, *бэлэ* – беда, *йэйеу* – расстилать; раскатать, *эйтеу* – сказать и т.п.

Цель настоящей статьи – попытаться определить пути происхождения и развития гласных фонем [э] и [и] в башкирском языке.

Этимологические исследования слов с фонемой [э] и анализ фактического материала показывают, что по происхождению существуют три варианта гласных [э] в башкирском языке. Условно мы их обозначим [э¹], [э²], [э³]. По мнению авторов Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков (далее СИГТЯ), башкирская фонема [э¹] появилась в результате упреждения пратюркской фонемы *a перед согласными [й, с, ш] в составе исконно тюркских слов. Например: *ačī, асе – горький (также имеется форма асы), *jaš, йәш – слеза, молодой, возраст, *jajaу, йәйәу – пешком, *ajt-, әйт- – сказать и т.п. Такое же мнение высказывал ряд тюркологов (Ф. Г. Исхаков,

В. Томсен, К. Томсен, Й. Бенцинг, А. М. Щербак, А. А. Юлдашев, О. А. Мудрак), которые считают, что башкирский [э] развивался из пратюркского *a в результате палатализации слов с прежним веларным строением типа *jaš* > *йәш* молодой, *ajt-* > *әйт-* сказать [7. С. 141, 146; 8. С. 225–227; 9. С. 224–228].

Вторая гласная фонема [э²] употребляется в заимствованных словах арабского и персидского происхождения. Например, *йән* – душа, *әңгәмә* – беседа, *әкиәт* – сказка, *әзәм* – человек, *әзәп* – воспитание и т.п. Однако кроме вышеотмеченных случаев есть и ряд других слов с фонемой [э³] – *әмәл* – способ, *сүбәк* – очёски; чувяки, *көбәк* – ствол огнестрельного оружия, *бизәк* – узор, *беләк* – запястье, предплечье, *иешәк* – двухгодовалая овца, *тирәк* – тополь, *тән* – тело, *Тәңре* – языческий бог тюрков и т.п. Возможно, гласная [э³] восходит к древнетюркскому языку, так как в текстах орхоно-енисейских стел также была гласная фонема [ä]. См. примеры: *ämäl* – надежда, чаяние, *tišäk* – двухгодовалая овца, *tirsäk* – локоть, *bänkü/mänkü* – вечный, *bizkä* – нам и т.п. [5. С. 68, 69; 6. С. 5–45].

Следует добавить, что многие слова с фонемой [ä] орхоно-енисейских текстов в башкирском языке сузились до самой узкой гласной фонемы [и], например, древнетюрк. *bän / män* > башк. *мин* – я, древнетюрк. *sän*, башк. *һин* – ты, древнетюрк. *är*, баш. *ир* – мужчина, древнетюрк. *ämgäk* > башк. *имгәк* – обуза, бремя, древнетюрк. *cäkiz* > башк. *һигез* – восемь, древнетюрк. *ädgü* > башк. *изге* – добрый и т.п. [ДТС].

Н. З. Гаджиева отмечает, что изменение [э] в [и] характерно для татарского, башкирского, хакасского и отчасти чувашского языков [2. С. 100–126]. Ср. примеры: орх-ен. *ām*, тат. *им*, башк. *им*, хак. *им*, чув. *им* – снадобье, лечение; различные обряды совершаемые знахарем для лечения больного, орх-ен. *kālin*, тат. *килен*, башк. *килен*, хак. *килен*, чув. *килен*, *кин* – сноха, орх-ен. *sāk-*, *sāker*, тат. *сикер-*, башк. *һикер-*, хак. *сикер-*, чув. *сик-*, *сикрĕ* – прыгать и т. п. Возможно, данное фонетическое явление связано с сужением гласных тюркских языков Поволжского ареала под влиянием болгарского языка.

Однако в башкирском языке изменение *э > *и* не всегда осуществляется последовательно (например, башк. *кәмә*, *кәңәш*, *әпәй*, вместо тат. *кимә*, *көймә* – лодка, *киңәш* – совет, *иней* – хлеб). Видимо, башкирская фонема [э] в определенных словах и аффиксах может быть остатком древнетюркского состояния. Некоторые лексемы имеют две формы, см. примеры: (лит.) *сәскә* – (диал.) *сискә* – цветок, (лит.) *кәбән* – (диал.) *кибән* – скирда, (лит.) *бәпкә* – (диал.) *бипкә* – гусёнок (лит.) *сак кына* – *сәк кенә* – (диал.) *сик кына* – мало, немного, (диал.) *мәләш* – (лит.) *миләш* – рябина, (диал.) *тәрән* – (лит.) *тирән* – глубокий, (диал.) *әтәк* – (лит.) *икмәк* – хлеб, (лит.) *кәтмән* – (диал.) *китмән* – мотыга, (диал.) *сәп-* – (лит.) *һип-* – лить и т. п.

Также в антропонимах довольно часто вместо узкой гласной [и] произносится широкая гласная фонема [э]. Например, (разг.) *Тәмербәк* – (лит.) *Тимербәк*, (разг.) *Тәмерйән* – (лит.) *Тимерйән*, (разг.) *Ғәндулла* – (лит.) *Ғиндулла*, (разг.) *Сәләхәтдин* – (лит.) *Сәләхитдин*, (разг.) *Ғәлмияза* – (лит.) *Ғилмияза*, (разг.) *Минзәлә* – (лит.) *Минзилә* и пр.

Гласная фонема *ä древнетюркского языка представлена также в текстах эпитафий волжских болгар, хотя в некоторых словах графема для фонемы [э] графически не изображена: например, булг. *باليوك* *bälük* – надмогильный знак, булг. *ساکەر* *säker* – восемь, булг. *سمرخ* *Čägrimsän* Чермасан, *تال* *älti* – госпожа, *تا* *äti* – было [10. С. 48, 49].

Характеризуя природу гласной фонемы [э], следует отметить, что в вокативах башкирского языка *инәй* > *иней* / *инөй*, *әсәй* > *әсей* / *әсөй*, *өләсәй* > *өләсей* / *өләсөй* и т. п. наблюдается переход *э* > *э* и *э* > *ө*.

Известный тюрколог А. В. Дыбо выявила подобные фонетические явления и в вен-

герском (мадьярском) языке. Она пишет, что древнетюркские слова с закрытым *e* в венгерском языке или подверглись лабиализации и перешли в *ö* (по стандартному венгерскому развитию), или в результате вторичного удлинения отражаются как *é* долгий: башк. *süprä*, венг. *seprő* – дрожжи, осадок; венг. *csepő*, баш. *sübäk* – очес, пакля [4. С. 72, 73, 87].

Кроме вышеотмеченных соответствий (*э* ~ *и*, *э* ~ *э*, *э* ~ *ө*) башкирская фонема [э] характеризуется соответствием *а* ~ *э* в первом слоге слова. Особенно такое фонетическое явление наблюдается в говорах башкирского языка. Например: *атай* / *атый* – *әтей* – отец, *акрын* – *әкрән* – медленно, *һалтылдау* – *һәлпелдәу* – колебаться, *һалыныу* – *һәленеу* – висеть, *баулау* – *бәйләу* – завязывать, *саркырау* – *сәркерәу* – кричать неестественным голосом; ржать (о жеребенке, лошадях), *сай* – *сәй* – ил, *асы* – *әсе* – горький, *сак* – *сәк* – еле, мало, *шал* – *шәл* – шаль и т. п.

По исследованиям Ф. Г. Хакимзянова, в словах болгарских эпитафий также встречается соответствие *а* ~ *ä*. Например, *آچا äčkä* ‘отец’, *atna baši* – *ärnä baši* ‘начало недели, понедельник’, *Хаçита* – *Хäçitä* и т. п. [10. С. 188, 191].

Таким образом, основными истоками появления башкирской гласной фонемы [э] являются упреждение пратюркского [а], арабские, персидские заимствованные слова и влияние древнетюркского языка. Было отмечено, что гласная фонема [ä] высечена в текстах орхон-енисейских и болгарских эпитафий, также активно употребляется в современном башкирском, татарском, азербайджанском, туркменском языках и диалектах турецкого языка.

Гласная фонема [и]. Башкирская гласная фонема [и] характеризуется как узкий, негубной, переднерядный звук, которая встречается только в первом слоге исконно башкирских слов: *им* – лечение; заговор, *икмәк* – хлеб, *ир* – мужчина, *имән* – дуб, *иргәйел* – карлик, *тир* – пот, *тирмән* – мельница, *бил* – поясница, *сирек* – четверть, *бишек* – детская люлька, колыбель, *из-* – мять, давить и т. п.

Своим истоком башкирская фонема [и] восходит к пратюркской фонеме *i и древнетюркской гласной фонеме *ä*, ср.: древнетюрк. *käl-*, башк. *кил-* – приходить, древнетюрк. *käs-*, баш. *киç-* – резать, древнетюрк. *äm-*, баш. *им-* – сосать, древнетюрк. *säkiz*, булг. *ساکەر* *säker*, баш. *һигез* – восемь и т. п.

Выше (в анализе фонемы [э]) было отмечено о превращении древнетюркского *ä в *и*, ко-

торое характерно для татарского, башкирского, хакасского и отчасти чувашского языков, ср.: древнетюрк. *sāz-*, башк. *һиз-*, тат. *сиз-*, хак. *сис-*, чув. *сис-* – ‘чувствовать’.

Авторы коллективной работы «СИГТЯ. Региональные реконструкции» (2002) считают, что сужение пракыпчакского *ä > u* в уральской подгруппе кыпчакских языков произошло сравнительно поздно под интенсивным воздействием болгаро-чувашского субстрата [8. С. 2002, 226].

Данная гласная фонема в текстах болгарских эпиграфий обозначена графемами *ы* [йа] в сочетании с *ʿ* [алифом] в следующих словах: булг. *ترايز*, баш. *зыяраты* [зиараты] – его место погребения, булг. *لایک*, баш. *килене* – его жена, булг. *تایچ*, баш. *ете* – семь и т. п. Ф. С. Хакимзянов отмечает, что глагольная форма было в памятниках j-диалекта начертана в виде *یاریا* [ирде] [10. С. 50, 51].

Итак, башкирская гласная фонема [и] является результатом сужения древнетюркской фонемы [*ä] через промежуточную ступень пракыпчакской фонемы [e], а пракыпчакская фонема в свою очередь сузилась в [u] под влиянием болгарского языка. Однако в башкирском языке сужение древнетюркского *ä происходило непоследовательно. Об этом свидетельствуют слова, где сохраняется древнетюркская *ä. Древнетюркская *ä наблюдается без изменения и в волжских эпиграфиях.

Список литературы

1. Валиева, М. Р. Башкорт теленең һузынқылар системаһындағы болгар элементтары // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана : сб. науч. трудов. Уфа, 2012. С. 31–35.

2. Гаджиева, Н. З. К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980. С. 100–126.

3. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л., 1969. 676 с.

4. Дыбо, А. В. Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском. // V. Ju. Gusev, A. Widmer & A. Klein (eds.). *Gedenkschrift für Eugen A. Helimski*. Frankfurt am Main, 2010. С. 72, 73.

5. Малов, С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.–Л., 1952. С. 68, 69.

6. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской

письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л., 1959. С. 5–45.

7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1984. 484 с.

8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 2002. 767 с.

9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э. Р. Тенишева и А. В. Дыбо. М., 2006. 901 с.

10. Хакимзянов, Ф. С. Язык эпиграфий волжских булгар. М., 1978. 205 с.

References

1. Valieva, M. R. (2012) *Bashkort teleneң һузынқылар системаһындағы болгар jelementtary*, in: *Aktual'nye problemy istorii, jazyka i kul'tury Bashkortostana* [=Actual problems of history, language and culture of Bashkortostan], Ufa, S. 31–35 (in Bashk.).

2. Gadzhieva, N. Z. (1980) “K voprosu o klassifikacii tjurkskih jazykov i dialektov” [=To a question of classification of Turkic languages and dialects] in: *Teoreticheskie osnovy klassifikacii jazykov mira* [=Theoretical bases of classification of languages of the world], Moscow, pp. 100–126 (in Russ.).

3. *Drevnetjurkskij slovar'* [=Old Turkic dictionary] (1969), ed. V. M. Nadeljaev, Leningrad, 676 s. (in Russ.)

4. Dybo, A. V. (2010) “Vokalizm rannetjurkskih zaimstvovanij v vengerskom” [=Vocalism of Old Turkic loans in Hungarian], in: V. Ju. Gusev, A. Widmer & A. Klein (eds.). *Gedenkschrift für Eugen A. Helimski*, Frankfurt am Main, pp. 72, 73.

5. Malov, S. E. *Enisejskaja pis'mennost' tjurkov* [=Enisej writing Turks]. Moscow ; Leningrad, 1952. S. 68, 69 (in Russ.).

6. Malov, S. E. (1959) *Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti Mongolii i Kirgizii* [=Monuments to drevnetyurksky writing of Mongolia and Kyrgyzstan], Moscow ; Leningrad, pp. 5–45 (in Russ.).

7. *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Fonetika* [=Comparative-historical grammar of Turkic languages. Phonetics] (1984), ed. Je. R. Tenishev, Moscow, 484 s. (in Russ.).

8. *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Regional'nye rekonstrukcii* [=Comparative-historical grammar of Turkic

languages. Regional reconstruction] (2002), ed. Je. R. Tenishev, Moskow, 767 s. (in Russ.).

9. *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Pratzjurskij jazyk-osnova. Kartina mira pratzjurskogo jetnosa po dannym jazyka* [=Comparative-historical grammar of Turkic languages. Pratzjursky language basis.

A picture of the world of pratzjursky ethnos according to language] (2006), ed. Je. R. Tenisheva i A. V. Dybo, Moskow, 901 s. (in Russ.).

10. Hakimzjanov, F. S. (1978) *Jazyk jepitafij volzhskih bulgar* [=Language of epitaphs Volga Bulgar], Moskow, 205 s. (in Russ.).

Л. М. Гараева

КОМИЧЕСКОЕ В АГРЕССИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР

Анализируются различные формы вербальной агрессии на материале фольклорных текстов профессиональных субкультур (прозвище, песня, частушка и др.), создаваемых в профессиональных сообществах. Объект вербальной агрессии как «не норма», «не стандарт» дает представление о стереотипах и ценностных установках сообщества. Норма профессиональной субкультуры как совокупность принятых в профессиональном сообществе стереотипов поведения, а также параметров объектов живого и неживого мира имплицитно представлена как в системе профессионального языка, так и в речевых произведениях, в том числе прецедентных текстах профессиональной субкультуры.

Ключевые слова: прагмалингвистика, агрессия, вежливость, грубость, профессиональная субкультура.

В рамках прагмалингвистического подхода вербальная агрессия рассматривается как одна из форм реализации дихотомической пары вежливость – грубость. Как вежливость, так и грубость суть исторические этнонациональные стратегии поведения, имеющие целью достижение желаемого. При этом вежливость предполагает сохранение благоприятных отношений общения партнеров, в то время как грубость детерминирует возникновение (или допущение) конфликтной (скрытой или явной) ситуации. Грубость в той же мере, что и вежливость отражает социальные ценности, очерчивая круг феноменов, категоризируемых обществом как «невежливые»: обращение на «ты» к лицу более старшего возраста или высокого положения, попытка вмешаться в личные дела собеседника, вопрос о зарплате, о возрасте женщины и так далее.

Относительный характер грубости и вежливости проявляется в дискурсе: вежливый в мужском сообществе тон может быть рассмотрен как грубый в женском и наоборот. Самая вежливая фраза в определенных условиях может прозвучать как издевательская, саркастичная и просто грубая, а самый вульгарный мат можно использовать как комплимент.

Т. В. Ларина утверждает, что в дихотомии «вежливость – грубость» в русской культуре грубость выглядит ярче, фактически именно она является базовым компонентом. И, что еще важнее, русская культура прямо противопоставляет вежливость и грубость, между ними не мыслится мягкого перехода: человек, который только не грубит, уже считается вежливым [6. С. 137]. В англоязычных культурах категории «вежливость» и «грубость» отнюдь

не дискретны. Р. Уотс предлагает вместо дихотомической оценки поведения коммуникантов делить поведение на вежливое, невежливое и социально допустимое [6. С. 158]. Очевидно, что такого рода различия русской и англоязычных культур нашли отражения в языке этносов и наций.

Философский словарь фиксирует многозначность современных трактовок понятия агрессии: «В настоящее время это понятие используется для обозначения самых разнообразных видов и форм поведения – от реплик и элементов пародий до применения различных мер физического воздействия, включая и такие из них, которые заканчиваются индивидуальным или массовым летальным исходом» [10]. Психологическое понимание агрессии указывает на причины и цели агрессии как поведения лица: «Агрессия – поведение, ориентированное на нанесение вреда объектам, в качестве которых могут выступать живые существа или неодушевленные предметы. Агрессивное поведение служит формой отреагирования физического и психического дискомфорта, стрессов, фрустраций. Кроме того оно может выступать в качестве средства достижения какой-либо значимой цели, в том числе повышения собственного статуса за счет самоутверждения» [8]. Универсальность агрессии в том, что она проявляется при любом типе общения (межличностном, групповом, массовом) и любом дискурсе, независимо от его временных, гендерных, этнических, возрастных, социальных, этнических и национальных факторов.

Большая часть дефиниций вербальной агрессии содержит указание на такую форму речевого поведения, которое нацелено на

оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом [2. С. 96]. Вербальная агрессия всегда подразумевает намеренное речевое воздействие на прямого или косвенного адресата с целью его дискредитации (подрыв доверия, умаление авторитета, престижа, значения кого-либо), оскорбления (унижения чести и достоинства) [5. С. 29].

Под субкультурой профессии мы понимаем символично-нормативный комплекс, транслируемый в рамках соответствующего профессионального сообщества на неформальной основе, то есть в процессе повседневных взаимодействий, как традиция, разделяемая членами сообщества. В данном случае мы ограничиваемся пониманием субкультуры как культуры сообщества [12], то есть определенного сегмента общества, объединенного общей идентичностью, в данном случае, профессиональной. Понятие субкультуры акцентирует оппозицию “sub – dominant” [14], то есть предполагает некоторую степень противостояния или хотя бы альтернативности доминирующей культуре и обычно используется для описания традиций маргинальных, подчиненных, делинквентных сообществ (ср.: криминальная субкультура, субкультура скинхедов).

Профессиональная субкультура есть не весь спектр законов и правил функционирования личности в профессиональном социуме, но те из них, которые развиваются помимо официальных институциональных норм, в ходе неформального общения в профессиональной среде. Эти нормы могут дополнять и детализировать, но также и блокировать или перекодировать официальные. С одной стороны, они должны обеспечивать осуществление, стабилизацию, легитимацию власти профессионала по отношению к клиенту (по существу, опосредуя и адаптируя к реальным условиям власть социального института). С другой стороны – противостояние профессионального сообщества власти – официального руководства, то есть инстанций в рамках института, в который включена профессия; давлению со стороны заказчика или клиента, то есть потребителя услуг профессионала. Нормы противостояния утверждают автономию профессии как одну из важнейших черт, характеризующих само это понятие (понятие «профессии» базируется на таких критериях, как обладание экспертным знанием, получаемым в ходе специального обучения и удостоверяемого процедурами

лицензирования; автономия; наличие кодекса профессионала) [13].

В целом нормативный комплекс профессиональной субкультуры обеспечивает интересы профессионального сообщества и поддерживает относительную автономию профессии, являясь своего рода опосредующим звеном между официальными институциональными нормами и реальными условиями социальной среды, в которой профессия функционирует.

В процессе коммуникации «язык проявляет свою орудийно-знаковую сущность, благодаря чему коммуникация становится важнейшим механизмом становления индивида как социальной личности, проводником установок данного социума, формирующих индивидуальные и бытовые установки [4. С. 233].

Фольклор профессии или социума есть стереотипизированные вербальные формы, которым в сообществе придается надличностный статус, поскольку они отражают жизнь, воззрения, ценности, установки членов всего сообщества. Как правило, фольклорные тексты стереотипны (на уровне жанра, сюжета, мотивов, формул), воспроизводимы, имеют неформальные (неофициальные) каналы трансляции [7]. Спектр жанров фольклорных текстов профессиональной субкультуры широк. Это тосты, песни, переделки, частушки, байки, анекдоты, розыгрыши, приметы, легенды, мифы, кричалки спортивных фанов. Широко известны легенда о черном альпинисте, сказы горняков, песни авиаторов, тосты моряков. В качестве причин возникновения фольклорных текстов специалисты указывают (полу) замкнутость социума, удаленность, вынужденная изоляция, длительные периоды свободного времени, частые перемены эмоционального состояния членов сообщества, высокая степень риска, насилия [9].

Ученые признают комическое как аксиологически значимую категорию профессиональных сообществ [9], в которых комическое выполняет роль обличителя зла, отсталости и лени, невежества и самовлюбленности, самодурства и насилия. Субкультурные нормы отнюдь не всегда формулируются явно, но в профессиональном фольклоре есть устоявшиеся способы репрезентации норм. Типичными способами репрезентации норм профессиональных субкультур являются юмор и ирония.

Комическое предполагает наличие субъекта и объекта, а также оппозиции/противоречия социокультурных норм субъекта и объекта. В

спектре объектов осмеяния в профессиональной субкультуре выявлены следующие: личностные параметры лиц (физические, интеллектуальные, психические и др.), ситуации, в которой находится объект смеха, поведение (в том числе вербальное), находящееся в зоне недопустимого для конкретных лиц, обстоятельств и ситуации. При этом смех в профессиональном социуме можно рассматривать как механизм доминантных отношений, с одной стороны, и социоконсолидирующий механизм – с другой.

Рассмотрим стереотипы профессионального сообщества через призму объектов смеха. Перечень объектов смеха может служить косвенным отражением субкультурных ценностей и установок. В профессиональных сообществах осмеянию подлежат дихотомические категории: лень (уклонение от работы) и активная деятельность; худоба – ожирение, ложь – правдивость, а также глупость – излишняя ученость, трусость – ершистость, многословие – молчаливость и др. Комическая эмотивность присутствует в номинациях производственных артефактов (как правило, противопоставленной социальной/профессиональной группы), пищи, одежды, напитков, явлений природы, географические точки и так далее. Например, в профессиональной субкультуре железнодорожников *saraj zagadok* – электровоз ЧС7; *сундук с шумом* – электровоз серии ВЛ11; *broncos in the canyon* – букв. мустанги в каньоне, *перен.* автомобильные средства передвижения со специальными приспособлениями, позволяющими им передвигаться по железнодорожным путям, *bagpipe* – букв. волынка; *перен.* дизель марки 31/1; *banana* – букв. банан; *перен.* дизель марки 43.

Категория комического нашла отражение в большинстве жанров фольклора профессий: розыгрыше, анекдоте, тосте, песни и др. Особую значимость категория комического приобретает в прозвище, розыгрыше, анекдоте.

Комическое как способ реализации вербальной агрессии зафиксировано во всех типах отношений: профессионал – клиент; профессионал – профессионал, профессионал – персонализируемый неодушевленный объект (самолет, машина, гора, дорога и др.). При этом вербальная агрессия предполагает негативное отношение либо к адресату, либо к предмету речи.

Использование прозвищ – прагмалингвистическая универсалия большинства профессиональных сообществ. Традиционными во

многих изученных профессиональных субкультурах являются прозвища лиц других этнических групп. Например, *wetback* – букв. мокрая спина, нелегальный иммигрант из Мексики, *Paddy* – ирландец < от Patrick. Широко известные в социуме прозвища передаются из поколения в поколение. Например, младший флагман 2-й Тихоокеанской эскадры контр-адм. Д. Г. Фелькерзам получил прозвище *Мешок с навозом* за свою тучность. Крикливость и самодурство способствовали появлению прозвища *Vamai-Vamai*, которым моряки именовали старшего офицера крейсера «Изумруд» капитана 2 ранга П. И. Патгон-Фантонде-Веррайона, *Бездарный комедиант* – прозвище вице-адмирала Зиновия Петровича Рождественского (1848–1909), командующего 2-й Тихоокеанской эскадрой), *Лакированный егоза* – прозвище капитана 1 ранга Н. В. Юнга, командира броненосца «Орел». Как видим, в представленных прозвищах ярко отражена норма профессионального субстандарта: подтянутость, сдержанность, талант, отсутствие внешнего блеска.

В отношениях «профессионал – клиент», а также «профессионал – профессионал» причиной агрессии (скрытой или явной) может выступать кодовый конфликт, незнание профессионального языка, лингвистическая некомпетентность. Например, объектом смеха и имплицитной вербальной агрессии в следующем анекдоте является некомпетентность представителей сухопутных профессий:

«Швартуется к берегу корабль. На берегу стоят зеваки. Матрос с криком “Полундра!” кидает на берег бросательный конец и попадает зеваке прямо в лоб. Тот – брык! – и падает без сознания. Наконец он приходит в себя, видит перед собой того матроса и говорит: – Когда бросаешь полундру, кричи “Берегись!”».

Как видим, в данном случае непонятным оказался термин *полундра*, однако осмеянию может быть подвергнуто как отсутствие компетенции в отношении любого языкового средства, которыми должна уметь пользоваться профессиональная языковая личность, так и любого типа текста, который должна уметь создавать профессиональная языковая личность. Прямая или косвенная презентация собственной профессиональной компетентности есть не что иное, как стремление перевести обсуждение проблемы на уровень «профессионал – дилетант», где приоритетное право на речь, конечно же, у профессионала [3].

Деление на «своих» и «чужих» является универсалией любого социума. Границы между разными сегментами профессионального сообщества маркируются в анекдотах, стихотворениях-эпиграммах, уничижительных номинациях, логемах. Цель инвективной интенции сродни оскорблению и состоит в понижении социального или профессионального статуса оппонента. Например, в подязыке пожарных: *капельмейстер* – мастер по употреблению бренди, которому хватает нескольких капель спиртного, чтобы опьянеть; *cows in the conifers* – букв. коровы на хвойных деревьях; *перен.* больные члены пожарной команды. В английском языке пожарных: *red dog* – букв. красная собака, *перен.* шутл. табельщик; *fuels geek* – букв. чокнутый / помешанный на топливе, *перен.* шутл. специалист по горючим материалам. Символическая идентификация с профессиональными атрибутами отмечена у военных различных воинских специальностей или родов войск. Например, служащих, отвечающих за обеспечение горюче-смазочными материалами как в морском флоте, так и в авиации, именуют *мазута*: «Эй, мазута, когда принесешь мазУта!»

Русская профессиональная авиационная субкультура содержит ряд иронических логем, объективирующих стереотипы поведения профессионала. В одной из них – *Командир всегда прав* – зафиксированы не только скрытая ирония, но и иерархия отношений «профессионал – профессионал».

Оппозиция по возрасту широко известна в большинстве профессиональных сообществ. Молодежь весьма иронично относится ко всему, что связано с давлением власти и противопоставляет себя не только старшему поколению, но прежде всего официальной системе. Традиционно ироничное отношение к офицерству зафиксировано в так называемых *Профессиональных требованиях к офицерам*: «На флоте обязанности строго распределены: 1) Все, до старшего лейтенанта включительно, должны уметь работать самостоятельно. 2) Капитан-лейтенант должен уметь организовать работу. 3) Капитан 3 ранга должен знать, где что делается. 4) Капитан 2 ранга должен уметь доложить, где что делается. 5) Капитан 1 ранга должен уметь самостоятельно найти место в бумагах, где ему положено расписаться. 6) Адмирал должен уметь самостоятельно расписаться там, где ему укажут» [14].

Старшее поколение имеет в своем арсенале ряд уничижительных шуток и розыгрышей. На-

пример, юным матросам предлагают заточить лапы, разогнать помехи шваброй возле радиорубки, продуть макароны на камбузе, их приглашают попить чай на клотике и отправляют за свежей почтой на буй. Традиционно противопоставлены флот и пехота: *“Why does the Army have mules and the Navy have Marines? Army got first choice”*. Букв. «Почему армия имеет в распоряжении мулов, а ВМФ – морскую пехоту? Армейцам дали право выбора».

Неуважительное отношение к тем, кто не стоит вахту зафиксировано в пословицах (*Вольготно живется попам, котам и докторам*) и шутках («Хорошо замполиту по команде “Приступить к проворачиванию механизмов”»: сначала язык вынул, потом убрал, и проворачивание рабочего механизма закончил»). Медики не ждут ничего хорошего от своих коллег, ставших руководителями: *Нету хуже сволочей, чем начальство из врачей* [8]. Существуют анекдоты об отдельных инструментах и исполнителях: в среде классических музыкантов об альтистах, в рок-среде – о басистах (исполнителей на бас-гитаре). Эсплицитная вербальная агрессия зафиксирована в кричалках фанатов: *Справа мусорная яма – это общество «Динамо»; Слева мусорный бачок – то московский «Спартак»; Посреди звезда горит – это общество «Зенит»*.

Таким образом, с позиций лингвистической прагматики комическое в профессиональных субкультурах выступает не только как средство вербальной агрессии, но и является вспомогательной коммуникативной стратегией, способствующей достижению коммуникативных целей путем завуалирования интенций адресанта и (или) смягчения эксплицируемой оценки. В основе подобного рода агрессии – не только достижение цели, но также указание на ценностные нормы сообщества. В спектре факторов, катализирующих появление комического в вербальной агрессии, выделяем следующие: ситуация общения (необходимость объединения усилий), отношения коммуникантов (вертикальные/горизонтальные), обстоятельства коммуникации (герметика профессионального общения), языковые средства, усвоенные профессиональной языковой личностью в процессе социализации (высокий процент пейоративно окрашенной лексики, инвективные синтаксические структуры).

Низкий регистр вербальной профессиональной коммуникации в условиях сниженного «языкового вкуса эпохи» (по выражению В. Г. Костомарова), маркирует грубые тексты в ряде сообществ как нормативные.

Список литературы

1. Анекдоты [Электронный ресурс]. URL: <http://randewy.narod.ru/pes/pes2.html>.
2. Быкова, О. Н. К вопросу о языковой манипуляции в средствах массовой информации // Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие. М., 2007. С. 96.
3. Глебов, В. В. Особенности речевой агрессии [Электронный ресурс] / В. В. Глебов, О. М. Родионова. URL: <http://www.rost-prof.ru/union/partners/rudn/articles/agr.html>.
4. Горелов, И. Н. Коммуникация // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1988. С. 233.
5. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г. А. Копнина. М., 2007. 176 с.
6. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009. 507 с.
7. Неклюдов, С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 5–26.
8. Психологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/81>.
9. Солнышкина, М. И. Профессиональный морской язык. М., 2005. 256 с.
10. Философский словарь / сост. А. А. Грицанов [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.polbu.ru/agressija.htm>.
11. Щепанская, Т. Б. Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докл. : в 4 т. Т. 2. М., 2006. С. 405–427.
12. Fine, G. A. Rethinking Subculture: An Interactional Analysis / G. A. Fine, Sh. Kleinman // *The American Journal of Sociology*. 1979. Vol. 85, No. 1. P. 1–20.
13. Matthews, R. C. O. The economics of professional ethics: should the professions to be more like business? // *The economic journal*. 1991. № 101. P. 737–750.
14. Resistance through rituals: Youth subcultures in post-war Britain / Eds. S. Hall and T. Jefferson. N.-Y., 1976.

References

1. *Anekdoty* [=Jokes], available at: <http://randewy.narod.ru/pes/pes2.html> accessed 10.12.2014 (in Russ.).

2. Bykova, O. N. (1998) “K voprosu o jazyko-voj manipuljácii v sredstvah massovoj informacii” [=On the question of linguistic manipulation in the media], in: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshhenija* [=To a question of language manipulation in mass media] pod red. A. P. Skovorodnikova, Krasnojarsk–Achinsk, pp. 18–22 (in Russ.).
3. Glebov, V. V. *Osobennosti rechevoj agres-sii* [=Features of verbal aggression], available at: <http://www.rost-prof.ru/union/partners/rudn/articles/agr.html>, accessed 10.12.2014 (in Russ.).
4. Gorelov, I. N. (1998) *Kommunikacija* [=Communication], in: *Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' Jazykoznanie* [=Big encyclopedic dictionary. Linguistics], Moscow, 233 p. (in Russ.).
5. Koptina, G. A. (2007) *Rechevoe manipu-lirovanie: ucheb. posobie* [=verbal manipulation], Moscow, 176 p. (in Russ.).
6. Larina, T. V. (2009) *Kategorija vezhlivo-sti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij* [=Category of politeness and communication style: Comparison of English and Russian linguocultural traditions], Moscow, pp. 137–158 (in Russ.).
7. Nekljudov, S. Ju. (2003) “Fol'klor sovremennogo goroda” [=Folklore of the modern city], in: *Sovremennyyj gorodskoj fol'klor* [=Modern city folklore], Moscow, pp. 5–26 (in Russ.).
8. *Psichologicheskij slovar'* [=Psychological dictionary], available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/81> accessed 10.12.2014 (in Russ.).
9. Solnyshkina, M. I. (2005) *Professional'nyj morskoy jazyk* [=Professional sea language], Moscow, 256 p. (in Russ.).
10. *Filosofskij slovar'* [=Philosophical dictionary] available at: <http://philosophy.polbu.ru/agressija.htm>, accessed 10.12.2014 (in Russ.).
11. Shhepanskaja, T. B. (2006) “Fol'klor professional'nyh soobshhestv: primety” [=Folklore of professional communities: signs], in: *Pervyj Vserossijskij kongress fol'kloristov*, Volume 2, Moscow, pp. 405–427 (in Russ.).
12. Fine, G. A. and Kleinman, Sh. (1979) “Rethinking Subculture: An Interactional Analysis”, in: *The American Journal of Sociology*, Chicago, Volume 85, № 1, pp. 1–20.
13. Matthews, R. C. O. (1991) “The economics of professional ethics: should the professions to be more like business?”, in: *The economic journal*. 101 pp. 737–750.
14. *Resistance through rituals: Youth subcultures in post-war Britain*, Eds. S. Hall and T. Jefferson (1976), N.-Y.

СОЦИОЛЕКТ ШАХТЕРОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Анализируется субстандартная лексика и фразеология, характерная для устного обиходного общения шахтеров. Цель анализа – выявление стереотипов профессионального сознания и профессиональных конвенций, отраженных в языковых единицах социолекта.

Ключевые слова: профессиональное сознание, стереотип, субстандартная лексика, социолект, конвенции речевого поведения.

Устное корпоративное общение представителей различных сфер деятельности все чаще привлекает к себе внимание лингвистов, поскольку дает богатый эмпирический материал для исследования стереотипов профессионального сознания, когнитивных и коммуникативных механизмов формирования и функционирования социолекта. Именно в единицах социолекта концептуализируется внутригрупповая система отношений профессионалов к разнообразным объектам их деятельности.

В центре внимания настоящей статьи находятся профессиональные стереотипы и конвенции, зафиксированные в субстандартных единицах устной коммуникации шахтеров.

Под стереотипом в широком смысле понимается «форма обработки информации и состояния знаний» [5. С. 177]. В ходе познавательной деятельности стереотип выполняет функции генерализации поступающей к человеку информации (на основе того или иного значимого признака) и отграничения внутригруппового от внегруппового опыта. Конвенциональность при этом реализуется в общих принципах интерпретации предметов и явлений.

По определению Ежи Бартминьского, стереотип – это «представление о предмете, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как он выглядит, как действует, как воспринимается человеком и т. п.; <...> это представление, которое воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» [2. С. 68]. Последнее замечание подчеркивает важную особенность стереотипов, а именно – их влияние на речемыслительную деятельность людей.

Познавательная активность индивида в повседневной профессиональной деятельности, как правило, сопровождается эмоцией: тот

или иной значимый для профессионала объект (субъект) не просто получает осмысление, что кодируется языковыми средствами, но и вызывает переживание (подробнее см. [3]). В итоге лексика и фразеология в составе социолекта, помимо номинативной функции, выполняет и эмотивную (экспрессивную) функцию, служит для создания иронического или шутливого коммуникативного контекста [6].

Одним из ярких примеров воплощения профессиональных стереотипов шахтеров выступают социолектные обозначения начальников и инженерно-технических работников шахты. Так, в среде рабочих используются названия *генерал* – генеральный директор; *змея*, *фюрер* – начальник участка; *мент*, *волчара*, *чечен*, *стучачок* – горный мастер; *гаишник*, *мухомор*, *пузогрей*, *нос* – горный мастер участка ВТБ (участок вентиляции и техники безопасности) и др. В большинстве этих номинаций зафиксировано резко отрицательное отношение рабочих, при этом обращено внимание на такие характеристики руководителей высшего и среднего звена, как высокомерие, лень, подлость, злость.

В шахтерской среде функционируют также обобщенные наименования высшего начальства: *белые каски* (у рабочих каски оранжевые), *белые рубахи* (каждый раз при спуске им выдают новую рубаху), *гости*, *светлячки*. Здесь отмечен важный для рабочих опознавательный признак – иной цвет обмундирования, чистая одежда, разовый характер спуска в шахту. О негативном стереотипе восприятия руководства шахты в сознании рабочих свидетельствуют и обозначения типа *донор* – рабочий, которому начисляются дополнительные деньги, а потом забираются начальством; *подснежник* – человек, который числится на шахте, но не работает, а зарплату отдает начальнику.

ИТР и служащие предстают в социолекте шахтеров как хитрецы, обманщики и лодыри,

сравните: *румын, молдован* – хитрый человек, тот, кто всех обманывает («можно применять и к ИТР»); *чужие* – сотрудники службы охраны труда, ВТБ «и других карательных органов» (по признанию самих шахтеров: «чем занимаются, помимо отлова курильщиков и ездоков на ленте, неизвестно»); *мутнозвон* – диспетчер.

Названным категориям работников шахты противопоставлены рабочие. Причем в шахтерской среде, судя по исследуемой лексике, четко различаются рабочие основных и неосновных специальностей. Так, первые обычно обозначаются через использование разнообразных метафор, подчеркивающих их статус труженика, трудяги: *мозолистоногий, хомут, верблюд* – проходчик («таскают все на себе, на своем горбу»), *горбатый, зверь* – ГРОЗ (< горный рабочий очистного забоя). Оценка тяжести труда шахтера проявляется через отождествление последнего с рабочим скотом, сравните: *упряжка* – отработанная смена; *скотовоз* – шахтерский автобус; *мордобойка* – конвейерная лента, предназначенная для того, чтобы будить уснувших рабочих; *копытные* – доплата за время нахождения в пути к рабочему месту (могут проходить под землей по несколько километров); *конь* – единица измерения выемки угля забойщиком.

Рабочие неосновных шахтных специальностей имеют иные наименования: *деревянный, кол, сын папы Карло, ложкамойник, слесарюга* – о слесаре-ремонтнике; *свисток* – взрывник; *черенки* – слесари; *черепахи* – горноспасатели (носят дюралюминиевый ранец на спине); *вентиляторы* – рабочие участка ВТБ; *сметанники* – горноспасатели ВГСЧ (< военизированная горноспасательная часть); *собака* – лесогон, ГРП (< горнорабочий подземный) по доставке материала; *шестивольтовый, высоковольтник* – электрослесарь; *гарри поттер* – механик; *вишнота, вечно шатающийся тип* – рабочие участка ВШТ (< внутришахтный транспорт).

Лучшим другом шахтера, судя по используемым номинациям, является его рабочий инструмент. Так, словом *брат* слесари обозначают электросверло СЭР-19 (для остальных шахтных специальностей это *баран*, из-за сходства рукояток сверла с бараньими рогами). Приведем другие примеры обозначения инструментов в рабочей среде: *корчагин* – кирка, *максимка* – большой отбойный молоток с длинной тонкой пикой, *машка* – большая кувалда, *мальши* – пневмомолоток ММ5, *пчелка* – пневмосверло, *теща* – молот.

Машины и механизмы, с которыми шахтеры проводят основную часть своего рабочего времени, в социолекте метафорически представлены либо как живое существо (*слон* – гидравлический домкрат; *бык, крот, бобик* – проходческий комбайн; ср. «*бобик сдох*» – о поломке комбайна), либо как товарищ, которого называют ласково и по имени (*гоша* – очистной комбайн 1ГШ68; *гришка* – горный комбайн ГШ-68; *ванька, кормилец* – очистной комбайн; *люся* – породопогрузочная машина 2ПНБ2).

Во многих номинациях, функционирующих в среде горнорабочих, подчеркнута связь их деятельности с потусторонним миром. Речь идет прежде всего о наименованиях, в которых в качестве метафорической основы использованы имена демонологических персонажей, названия земноводных и проч. Например: *Баба Яга* – канатно-кресельная дорога (поза рабочего напоминает позу этого персонажа, сидящего в ступе с метлой); *водяной, жаба* – рабочий водоотлива; *упырь* – горнорабочий (от названия участка УПР); *гном, гоблин, червяк, смертник* – проходчик; *лягуха, лягушка* – насос; *мышеловка* – шахта с одним стволом, без запасного выхода и вентиляции; *шкура* – куртка шахтера и др. На связь с потусторонним миром указывает и обозначение *Шубин*, под которым понимается «своенравный и подчас жестокий подземный дух, шахтный домовый». По одной из версий, «Шубиным называли газожога – рабочего, выжигавшего газ в подземных выработках. Одет он был в вывернутый наизнанку овчинный тулуп, откуда, по-видимому, и пошло это название» [7].

Образ Шубина весьма популярен в шахтерском фольклоре [4]. Приведем один из устных рассказов: «Есть у горняков такой дух, которого зовут Шубиным. Откуда появился этот образ, достоверно никто не знает. Одни рассказывают, что это был очень злой начальник, который погиб в шахте и сейчас забирает с собой людей на тот свет. Когда на шахте гибнет человек, говорят: “Шубин забрал”. Другие о нем говорят, что он добрый. Не любит пьяных в шахте, потому что сам из-за этого погиб. Когда в шахте происходят обвалы, горняки говорят “Шубин обиделся”, когда лава садится, – “Шубин гуляет”, “Шубин толчется”, “Шубин пробежал”. А в Брянске Шубиным зовут черта» [1].

Обращает на себя внимание акцент в социолекте шахтеров на коллективном характере их труда, сравните: *дружба* – людская вагонетка; *дать спину* – подставить спину товари-

шу, чтобы он получил точку опоры; *молочные братья* – напарники. Индивидуализм, желание поставить свои интересы выше коллективных не приветствуется, о чем можно судить по следующим номинациям: *орден Сутулова* – об особо рьяных работягах, *король угля* – о рабочем, нагло идущем без очереди (например, в столовой). При этом отношение к ученикам в рабочей среде не имеет ярко выраженного оценочного характера. Как правило, обозначения учеников вполне доброжелательны: *пингвин* (подчеркнута некоторая неуклюжесть, недостаточная ловкость молодого рабочего), *ежик* (объективирована трудность в общении: «голыми руками» такого не возьмешь).

Большой интерес вызывают номинации в составе шахтерского социолекта, связанные с людической, игровой функцией. Подобные единицы не только создают шуточный контекст, но также отражают типичные особенности мировосприятия рабочих. Сравните: *хитродобыча* – гидродобыча (выражено негативное отношение к данному способу добычи угля), *лифчик* – система удержания груди забоя (*грудь забоя* – термин, «если грудь держит, значит лифчик» [7]), *проходимец* – проходчик; *чача* – горная пульпа, жидкая грязь; *луноход* – приспособление для перевозки длинномерных грузов, *маргарин* – газы после взрыва; *золотой* – ранний выход из забоя (в нарушение правил распорядка шахты); *экспресс* – езда на конвейерной ленте («поеду экспрессом»), *шаланда* – вагонетка прямоугольной формы с наклонным днищем и откидывающейся задней стенкой (применяется для перевозки бетона по тоннелю к месту укладки) [9].

Как показал анализ, тяжелые условия труда шахтера, сопряженные с большими физическими и психическими нагрузками, редко подчеркиваются в субстандартных наименованиях. О них, главным образом, мы можем судить по косвенным номинациям, например, связанным с отдыхом. Сон, возможность вздремнуть предстает в социолекте шахтеров и как недостижимая (в рабочее время) мечта, и как объективная реальность. Примечательно, что само состояние сна обозначается шахтерами через наименования конкретных физических действий, направленных на объект. Сравните: *перетягивать почву* – спать на затяжке (межрамное ограждение, предназначенное для защиты выработки от вывалов породы из кровли и боков в промежутках между крепежными рамами; бывает деревянная или железобетон-

ная); *сушить лес* – спать на распилах (то есть на деревянной затяжке), шпалах или лесе (деревянная стоечная крепь).

О постоянном риске шахтерского труда, о раннем уходе из жизни элиты горнорабочих (проходчиков, ГРОЗов) обычно не говорят, но некоторые номинации напоминают об этом: *нулевые* – шахтеры, погибшие в аварии (типа двухсотых в армии); *гробовые* – последние выплаты, положенные шахтеру по коллективному договору на шахтах.

В каждом из приведенных названий отражен определенный стереотип профессионального сознания шахтеров и принятые в данной среде конвенции. К числу последних можно отнести негативную оценку непостоянного характера работы шахтера, ср.: *блуждающий форвард* – рабочий без определенного рабочего места, выполняющий день от дня разные виды работ (посылаемый то в помощь, то на мелкие работы непостоянного характера, имеющие несрочную необходимость выполнения); *шнырь*, *шнурок* – подземный рабочий, отправленный на поверхность (на-гора) для получения чего-либо на складе, подготовки оборудования и т. п.

Как показал анализ, в неформальном общении шахтеров нередки ироничные обозначения типа *дай-дай* – способ соединения цепи скрепового конвейера при отсутствии храпового механизма (чреват потерей пальцев); *четвероногий друг проходчика* – ГРОЗ; *подлапок* – о низкорослом рабочем; *хануга* – породопогрузочная машина на гусеничном ходу (очень похожа на снегоуборочные машины дорожно-коммунального хозяйства).

Думается, что игровой характер многих из проанализированных нами субстандартных наименований способствует сохранению душевного равновесия в шахтерской среде. Работа шахтера сопряжена с невероятными физическими и психическими нагрузками, поэтому заряженное положительной энергией субстандартное слово помогает рабочим сохранить человеческое достоинство, веру в себя и оптимизм.

Список литературы

1. Антипова, А. Такого шахтерского жаргона больше нигде нет [Электронный ресурс] // Голос Украины. 2009. № 129 (4629). URL: <http://www.golos.com.ua/Article.aspx?id=139165>.
2. Бартмицкий, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.

3. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2014. 224 с.

4. Голованов, И. А. Мифологические мотивы и образы в фольклорной прозе Урала (XX век) : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1998.

5. Демьянков, В. З. Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 177–179.

6. Казакова, Д. В. Категория комического в медицинском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013.

7. Шахтерский жаргон [Электронный ресурс]. URL: <http://mara2014.narod.ru/1/argo.htm>.

8. Шахтерский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://gornyak.moy.su/publ/shahtery/slovar/shakhterskij_slovar/7-1-0-1.

9. URL: <http://76-82.livejournal.com/5488475.html>.

References

1. Antipova, A. (2009) “Takogo shahterskogo zhargona bol'she nigde net” [=Such miner's slang more anywhere isn't present], in: *Golos Ukrainy* [=The Voice of Ukraine], № 129 (4629). Avail-

able at: <http://www.golos.com.ua/Article.aspx?id=139165> (in Russ.).

2. Bartmin'skij, E. (2005) *Jazykovej obraz mira: ocherki po jetnolingvistike* [=Language image of the world: sketches on ethnolinguistics], Moskow (in Russ.).

3. Golovanova, E. I. (2014) *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [=Introduction to a cognitive terminology]. Moskow, 224 s. (in Russ.).

4. Golovanov, I. A. (1998) *Mifologicheskie motivy i obrazy v fol'klornoj proze Urala (XX vek)* [=Mythological motives and images in folklore prose of the Urals (XX century)], Cheljabinsk (in Russ.).

5. Dem'jankov, V. Z. (1996) “Stereotip” [=Stereotip], in: *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [=the Short dictionary of cognitive terms]. Moskow, S. 177–179 (in Russ.).

6. Kazakova, D. V. (2013) *Kategorija komicheskogo v medicinskom diskurse* [=Comic category in a medical discourse]. Kemerovo (in Russ.).

7. *Shahterskij zhargon* [=Miner's slang], available at: <http://mara2014.narod.ru/1/argo.htm> (in Russ.).

8. *Shahterskij slovar'* [=Miner's dictionary], available at: http://gornyak.moy.su/publ/shahtery/slovar/shakhterskij_slovar/7-1-0-1 (in Russ.).

9. Available at: <http://76-82.livejournal.com/5488475.html>.

Е. Ю. Гончарук

АНАЛИЗ КОММУНИКАЦИИ ПО СТЕПЕНИ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Рассматривается проблема определения эффективности речевой коммуникации. Описываются параметры, участвующие в оценке коммуникативного акта (нормативность действий участников коммуникации, результативность действий участников, эмоциональный фон коммуникации), предлагается алгоритм оценки коммуникации по степени ее эффективности.

Ключевые слова: *эффективность коммуникации, параметры эффективности, норма, эмоциональный фон.*

Понятие «эффективность» все чаще и чаще упоминается в исследованиях разных аспектов человеческой деятельности, включая речевую коммуникацию. В теории коммуникации нет точного определения представленного понятия, а также не существует четких критериев оценки эффективности речевой деятельности человека. Внимание современных ученых направлено на исследование речевой коммуникации с целью повышения ее эффективности [3; 6; 7]. Изучается и описывается процесс коммуникации, а также возможные барьеры, способные повлиять на эффективность речевой коммуникации, однако до сих пор не существует точного определения эффективности речевой коммуникации и до конца не изучены параметры, с помощью которых можно адекватно оценить эффективность коммуникативной деятельности.

Изучив работы современных исследователей, посвященные проблеме эффективности коммуникации [3; 6; 7], мы пришли к следующим выводам. Эффективная коммуникация – это коммуникация, при которой отправитель сообщения использует адекватные средства кодирования и передачи своей идеи, а получатель демонстрирует понимание идеи, сохраняя коммуникативное равновесие. Эффективная коммуникация предполагает адекватность передаваемой информации, адекватное кодирование идеи, использование подходящего канала передачи информации, адекватное декодирование сообщения получателем. При эффективной коммуникации получатель вербально или невербально демонстрирует понимание идеи, кроме того, при эффективной коммуникации между собеседниками сохраняется коммуникативное равновесие.

Таким образом, под эффективной коммуникацией в лингвистике понимается общение, при котором отправитель сообщения исполь-

зует адекватные речевые действия при передаче своей идеи, а получатель демонстрирует адекватное понимание этой идеи с помощью эффективных речевых действий, не содержащих факторов, способных отрицательно повлиять на эффективность [1. С. 63].

Исходя из определения эффективной коммуникации, а также параметров, участвующих в акте коммуникации, мы пришли к выводу о том, что любую коммуникацию можно оценить с точки зрения степени эффективности. Алгоритм определения степени эффективности коммуникации должен включать в себя три основных параметра: нормативность действий участников коммуникации, эмоциональный фон коммуникации, результативность действий инициатора. Рассмотрим предложенные параметры подробнее.

«Нормативность действий участников коммуникации» определяется нами как параметр, включающий оценку соответствия вербальных и невербальных средств коммуникации, а также адекватности средств, используемых для передачи информации. Под соответствием вербальных и невербальных средств мы понимаем конгруэнтность, то есть соответствие того, что говорится, и того, как говорится. В ситуации бытового общения конгруэнтность, с нашей точки зрения, является важным условием эффективности коммуникации, поскольку для бытового общения важна искренность, а несоответствие вербальных и невербальных средств коммуникации является одним из показателей ложного высказывания. Ложное высказывание – это «высказывание, намеренно искаженно описывающее действительное положение вещей с целью ввести в заблуждение партнера по коммуникации» [4. С. 7]. Ложное высказывание, по нашему мнению, нарушает нормы социального поведения, поскольку предоставление ложных сведений лишает со-

беседника права на получение достоверной информации и способно повлиять на эффективность коммуникации. При оценке соответствия вербальных и невербальных средств коммуникации должны учитываться действия обоих участников общения.

Под адекватными средствами передачи информации мы понимаем средства, соответствующие ситуации общения, не нарушающие никаких коммуникативных и социальных норм. В ситуациях, когда имеет место нарушение этикетных, языковых, речевых норм, правил социального поведения, сформулированных Дж. Личем (Принцип Вежливости) и Г. П. Грайсом (Принцип Кооперации), можно говорить о неадекватных средствах передачи информации, что может сказаться на эффективности коммуникации. При этом, по мнению Радбиля Т. Б., аномалия в зоне говорящего не обязательно ведет к аномалии в области адресата, так как адресат «склонен интерпретировать даже заведомо бессмысленные высказывания» [5. С. 350]. Следовательно, нужно оценивать действия всех участников коммуникации.

Выше было отмечено выделение исследователями такого параметра, как «коммуникативное равновесие». Сохранить коммуникативное равновесие значит сберечь «баланс отношений с собеседником, то есть остаться с ним в нормальных отношениях, “не поссориться”» [6. С. 50]. Коммуникативные действия участников общения могут не только нарушить баланс отношений, то есть негативно воздействовать на отношения между собеседниками, но и позитивно повлиять на эмоциональное состояние собеседника, вызвав при этом положительные эмоции, что также скажется на эффективности коммуникации в целом. На наш взгляд, параметром, участвующим в оценке эффективности коммуникации, должен стать *эмоциональный фон коммуникативного акта*. Положительное или отрицательное изменение эмоционального фона коммуникации, то, какие эмоции выражают участники коммуникации, – все это влияет на эффективность. Эмоции обладают коммуникативной функцией, которая заключается в том, что эмоции, точнее, способы их внешнего выражения, несут в себе информацию о психическом и физическом состоянии человека. Наблюдая за эмоциями собеседника, возможно судить об изменениях его психологического состояния, что позволяет отреагировать на эти изменения, выбрать подходящий вариант развития эффективного диалога.

Кроме описанных выше параметров, Стернин И. А. в характеристике коммуникации выделяет такой параметр, как результат. Коммуникативные акты, в которых отправитель добился желаемой цели, но при этом обидел своего собеседника или вызвал у него какие-либо отрицательные эмоции, ученый называет «результативными», но «неэффективными». Таким образом, результат является одним из параметров «эффективности» коммуникации. Для «эффективности» важными становятся реакция собеседника, его чувства и эмоциональное состояние, то есть личные отношения, а не прагматический результат, что, на наш взгляд, противоречит самому значению слова «эффективность». Так, в результате анализа коммуникативного процесса Кремлева С. О. приходит к выводу о том, что «коммуникация – это деятельность, имеющая цель, необязательно осознаваемую» [2]. Отсюда следует, что одним из параметров оценки эффективности должен стать результат как достижение цели инициатора общения. Наличие или отсутствие результата также позволит оценить эффективность коммуникативных действий инициатора и доказать, что отклонение от норм коммуникативного или социального поведения не всегда приводит к отрицательному результату.

Таким образом, предложенные нами параметры, участвующие в оценке степени эффективности коммуникации, можно объединить в составе следующего алгоритма.

1. Нормативность действий участников коммуникации

Соответствуют ли вербальные средства передачи информации невербальным?

Да, соответствуют у обоих участников коммуникации – 2 балла

Да, соответствуют у одного участника коммуникации – 1 балл

Нет, не соответствуют у обоих участников коммуникации – 0 баллов

Передают ли участники коммуникации информацию адекватными средствами?

Да, оба участника используют адекватные средства передачи информации – 2 балла.

Да, один участник передает информацию адекватными средствами, второй участник нарушает нормы – 1 балл.

Нет, оба участника используют неадекватные средства передачи информации – 0 баллов.

Таким образом, максимально эффективной будет считаться действия участников оценен-

ные в 4 балла. Действия, имеющие оценку от 0 до 3 баллов, будут считаться менее эффективными.

2. Эмоциональный фон коммуникации

Положительный эмоциональный фон – 2 балла.

Нейтральный эмоциональный фон (отсутствие эмоций) – 1 балл.

Отрицательный эмоциональный фон – 0 баллов.

Максимально эффективным станет коммуникативный акт, эмоциональный фон которого в целом положителен.

3. Результативность действий инициатора

Достигает ли инициатор цели?

Да, достигает – 2 балла.

Нет, не достигает – 0 баллов.

Повлияли ли использованные средства на результат коммуникации?

Да, повлияли – 0 баллов.

Нет, не повлияли – 2 балла.

Максимально эффективными станут действия, положительно влияющие на достижение результата.

Таким образом, анализ коммуникативного акта по трем предложенным параметрам показал, что могут быть получены следующие результаты: от 10 до 8 баллов – высокая степень эффективности коммуникации; от 7 до 5 баллов – средняя степень эффективности; от 4 до 0 баллов – низкая степень эффективности.

Предложенный алгоритм демонстрирует, что для любого коммуникативного акта можно определить степень эффективности. Если результат оценки равен нулю, коммуникация имеет низкую степень эффективности, но не является неэффективной. То есть можно говорить о том, что категория «эффективность/неэффективность» может быть применима лишь к действиям участников коммуникативного акта. Для коммуникативного акта в целом такая категория неприменима, поскольку существование акта доказывает осуществление коммуникации. Следовательно, понятие «неэффективная коммуникация» следует определять как «коммуникация с низкой степенью эффективности», а определение «неэффективный» возможно применять лишь по отношению к коммуникативным действиям и выбранным средствам общения участников коммуникации.

Список литературы

1. Гончарук, Е. Ю. К вопросу об исследованиях эффективности речевой коммуникации (терминологический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (18) : в 2 ч. Ч. II. Тамбов, 2012. С. 60–63.
2. Кремлева, С. О. Сетевые сообщества [Электронный ресурс]. URL: <http://portalus.ru>.
3. Непряхин, Н. Ю. Основы эффективной коммуникации [Электронный ресурс]. URL: http://www.oratorica.ru/news/articles/osnovy_effektivnoy_kommunikacii.
4. Попчук, О. М. Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 27 с.
5. Радбиль, Т. Б. «Аномалии говорящего» и «аномалии адресата» в поле диалогического взаимодействия // Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2010. С. 343–354.
6. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж, 2009. 178 с.
7. Фитье, Е. Принципы и законы эффективной коммуникации [Электронный ресурс] // Фабрика коммуникаций. Коммуникация, PR, маркетинговые коммуникации, брендинг. URL: http://www.fabrikacom.com.ua/publ/principy_i_zakony_effektivnoj_kommunikacii/1-1-0-46.

References

1. Goncharuk, E. Yu. (2012) "K voprosu ob issledovanii effektivnosti rechevoy kommunikacii (terminologicheskiiy aspekt)" [=On question of verbal communication effectiveness researchers (terminological aspect)], in: *Philologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [=Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], № 7, Tambov, pp. 60–63 (in Russ.).
2. Kremleva, S. O. *Setevye soobschestva* [=Network community], available at: <http://portalus.ru>, accessed 14.05.2014 (in Russ.).
3. Nepryahin, N. Yu. *Osnovy effektivnoy kommunikacii* [=Bases of communication effectiveness], available at: http://www.oratorica.ru/news/articles/osnovy_effektivnoy_kommunikacii, accessed 12.05.2014 (in Russ.).
4. Popchuk, O. M. (2006) *Lingvisticheskie i paralingvisticheskie sredstva realizacii lozhnogo*

vyskazyvaniya v akte kommunikacii [=Linguistic and paralinguistic tools realization of false sentence], Moscow (in Russ.).

5. Radbil, T. B. (2010) “Anomalii govoryaschego i anomalii adresata v pole dialogicheskogo vzaimodeystviya” [= Anomalies of speaking and anomalies of recipient at dialogical interaction], in: *Mono-, dia-, polilog v raznyh yazykah b kulturah* [=Mono-, dia-, polylog in different languages and cultures], Moscow, pp. 343–354 (in Russ.).

6. Sternin, I. A. (2009) *Osnovy rechevogo vozdeystviya* [=Bases of speech effect], Voronezh, p. 178 (in Russ.).

7. Fitye, E. *Pricipy i zakony effektivnoy kommunikacii* [=Principles and rules of effectiveness communication], available at: http://www.fabrikacom.com.ua/publ/principy_i_zakony_ehffektivnoj_kommunikacii/1-1-0-46, accessed 23.05.2014 (in Russ.).

И. В. Давыдова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ СИТУАЦИИ «ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В БРАКЕ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА «ПОПРЫГУНЬЯ» И С. МОЭМА «THE PAINTED VEIL»

Исследуются лингвокультурные особенности репрезентации типичных литературных ситуаций в произведениях английской и русской художественной литературы. Представлены некоторые национально-культурные особенности семейной жизни в России и Англии, проанализированы стилистические приемы, использованные А. П. Чеховым и С. Моэмом для описания литературной ситуации «взаимоотношения в браке» в произведениях «Попрыгунья» и «The Painted Veil».

Ключевые слова: типология литературных ситуаций, лингвокультурный аспект, идиостиль, стилистические приемы, выразительные средства языка.

Анализируя типологию литературных ситуаций в произведениях писателей разных стран, времен, исторических периодов, мы можем постичь культуру быта людей, их идеологию, их представления и особенности восприятия окружающей действительности, что важно для лучшего понимания и взаимопонимания культур.

Проблема типологии литературных ситуаций до сих пор мало изучена. Нет единой трактовки понятия «типологии литературных ситуаций». Г. Г. Слышкин рассматривает понятие типологии применительно к лингвокультурным концептам. При этом он пишет, что их типология «может строиться по особенностям их структуры, особенностям содержания, специфике бытования в культуре и др.» [3. С. 9–10]. «Типология литературных ситуаций – это различные случаи совпадения сюжетных и психологических ситуаций, которые встречаются у писателей разных стран и народов» [2. С. 222]. Однако это не формальные совпадения, а ситуации, которые в дальнейшем повествовании играют важнейшую роль в идейном обосновании самого замысла художественного произведения.

В своей работе «Театр ситуаций» французский философ-экзистенциалист Ж. П. Сартр писал: «Мы ощущаем потребность вынести на сцену определенные ситуации, которые высвечивают важнейшие аспекты бытия человеческого и побуждают зрителя к свободному выбору, который человек совершает в этих ситуациях» [цит. по: 1. С. 140].

Существенным моментом является то, чем и как «наполняется» та или иная ситуация разными писателями, какова лингвостилистическая репрезентация литературной ситуации

в художественном произведении. В связи с этим возникает вопрос об идиостиле писателя. Как известно, идиостиль (индивидуальный стиль) – это система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения.

Неоднократно предпринимались попытки подсчитать количество литературных ситуаций, классифицировать их. Одна из таких классификаций была предложена французским театроведом Ж. Польти (правда, применительно только к драматургическому материалу), который, проанализировав 1 200 драматических произведений разных времен и народов и проследив судьбу 8 000 героев, предложил список из 36 драматических ситуаций, исчерпывающих всевозможные сюжеты. Среди них: мольба; спасение; месть, внезапное несчастье; бунт; похищение; самопожертвование во имя идеала; самопожертвование ради близких; любовь, встречающая препятствия; потеря близких и др. [7]. Каждая ситуация у Польти описывается через составляющие элементы и иллюстрируется примерами, которые фактически являются вариантами классификации ситуации уже на новом уровне.

Однако такого рода подсчеты не могут пролить свет на суть литературного творчества того или иного писателя. Важно провести лингвокультурологический анализ ситуаций: какими языковыми средствами передается данная ситуация, какое опорное слово (слова) при этом выбирается, как синтаксически и стилистически оформляется ситуация и как

эти языковые средства отражают национально-культурную основу поведения героев в той или иной ситуации.

Объектом нашего анализа являются достаточно известные произведения английского писателя Сомерсета Моэма «The Painted Veil» (1925) и русского писателя Антона Павловича Чехова «Попрыгунья» (1892). Выбор указанного материала исследования обусловлен чрезвычайным сходством различного рода деталей (муж – врач, жена увлечена искусством, поклонник жены – художник, в конце муж умирает). Однако проблема заимствования не является предметом нашего исследования. Круг наших изысканий ограничивается анализом выразительных средств языка, стилистических приемов, которые были использованы авторами указанных произведений для передачи национально-культурных особенностей поведения героев в одной и той же ситуации.

Для анализа мы выбрали литературную ситуацию «взаимоотношения в браке». Она довольно широко распространена как в классической, так и в современной литературе, но не изучена подробно в лингвокультурологическом аспекте.

Внутрисемейные отношения представляют большой интерес в плане изучения культуры и быта любого народа, так как они во многом отражают психологию взаимоотношений между близкими людьми, линии их поведения в различных ситуациях, приверженность традициям, особенности семейного уклада и т. п. Для проведения лингвокультурологического анализа выбранных нами произведений необходимо обратиться, в первую очередь, к национальной специфике семейных отношений в России и Англии. Принцип контрастивности в исследовании лингвокультурных особенностей семейных отношений позволяет выявить и описать как общие, так и несовпадающие признаки поведения русских и англичан в браке.

На рубеже XIX–XX вв. в России был зафиксирован кризис семьи, сопровождаемый глубокими внутренними противоречиями. Авторитарная власть мужчины была утрачена. Семья утратила функции домашнего производства. Противоречиями пронизана и сама русская личность. Она парадоксальна, поскольку в ее характере совмещаются многочисленные черты, неоднократно описанные разными авторами: жестокость и доброта, смирение и наглость, культурная отсталость и огромная одаренность (Бердяев, 1990), готовность к самоунижению,

самобичеванию и покаянию, конфликтность, уживающаяся со «склонностью к всемирной отзывчивости и всепримирению» (Достоевский, 1997).

Наиболее глубокое исследование русского менталитета проведено И. А. Стерниним. По его мнению, для русской коммуникативной культуры характерны общительность, искренность, эмоциональность, приоритетность разговора по душам, тематическое разнообразие, свобода подключения к общению третьих лиц, бескомпромиссность в споре и другие.

Английская семья – институт закрытый. Семейные отношения не принято выносить наружу, даже если речь идет о ближайших родственниках. Все семейные конфликты в Англии принято решать внутри семьи и не прибегать к помощи сторонних арбитров. Знаменитая чопорность и прагматичность англичан имеет место быть и в семейной жизни. Приверженность традициям – еще одна черта, присущая английской семье. Типичной также является такая черта как труднопреодолимые социально-классовые барьеры, что находит свое отражение и в семейных отношениях.

Перечисленные противоречия и национальные особенности не могли не оказать своего влияния на сложившийся в российской и английской среде характер коммуникации, которая реализуется в многообразных формах, часто непостижимых для представителей иных лингвокультур.

В целом, следует признать, что существует значительный дефицит информации о том, что происходит в семейных отношениях. Это объясняется в большой мере закрытостью семейного пространства от взгляда посторонних, особенностью национальных традиций. Художественные произведения помогают получить более широкое представление о семейной жизни и проблемах через авторские описания, эмоциональность языка.

История создания произведения Чехова «Попрыгунья» относится к 1891 г. и имеет в своей основе реальную жизненную ситуацию. В восьмидесятых годах А. П. Чехов дружил в Москве с Софьей Петровной Кувшинниковой, художницей-дилетанткой, работой которой руководил Левитан. Муж ее был полицейским врачом. Раз в неделю на вечеринки Кувшинниковых собирались художники, литераторы, врачи, артисты. Часто бывали Чехов и Левитан. Чехов решил отразить образ Кувшинниковой в своем рассказе. Любовь героини к художни-

ку Рябовскому – это любовь Кувшинниковой к Левитану. Опубликованный рассказ едва не поссорил А. П. Чехова с художником Левитаном – одним из лучших его друзей.

Сомерсет Моэм – один из самых ярких представителей английской литературы XX в. Биограф Ричард Корделл отмечает, что написание романа «The Painted Veil» Сомерсета Моэма натолкнули научный интерес и прохождение врачебной стажировки в госпитале Св. Томаса.

С. Моэм и А. П. Чехов в качестве главных героев выбрали семейные пары, чем-то схожие друг с другом. Обе героини не любят своих мужей, относятся к ним пренебрежительно и только после их смерти понимают внутренний мир своих супругов. Обе витают в облаках и во многом живут иллюзиями, мечтами, чувствами. Обе истории с печальным финалом, но с глубоким смыслом. Единственное различие в том, что у Сомерсета Моэма Китти менее подвержена внешним проявлениям чувств. Ольга Ивановна, напротив, импульсивна. Их мужья (Уолтер Фейн, Осип Дымов) имеют хорошее образование, они врачи. Они похожи и в том, как они безотчетно и целиком отдаются своему делу, любят своих жен. У них твердая, уверенная жизненная позиция, хотя в браке они этого не показывают. Дымов и Фейн очень логичны, точны в своих суждениях и действиях.

Начиная лингвистический анализ произведений, мы обратили внимание, в первую очередь, на их названия. Особый подтекст спрятан в названии «Попрыгунья». Это аллюзия на басню И. А. Крылова «Стрекоза и муравей», в которой прямо осуждается праздность и ветреность. Само слово «попрыгунья» указывает на неумение героини сосредоточиться на чем-то одном и на ее легкомыслие.

Название романа «The Painted Veil» («Пазрисованная вуаль») тоже носит интертекстуальный характер, будучи заимствованием из сонета Перси Биши Шелли и являясь аллюзивной цитатой:

*Lift not the painted veil which those who live
Call Life: though unreal shapes be pictured there,
And it but mimic all we would believe
With colours idly spread, – behind, lurk Fear
And Hope, twin Destinies; who ever weave
Their shadows, o'er the chasm, sightless and
drear.*

Рассмотрим лингвостилистические особенности описания коммуникативного поведения главных героев романа.

Уолтер Фейн – человек, который, как кажется на первый взгляд, лишен всяких эмоций. Только когда Китти соглашается выйти за него замуж, он дает волю своему волнению, которое передается посредством метафоры *his white cheeks flushed* и реплики героя, в основе которой лежит прием парцелляции, характеризующийся намеренным расчленением единой синтаксической структуры на две или более интонационно изолированные части, отделенные друг от друга паузой:

“He gave a sudden gasp of delight, and his white cheeks flushed.

‘Now. At once. As soon as possible. We’d go to Italy for our honeymoon. August and September.’”

Китти тоже предстает перед нами в романтическом свете:

“...she looked at him with that dazzling smile of hers and her beautiful eyes, dewy ponds under forest trees, held an enchanting kindness.”

Китти – хрупкое создание, до поры не проявляющее какой-либо гордыни и себялюбия, о чем говорят эпитеты *dazzling* и *enchanting* и сравнение ее прекрасных глаз с озерами.

В романе «The Painted Veil» С. Моэм старается показать читателю «пропасть», которая лежит между людьми, связавшими свои судьбы на уровне репрезентации, как их внешности, так и внутреннего мира:

“Kitty was lively; she was willing to chatter all day long and she laughed easily. His silence disconcerted her. He had a way which exasperated her of returning no answer to some casual remark of hers. It was true that it needed no answer, but an answer all the same would have been pleasant”.

С. Моэм называет Китти и Уолтера *“two little drops in that river that flowed silently towards the unknown; two little drops that to themselves had so much individuality and to the onlooker were but an un-distinguishable part of the water.”*

И эта метафора, построенная на повторе, лучше всего объясняет ситуацию, почему Китти все больше удаляется от мужа и увлекается другим человеком.

Внешняя характеристика Чарльза Таузенда не дает ни капли сомнений, что Китти, наконец, встречает друга, который, как ей кажется, ближе ей и по характеру, и по состоянию души.

Если Уолтер *“had no charm”*, то Чарли, напротив, с точки зрения Китти, *“had charm”*, что доказывается многочисленными эпитетами.

“...there was a caressing sound in his deep, rich voice, a delightful expression in his kind,

shining blue eyes, which made you feel very much at home with him. Of course he had charm”.

Если Уолтер таит свою любовь в себе, то Чарли выказывает внешние проявления любви:

“If he had not said charming things to her his eyes, warm with admiration, would have betrayed him. His ease was delightful. He had no self-consciousness. Kitty... admired the way in which amid the banter which was the staple of their conversation he insinuated every now and then a pretty, flattering speech”.

Из этого описания возлюбленного Китти можно сделать вывод, что Чарли – беззаботный человек, легко идущий по жизни, как и сама Китти. И молодой женщине это очень нравится, хотя и, как мы видим в дальнейшем, приводит к печальным последствиям.

С. Моэм, вводя героиню в новую пору ее жизни, именуемую любовью, использует большое количество эпитетов, метафор и сравнений. Достаточно в качестве примера привести следующий созданный автором портрет Китти:

“She was like a rosebud (сравнение) that is beginning to turn yellow at the edges of the petals, and then suddenly she was a rose in full bloom (метафора). Her starry eyes (эпитет-метафора) gained a more significant expression; her skin (that feature which had always been her greatest pride and most anxious care) was dazzling (эпитет): it could not be compared to the peach or to the flower; it was they that demanded comparison with it.”

При описании героини, находящейся на пике любовного чувства, С. Моэм чаще всего прибегает к флористическим сравнениям, которые подчеркивают красоту молодой женщины. *“He (речь идет о Чарли) remembered the dress she wore; it was her wedding dress, and he said she looked like a lily of the valley”.*

Светлые картины счастья Китти с Чарли Таунсендом сменяются трагической развязкой. Изменяя мужу, она пытается оправдать себя, вызывая в своей душе эмоции ненависти и злости к мужу, которого она никогда не любила. В ожидании расплаты за свою измену она награждает своего мужа различными эпитетами с негативной окраской: *“He was dull”, “He was repulsive to her”.* Вспоминая, как он танцует, она называет мужа образно *“a wet blanket”.* Раздражение и ярость Китти отражены в лексических повторах: линейных *“Oh, how he’d bored her, bored her, bored her!”*, повтор-подхват и кольцевой повтор *“She was fed up. ‘Fed up’ she repeated trembling with anger ‘Fed up’”.*

Используя образные языковые средства, С. Моэм раскрывает характеры своих персонажей, которые проявляются в данной ситуации на уровне эмоционального переживания: злость и себялюбие героини, ее жгучую ненависть к человеку, который, как кажется Китти, испортил ей жизнь, и холодное равнодушие героя, готового мстить за свою поруганную любовь. Речь Уолтера, которую он адресует своей жене, глубоко эмоциональна. Он характеризует свою жену негативно маркированными эпитетами, вызывая тем самым бурю злости в ее душе, но постоянно повторяющиеся фразы (параллельные конструкции) *“I loved you”* и *“I knew”* говорят о том, что любовь к Китти по-прежнему занимает большое место в его сердце и продолжает гореть, словно пламя свечи. Вот отчего ему так больно и так тяжело.

“‘I had no illusions about you,’ he said. ‘I knew you were silly and frivolous and empty-headed. But I loved you. I knew that your aims and ideals were vulgar and commonplace. But I loved you. I knew that you were second-rate. But I loved you.’”

Эту главу можно назвать предтечей крушения всех планов и надежд героини. Чем выше ощущение победы, тем сильнее горечь разочарования. Тому подтверждение – последняя встреча Китти с Чарли, во время которой у нее словно пелена упала с глаз. Антитеза, на которой построена одна из реплик Китти, помогает осознать героине всю сложность ее положения:

“To me our love was everything and you were my whole life. It is not very pleasant to realize that to you it was only an episode.”

Когда Китти рассказывает Чарли о планах Уолтера отправиться вместе с ней в город, где свирепствует холера, то не видит на лице своего возлюбленного беспокойства и трагедии по поводу ее дальнейшей судьбы. Удар, постигший Китти, автор выражает сравнением-метафорой:

“It was like a dark and ominous landscape seen by a flash of lightning and in a moment hidden again by the night.”

Китти ставит точку в отношениях с Чарльзом Таунсендом и решает последовать за мужем в город, где надеется найти смерть.

К концу романа, уже после смерти Уолтера Фейна, Китти и Чарльз опять встречаются – в доме Таунсендов. Он ей говорит нежные слова, но Китти, хотя и не удерживается от любовной связи, уже не прежняя Китти. Она уже не любит Чарли, она его презирает. Постоянно

возвращаясь в мыслях к умершему мужу, она бросает своему любовнику: *“I hate and despise you. Walter was worth ten of you and I was too big a fool to see it.”* Автор применяет здесь синонимы-усилители.

Рассказ А. П. Чехова «Попрыгунья» начинается просто и обыденно: *«На свадьбе у Ольги Ивановны были все ее друзья и добрые знакомые»*. Первая фраза рассказа чисто информационна. Но далее повествование начинает носить эмоционально-оценочный оттенок. Ольга Ивановна демонстрирует своего мужа гостям, словно какую-то вещь, необходимую в доме: *«— Посмотрите на него: не правда ли, в нем что-то есть? — говорила она своим друзьям, кивая на мужа и как бы желая объяснить, почему это она вышла за простого, очень обыкновенного и ничем не замечательного человека»*. Описание передается с помощью синонимов. И как антитеза высказыванию Ольги Ивановны звучит следующая фраза: *«А между тем Ольга Ивановна и ее друзья и добрые знакомые были не совсем обыкновенные люди. Каждый из них был чем-нибудь замечательным и немножко известен, имел уже имя и считался знаменитостью, или же хотя и не был еще знаменит, но зато подавал блестящие надежды»*. После описания посетителя салона Ольги Ивановны снова говорится о Дымове: *«среди этой артистической, свободной и избалованной судьбою компании <...>, вспоминавшей о существовании каких-то докторов только во время болезни, и для которой имя Дымов звучало так же безразлично как Сидоров или Тарасов, — среди этой компании Дымов казался чужим, лишним и маленьким, хотя был высок ростом и широк в плечах. Казалось, что на нем чужой фрак и что у него приказчицкая борода»*. Дымов, который не вписывается в круг «артистической богемы», представлен как чужой, лишний и маленький. Обратим внимание на эпитет *маленький*, значение которого выявляется при помощи оксюморона: *«казался... маленьким, хотя был высок ростом»*. Благодаря использованию этого приема рассказчик создает каламбур, основанный на многозначности слова *маленький*.

Если к Дымову отношение у «публики» негативно-оценочное, то саму Ольгу Ивановну всегда ее салона просто боготворят. Давая ей характеристику, они также используют сравнение:

«Артист говорил Ольге Ивановне, что со своими льняными волосами и в венчалном на-

ряде она очень похожа на стройное вишневое деревцо, когда весной оно сплошь бывает открыто нежными белыми цветами».

Речь Ольги Ивановны очень эмоциональна. Она насыщена повторами, цель которых – привлечь внимание слушателей:

«Слушайте, Рябовский... И вы, писатель, слушайте, это очень интересно».

Рассказывая о муже, который сидел у постели ее больного отца, она использует безличные изъяснительные (восклицательные) предложения: *«Сколько самопожертвования, искреннего участия!»*

В конце первой главы авторское повествование все больше напоминает речь главной героини рассказа. Прежде всего, А. П. Чехов использует эмоционально окрашенную лексику (фразеологический оборот *«врезался по самые уши»*, междометие *«бац»*). В большом монологе Ольги Ивановны мы также находим несколько образчиков ее речевой манеры: *«судьба бывает так причудлива»* (олицетворение), *«влюбилась адски»* (оксюморон), *«лицо обращено к нам в три четверти, плохо освещено»* (терминология художественной богемы).

Перейдем к третьей главе. *«На второй день Троицы, — так начинается третья глава, — после обеда Дымов купил закусок и конфет и поехал к жене на дачу. Он не виделся с нею уже две недели и сильно соскучился. Сидя в вагоне и потом отыскивая в большой роще дачу, он все время чувствовал голод и утомление и мечтал о том, как он на свободе поужинает вместе с женой и потом завалится спать. И ему весело было смотреть на свой сверток, в котором были завернуты икра, сыр и белорыбица. <...> На даче, очень неприглядной на вид, с низкими потолками, оклеенными писчей бумагой, и с неровными, щелистыми полами, было только три комнаты. В одной стояла кровать, в другой на стульях и окнах валялись холсты, кисти, засаленная бумага и мужские пальто и шляпы, а в третьей Дымов застал трех каких-то незнакомых мужчин. Двое были брюнеты с бородами, и третий совсем бритый и толстый, по-видимому — актер. <...> Скоро посыпались шаги и знакомый смех; хлопнула дверь, и в комнату вбежала Ольга Ивановна...»* Изображаемое является пред читателем в восприятии Дымова: это для него мужчины *«какие-то незнакомые»*, а смех Ольги Ивановны — *«знакомый»*. Речь Ольги Ивановны слишком эмоциональна, наполнена восклицательными и побудительными предложениями:

«Но как я рада тебя видеть! Ты мне всю, всю ночь снился, и я боялась, как бы ты не заболел. Ах, если б ты знал, как ты мил, как ты кста-ти приехал! Ты будешь моим спасителем. Ты один только можешь спасти меня!». И только потом выясняется, для чего нужен был героине такой пафос: она хотела, чтобы муж исполнил ее очередной каприз – вернулся домой и привез ей платье. Из этого мы делаем вывод, что Ольга Ивановна – человек неискренний и лицемерный. Только теперь мы понимаем, что она никогда не любила мужа.

Литературная ситуация «любви» в первой части рассказа представлена односторонне – только от лица Дымова. Его любовь к жене чувствуется во всем: и в его взгляде, и в улыбке, и в поведении. А Ольга Ивановна, героиня рассказа, смотрит на мужа как на еще один «предмет мебели». Ей с ним уютно, комфортно, но любви у нее к Дымову нет. Вышла за него замуж, потому что он показался ей «удобным» мужем, который даст ей жить своей «артистической» жизнью. В первой части мы не обнаруживаем большого количества стилистических приемов и средств языковой выразительности. Это объясняется, очевидно, сдержанностью Дымова в проявлении чувств.

Во второй части повествования мы находим целый арсенал метафор, сравнений, эпитетов, риторических вопросов и других фигур речи. Когда Ольга Ивановна понимает, что она мужа не любит, она, словно в омут с головой, бросается в новую любовь, которой оказывается художник Рябовский. Романтической обстановке способствует путешествие по Волге, с которого начинается вторая часть «ситуации любви», теперь уже затрагивающая саму героиню повествования. Она описывается А. П. Чеховым в 4–7 главах повести «Попрыгунья». Начало 4 главы глубоко поэтично. Удивительные картины природы настраивают и героиню, и читателя на романтический лад. Этому способствует, прежде всего, использование большого количества образных эпитетов и метафор.

«В тихую лунную июльскую (эпитеты) ночь Ольга Ивановна стояла на палубе волжского парохода и смотрела то на воду, то на красивые берега. Рядом с нею стоял Рябовский и говорил ей, что **черные тени на воде – не тени, а сон** (аллегория, антитеза), что в виду этой **колдовской** (метафорический эпитет) воды с **фантастическим** (эпитет) блеском, в виду **бездонного** (эпитет) неба и **грустных, задумчивых** (метафорические эпитеты) берегов, го-

ворящих о суете нашей жизни и о существовании чего-то высшего, вечного, блаженного (персонификация), **хорошо бы забыться, умереть, стать воспоминанием** (градация – нарастание). *Прошедшее пошло и неинтересно, будущее ничтожно, а эта чудная* (эпитет), *единственная в жизни ночь скоро кончится, сольется с вечностью* (метафора) – **зачем же жить?** (риторический вопрос)»

Монолог Рябовского, выраженный автором в форме несобственно-прямой речи, плавно переходит в раскрытие мыслей и чувств героини, которая уходит от суетности жизни в мир иллюзий и несбывшихся снов, что также передается выразительными средствами языка. «А Ольга Ивановна... думала о том, что **она бессмертна и никогда не умрет** (синонимический повтор наряду с аллегорическим представлением эмоционального напряжения описываемого эпизода). **Бирюзовый** (эпитет) *цвет воды, какого она раньше никогда не видала, небо, берега, черные* (эпитет) **тени и безотчетная** (эпитет) **радость**, *наполнявшая ее душу, говорили ей* (персонификация), *что из нее выйдет великая* (эпитет) *художница и что где-то там за далью, за лунной ночью, в бесконечном пространстве ожидают ее успех, слава, любовь народа* (метафора)...». Ей кажется, что любовь взаимна. Рябовский говорит очень красиво и убедительно, задавая вопрос, на который она не знает ответа: «Зачем вы сегодня так обворожительны?». Он говорит ей о любви с волнением, которое передано средством лексического повтора и умолчанием: «Любите меня, любите...» Но вдруг ее взгляд падает на его глаза, которые неподвижны («Он все время глядел на нее не отрываясь»), «страшны». Эпитет «страшны» раскрывает все нутро Рябовского, отражает его натуру хищника. И Ольга Ивановна, возможно, каким-то чутьем это понимает: «... она боялась взглянуть на него».

Когда она вдруг вспоминает мужа, то в ее сознании мелькают вопросы: «Что Дымов? Почему Дымов? Какое мне дело до Дымова?» (эллипсис, эпифора). Но воспоминания никуда не денешь. Перед такой величественной картиной, какая предстает перед ней в эту волшебную ночь, все кажется ей «*маленьким, ничтожным, тусклым, ненужным и далеким-далеким*». В своем внутреннем монологе она прибегает к таким средствам, как градация («Пусть осуждают там, проклинают») и синтаксический повтор («... а я вот назло всем

возьму и погибну, возьму вот и погибну...»), антитеза («*Боже, как жутко и как хорошо!*») Контрастное описание природы данной главы символизирует начало размолвки между Ольгой Ивановной и Рябовским. То, что герой ее романа охладел к ней, передают эпитеты с негативной коннотацией, а также метафоры и олицетворения, которые несут в себе «мрачную» символику. «*А Волга уже была без блеска, тусклая, матовая, холодная* (эпитеты) *на вид. Все, все напоминало о приближении то-скливой, хмурой* (эпитеты) *осени. И казалось, что роскошные зеленые ковры на берегах* (метафора), *алмазные отражения лучей* (метафора), *прозрачную синюю* (эпитеты) *даль и все щегольское и парадное природа сняла теперь с Волги и уложила в сундуки до будущей весны* (персонификация)». На Ольгу Ивановну эти мрачные тона навевают тоску. Она вспоминает о муже, используя восклицательные предложения с эпитетами («*Милый Дымов! Как кротко и детски жалобно он просит ее в своих письмах поскорее ехать домой! <...> Какой добрый, великодушный человек!*») В этой главе, где героиня уже понимает, что она сильно обманулась в своих ожиданиях, обосновывается название повести – «Попрыгунья».

Если для героини романа “The painted Veil” расставание с любимым смерти подобно, то героиня рассказа «Попрыгунья» идет по жизни весело, ни о чем не задумывается и даже разрыв с любимым кажется ей трагедией не более пяти минут: от «вселенской» грусти и мыслей о самоубийстве она быстро переходит к «радости жизни», думая о вечере в театре, куда пойдет слушать музыку. Одним словом, Ольга Ивановна и есть та Попрыгунья-стрекоза из крыловской басни.

Следующий этап ситуации любви – это развенчание героини собственным мужем. Развязка ситуации заключается во фразе, которая стоит в начале 6 главы: «*По-видимому, с середины зимы Дымов стал догадываться, что его обманывают*» (безличное предложение). За этой, казалось бы, простой фразой следует выразительное описание эмоционального состояния Дымова, догадывающегося об измене жены:

«*Он, как будто у него была совесть нечиста, не мог уже смотреть жене прямо в глаза, не улыбался радостно при встрече с нею и, чтобы меньше оставаться с нею наедине, часто приводил к себе обедать своего товарища Коростелева*».

Чтобы показать тревожное состояние своего героя и смятение его чувств, А. П. Чехов использует глаголы с отрицательной частицей *не*, а также сравнение – *как будто у него была совесть нечиста*. Дымов пытается отвлечься от горестных дум, для чего приглашает к себе домой своего товарища, с которым ведет беседы на медицинские темы. Для сравнения вспомним роман С. Моэма “The painted Veil”, в котором герой – тоже врач, бактериолог, но он не любит говорить о своей работе. Попав в аналогичную ситуацию (измена жены), Уолтер Фейн, как свидетельствует автор, тоже всего себя посвящает работе, но его профессиональная деятельность происходит «за кадром», читатель не знает даже, в чем она заключается. А. П. Чехов, наоборот, показывает своего героя в разных ипостасях – в том числе и как врача, который является специалистом своего дела. Дымов, как и Уолтер Фейн, все обиды и внутренние пощечины сносит молча и не дает выход своим эмоциям. У обоих героев можно найти много точек соприкосновения, и, наверное, поэтому судьбы у них оказываются идентичными.

Что же касается героинь обоих анализируемых нами произведений, то у них мало общего. Китти из романа “The Painted Veil”, как и Ольга Ивановна, легкомысленный человек, но она быстро понимает свою ошибку, распознав ничтожность и внутреннюю пустоту своего избранника, ради которого она хотела бросить семью. Последовав за мужем, она находит в себе силы изменить себя и выходит из этой борьбы совсем другим человеком. Поэтому потеря мужа для нее истинная трагедия. Ольга Ивановна на протяжении всего повествования не задумывается ни о чем, она, словно стрекоза, прыгает по жизни. Эту своеобразную «прыгучесть» своей героини А. П. Чехов показывает с легкой долей иронии. Быстрая смена эпизодов, где важная роль отводится глаголам движения, символизирует ее непостоянство и в любви и в жизни. Вот один из таких наглядных примеров, в котором большое место занимает прием иронии, достигаемый за счет перепада:

«*Потом она начинала умолять его, чтобы он любил ее, не бросал, чтобы пожалел ее, бедную и несчастную. Она плакала, целовала ему руки, требовала, чтобы он клялся ей в любви, доказывала ему, что без ее хорошего влияния он собьется с пути и погибнет. И, испортив ему хорошее настроение духа и чувствуя себя униженной, она уезжала к пор-*

тнихе или к знакомой актрисе похлопотать насчет билета».

В начале этого описания идет серия эмотивных глаголов негативной коннотации, выстроенных по принципу градации, которые могут репрезентировать состояние героини, близкое к критическому. И вдруг трагедия заканчивается – героиня уезжает «*похлопотать насчет билета*». Но перед этим она, изображая свою «униженность», «*портит хорошее настроение*» своему собеседнику. Это фраза, построенная в форме деепричастного оборота, – типичный прием иронии, достигаемый за счет перепада. Ольга Ивановна однажды так высказалась о своем муже: «*Этот человек гнетет меня своим великодушием!*». Это восклицание построено на оксюмороны – приеме, который чаще всего является выражением иронии, но в данном случае он подчеркивает трагизм ситуации.

А. П. Чехов показывает, что его герои – Дымов и Ольга Ивановна – говорят «на разных языках» (как говорят «на разных языках» Китти и Уолтер). Когда Дымов объявляет жене, что защитил диссертацию, в результате чего он может продвинуться по службе, она не разделяет его радости. Писатель дает удивительно светлый портрет своего героя – его лицо *блаженное, сияющее* (эпитеты), его переполняют *радость и торжество* (стилистические синонимы), но жена не понимает, что такое *приватдоцентура* и *общая патология* (терминология). Последняя фраза, что Ольга Ивановна «*боялась опоздать в театр и ничего не сказала*», явилась «мостиком» к началу другой, трагичной, ситуации, – ситуации смерти. Ведь если нет взаимопонимания и поддержки, что рано или поздно может кончиться предательством, ничего не остается, как уйти от жизни – причем добровольно. Ни Уолтер Фейн, ни Дымов не накладывают на себя руки, но они сами, по своему желанию, идут к той ситуации, которую немецкий философ М. Хайдеггер назвал «бытием к смерти». Они ставят себя в такие условия, что провоцируют у себя смерть: Уолтер Фейн ставит на себе опасные бактериологические опыты, Дымов добровольно заражает себя, высасывая у больного мальчика дифтеритные пленки. Казалось бы, горе, пережитое героиней, должно было убедить ее в том, как она была неправа, когда делила людей на знаменитых и незнаменитых. Но на самом деле она оплакивает не потерю любящего и верного мужа, а будущую знаменитость, не замечен-

ную ею. «*Прозевала! Прозевала!*», – лучший показатель, что ее горе не подлинное, что она по-прежнему ценит в людях их внешнее положение и степень их знаменитости.

Подводя итог проведенному анализу, можно отметить, что в количественном соотношении стилистические приемы используются С. Моэмом и А. П. Чеховым неравномерно. Если учесть общее число используемых приемов при репрезентации ситуации любви, то в романе У. С. Моэма их 113 единиц, а в рассказе А. П. Чехова – 140. В романе У. С. Моэма преобладают эпитеты (48 единиц – 39 %). На наш взгляд, это связано с тем, что любовь – сильное эмоциональное чувство, и именно с помощью эпитета можно описать его с наибольшей достоверностью. Второе место по частотности употребления занимает метафора (21 единица – 20 %), поскольку рассказ о любви часто требует иносказания, выраженного образным языком, что и лежит в основе метафоры.

В рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья» ситуация любви также представлена большей частью эпитетами (58 единиц – 32 %). Метафор 10, и она занимает только 4 позицию. Сравнения используются авторами примерно одинаково – 9 и 7 единиц соответственно. На втором месте – риторический вопрос, задаваемый героиней (8 %). Но при этом, как можно заметить, большинство приемов, используемых при репрезентации любви в рассказе «Попрыгунья», в романе «The Painted Veil» отсутствует. Так, в последнем мы не нашли такие приемы, как ирония, метонимия, зевгма, параллелизм, тавтология, гипербола, аллегория, градация. В рассказе А. П. Чехова мы не нашли только парцелляцию и эллиптические предложения, которые в романе У. С. Моэма присутствуют.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что при репрезентации любви и У. С. Моэм, и А. П. Чехов отдают предпочтение эпитету, однако соотношение других приемов и выразительных средств у них не совпадает – и, прежде всего, в количественном соотношении самих приемов, которых у А. П. Чехова гораздо больше. Это отражает теорию о русском национальном характере, эмоциональном и выразительном.

Для У. С. Моэма любовь – сильное чувство, и он передает ее посредством эпитета. Но любовь в романе «The Painted Veil» окрашена в трагические тона, что не может не сказаться на выборе выразительных средств. Повествова-

ние о любви часто требует иносказания, выраженного образным языком, поэтому писатель, репрезентируя ситуацию любви, использует большое количество метафор. Однако в повествовании нередко используются умолчание, парцелляция, эллипсис, то есть те приемы, которые делают речь сдержанной, краткой, заставляют слушателя додумывать. Все это соответствует национальному характеру англичан и с достоверностью подтверждается в художественном произведении.

Список литературы

1. Андреев, Л. Г. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. М., 2004. 416 с.
2. Будагов, Р. А. Писатели о языке и язык писателей. М., 1984. 280 с.
3. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 323 с.
4. Стернин, И. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001. 206 с.
5. Чехов, А. П. Попрыгунья // Чехов, А. П. Человек в футляре. Повести и рассказы. М., 1980. С. 39–50.
6. Maugham, W. S. *The Painted Veil*. М., 1981. 248 с.

7. Polti, Georges. *The thirty-six dramatic situations* [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/thirtysixdramati00polt>.

References

1. Andreev, L. G. (2004) *Zhan-Pol' Sartr. Svobodnoe soznanie i XX vek* [=Jan Paul Sartr. Free consciousness and the XXth century], Moscow, 416 p. (in Russ.).
2. Budagov, R. A. (1984) *Pisатели o jazyke i jazyk pisatelej* [=Writers about language and language of writers], Moscow, 280 p. (in Russ.).
3. Slyshkin, G. G. (2004) *Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty* [=Lingvocultural concepts and metaconcepts], Volgograd, 214 p. (in Russ.).
4. Sternin, I. A. (2001) *Oчерк anglijskogo kommunikativnogo povedeniya* [=Essay about communication in English], Voronezh, 206 p. (in Russ.).
5. Chekhov, A. P. (1980) "Poprygun'ya" [=Fidget], in: Chekhov, A. P. *Chelovek v futlyare. Povesti i rasskazy* [=The Man in the Case. Novels and Stories], Moscow, pp. 39–50 (in Russ.).
6. Maugham, W. S. (1981) *The Painted Veil*, Moscow, 248 p.
7. Polti, Georges. *The thirty-six dramatic situations*, available at: <https://archive.org/details/thirtysixdramati00polt>.

С. Р. Джабраилова

О СЕМАНТИЧЕСКОМ НАПОЛНЕНИИ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» В ЛЕЗГИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются возможные толкования концепта *природа* в хорошо изученном русском языке и пока еще слабо изученном лезгинском языке, одном из языков многонационального Дагестана. Рассматриваются словарные дефиниции, а также возможные сочетания с компонентами-словами, входящими в лексико-семантическое поле «природа». Проводятся параллели в семантике слов «природа» в русском и «тЛебиат» в лезгинском языках.

Ключевые слова: концепт «природа», многозначность, синонимический ряд, толкование слов, словарная статья.

Как известно, концепт *природа* является по своему объему достаточно сложным и многокомпонентным понятием, ибо разные исследователи включают в поле «природа» совершенно различные понятия, да и словарные определения лексемы «природа» не отличаются однозначностью и строгостью.

Так, природа в лезгинском языке трактуется следующим образом:

- мир, вселенная со всеми объектами и явлениями (*дунья*) – *дуньядин къадарар* – всемирные новости;
- компоненты природного мира, такие как деревья, животные, горы, реки (*дуньядин паяр, дагълар, ттарар, хъайванар, вацлар*) – *вахши ттарар*;
- природный ландшафт (*тЛебиатдин шикил*) – *тЛебиатдин дуъз къайдада*;
- характеристика, тип, вид предмета или явления (*характеристика, жуъре, къайда*) – *къве китаб са жуъредин*;
- черты характера, темперамент (*туънт жуъре, характер*);
- природное, примитивное состояние человечества (*тЛебиатдикъ элкьун*);
- биологические функции и потребности (*тЛебиатдин къайдаяр*).

У русской лексемы «природа» зафиксированы те же значения. Последние три значения *природа* в лезгинском языке указывают на такую составляющую концепта *природа*, как естественность или первоначальность, что, в целом, присуще и русскому языку.

Следовательно, в парадигму лексических значений концепта *природа*, зафиксированных в словарях на рассматриваемых языках, входят такие основные значения, как «воспринимаемый нами окружающий мир во всем его многообразии»; «совокупность и основа мате-

риального бытия, первично данная», «характер человека или явления». Данные значения наиболее характерны для русской и лезгинской языковых картин мира.

Суммируя все вышесказанное, следует сформулировать вывод о том, что концепт *природа* состоит из следующих ключевых сем, или единиц (компонентов) значения:

- абстрактность;
- масштабность;
- изначальность, врожденность, первичность;
- неотъемлемость;
- сверхъестественность, божественность, превосходство над человеком;
- примитивность, бесхитрость, естественность;
- близость человеку;
- противопоставление человеческой деятельности.

Хотелось бы также указать на то, что концепт *природа* как в русском, так и в лезгинском языке отличается большим разнообразием средств вербализации. По мнению Г. Г. Слышкина, «чем разнообразнее возможности выражения значений концепта, тем более древним он является и тем главней его роль в рамках данного языкового этноса» [4. С. 18].

Как отмечается в «Новейшем философском словаре», «в данном случае вряд ли вообще возможно дать какое-либо точное определение природе», поскольку «она относится к таким гуманистическим системам, которые включают в себя и самого человека, а, согласно современной логике, дефиниции подобных систем не могут быть даны по высоким стандартам точности» [3. С. 545].

В самом деле, дефиниции концепта *природа* в толковых словарях русского языка

В. И. Даля, А. П. Евгеньевой и С. И. Ожегова отличаются, однако нетрудно указать их общие характеристики, дающие возможность сделать выводы о базовых компонентах этого общекультурного концепта.

В первую очередь, природа – это окружающий нас материальный мир, все зримое и вещественное, что существует во вселенной. В этом случае синонимами к лексеме «природа» могут быть такие концепты как «космос», «вселенная». В этом своем статусе вся природа делится на неорганическую и органическую, включая флору и фауну. Человек, будучи, прежде всего, биологическим видом, тоже является компонентом этого мира. К первому значению в словаре под редакцией А. П. Евгеньевой относится и «действенное, созидательное начало этого мира» [9. С. 437]. Следовательно, в определенной ситуации природу можно отождествлять с живым существом, которое способно изменять, создавать и наделять какими-либо качествами.

В «Новейшем философском словаре» указывается, что подобное толкование природы господствовало во времена сознания на уровне мифов (до нашей эры), согласно которому утверждалось господство окружающего мира над человеком, а природным явлениям придавался статус одушевленных [3. С. 545]. С развитием науки люди стали менее зависимыми от внешних факторов или, по крайней мере, смогли найти для многих из них разумное объяснение, но предрассудки предыдущих поколений сохранились в народном сознании и отразились, прежде всего, в поверьях, легендах и сказках. Природа наделяется одушевленными качествами в ряде русских пословиц и поговорок, например:

На выдумку природа торовата;

Что природа дала, того и мылом не отмоешь [6. С. 166].

Здесь же можно привести устойчивые сочетания *мать-природа* и *лоно природы*, указывающие на отношение человека к природе как к некоей высшей творящей силе, схожей в чем-то по духу, но более мудрой и стоящей выше его.

В словаре В. И. Даля в статье «природа» дается следующее первое значение этого слова: «наш мир, земля, со всем созданным на ней; противопоставляется Создателю» [1. С. 439]. У Даля природа называется не творцом, а творением. Следовательно, человек от мифологического сознания, включавшего обязательное обожествление и одушевление явлений приро-

ды, перешел к религиозному сознанию, начав объяснять себе экзистенцию и развитие мира действием какой-либо одной, а не множества сил: «Средневековый человек жил в едином мире – творении Божьем, причем оно было совершенным и прекрасным. Явления природы толковались как символы, идеи, передаваемые в мир Богом» [3. С. 545]. Известно, что традиционность, религиозность всегда играли главенствующую роль в русском менталитете. Во времена издания словаря В. И. Даля (1863 г.) Россия была страной глубоко религиозной, христианской, что отлично объясняет акцент в сторону Творца.

Словарь под редакцией А. П. Евгеньевой был опубликован в середине XX в., уже в СССР, что означало запрет на упоминание чего-либо, так или иначе связанного с религией, за исключением обычного описания обрядов. Однако мифологическая натура природы и связь с высшим разумом все же отмечены в данной словарной статье. Интересно отметить, что в виде примера к первому значению слова «природа» дается фраза: «*Природа проснулась с зарею*», указывающая на одушевление природы и ее связь с мифологическими штампами. В словаре А. П. Евгеньевой дается еще одно значение слова «природа»: «совокупность естественных условий или какой-либо части их на Земле» [9. С. 437]. Сюда относятся климатические условия, растительный и животный мир, рельеф, ландшафт (ср. у В. И. Даля «три царства (или, с человеком, четыре), в первобытном виде своем») [1. С. 439].

Лексема «природа» обладает еще и значением «сущность, качество, основное свойство чего-либо» [9. С. 438], которое проявляется в таких сочетаниях как *природа явления*, *в природе вещей*, *природа социальных отношений*. Судя по словарной статье о соответствующем значении из словаря В. И. Даля, изначально оно относилось только к личности: «он *от природы* зол, добр, глуп, горбат, слеп, хром и пр., то есть *таков родился*» [1. С. 439].

Действительно, диапазон взаимодействия природы и человека очень большой. В лексико-семантическое поле «природа человека» включены как его «прирожденные качества, характер, свойства или их совокупность», так и «совокупность естественных склонностей, потребностей и свойств человеческого организма» [9. С. 438]. К примеру, в словосочетании *нетороплив по природе* указывается на специфику характера, поведения человека. Здесь

также заметна связь с природой как с созидающей, творящей силой посредством представлений о том, что природа-мать еще до рождения, наделяет своих детей некими характеристиками. В другом примере, приведенном в словаре А. П. Евгеньевой, природа описывается как биологическая или физиологическая сторона человека: «Яков Ильич, как и все люди, надеялся в душе на то, что все само собой пройдет, *природа* победит недуг» (Кедров) [9. С. 438].

Более того, природа – естественное начало человека – входит в оппозицию с природой – началом духовным. По В. И. Далю, это «все плотское, телесное, гнетущее, земное, вещественное, противоположное духовности», а реализуется это значение в таких примерах:

Природа в человеке манит и блазнит его, а дух призывает и высит;

Воскресая, человек покидает природу свою [1. С. 439].

Любопытный факт: в этимологических словарях Г. А. Крылова [2] и А. В. Семенова нет словарной статьи на лексему «природа», но зато в словаре Г. А. Крылова в статье «натура» приводится следующий аргумент: «слово “природа” образовано как калька с латинского *natura*». Само же слово “натура” является «заимствованием из латинского, где *natura* – “природа, характер” образовано от *natum* – “рожденное, созданное” (от глагола *nasco* – “рождаюсь, возникаю”))» [2. С. 205].

Следовательно, с начала лексемы «натура» и «природа» выражали один и тот же концепт и были фактически полными синонимами, однако несколько десятков лет спустя парадигма их значений изменилась, в ней появились расхождения. Так, с учетом латинского происхождения, слово «натура» стали использовать в качестве термина со значением «товары, продукты как платежное средство взамен денег, реальные объекты (человек, предметы, ландшафт), которые изображает художник». Слова «природа» и «натура» функционируют в роли синонимов при описании характера человека (при этом вторая лексема более употребительна), однако такие значения, как «мир или совокупность естественных условий» присущи в настоящее время только лексеме «природа», а для лексемы «натура» они уже архаичны.

Что касается данного слова в лезгинском языке, его значение представлено следующим образом: 1. природа, *mLebiat* (ччилин винел, авай-авачир кван вири затIар: ттар-там, на-

батагар, гьава, дагълар, вацIар ва масабур). 2. TLebiat, асул зат, асул хесет: от природы – *вичин асулдай; хайила, чандалай кьулухь*; по природе – *вичин асул кьилихдалди, mLebiatдалди*; в природе вещей – *ам гьакI жедай адет я, mLebiatдик квай кар я*.

ПРИРОДНЫЙ 1. *mLebiatдин*. 2. *халис, гьакъикъи* «натуральный» > «настоящий».

Ключевым словом, представляющим концепт «природа» в лезгинском языке, является лексема «*mLebiat*» [7. С. 82].

Мы изучили соответствующие статьи в толковых словарях русского языка, но существенных различий в значениях русского «природа» и лезгинского «*mLebiat*» не обнаружили.

Что касается ценностной значимости исследуемого концепта «природа», следовательно, можно признать ее очень высокой, ибо лексема «природа» в значении «мир» и «совокупность естественных условий», определяется большим количеством предметов или объектов, входящих в поле этого концепта. Ниже мы приводим лишь небольшой список таких объектов, характерных как для лезгинского, так и для русского языков:

– небесные светила: *варз* – луна, *рагъ* – солнце, *гъетер* – звезды;

– воздух и воздушные явления: *кислород* – кислород, *гар* – ветер, *шахъвар* – бриз, *mTurфан* – шквал;

– вода и водные явления: *хъвал* – ручей, *вацI* – река, *хъуьл* – море, *лепе* – волна;

– растительный мир: *ттар* – дерево, *хъач* – трава, *цъкъьв* – цветок, *пеш* – лист, *пешер* – листва, *ямиш* – плод;

– животный мир: *зверь хайван* – животное (а также все их виды);

– земля: *чил* – почва, *руг* – пыль, *къан* – камень, *дагъ* – гора, *чуьл* – поле;

– погодные явления: *цифер* – облака, *марф* – дождь, *жив* – снег, *турфан* – гроза, *цай лан* – молния;

– цикличные явления (смена времен года, дня и ночи): *гад* – лето, *къуьд* – зима, *гатфар* – весна, *зул* – осень, *йуьгъ* – день, *йиф* – ночь, *пакаман* – утро, *няни* – вечер, *экъв* – свет, *мичIивал* – тьма, *сирин* – тень;

– свойства, связанные с субъективным восприятием: *чими* – тепло, *мекъви* – холод, *къацу* – зелень и так далее.

Кроме того, большая часть из приведенных в примерах единиц в то же время является самостоятельными концептами, и многие из них (концепты типа *свет, тьма, климат, лето,*

дождь и др.) играют важную роль в русской и лезгинской ЯКМ.

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1998. Т. 3. 422 с.
2. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб., 2005. 221 с.
3. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 2003. 412 с.
4. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. 223 с.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М., 1997. 740 с.
6. Русские народные пословицы и поговорки / сост. А. Жигулев. Красноярск, 1993. 227 с.
7. Русско-лезгинский словарь / под ред. Р. И. Гайдарова. Махачкала, 1990. 248 с.
8. Русско-лезгинский словарь / сост. М. Г. Гаджиев, Б. Б. Талибов. Махачкала, 1970. 213 с.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1984. Т. 3. 750 с.

References

1. Dal, V. I. (1998) *Tolkovy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [=The Explanatory Dic-

tionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl], Volume 3, Moskow, 422 p. (in Russ.).

2. Krylov, G. A. (2005) *Etimologicheskyy slovar russkogo yazyka* [=Etymological dictionary of Russian], St. Petersburg, 221 p. (in Russ.).
3. *Noveishiy filosofskiy slovar* (2003) [=The latest philosophical dictionary], sost. A. A. Gritsanov, Minsk, 412 p. (in Russ.).
4. Slyshkin, G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokulturnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* (2000) [=From the text to a symbol: lingvokulturny concepts of case texts in consciousness and a discourse], Moskow, 223 p. (in Russ.).
5. Ozhegov, S. I. *Slovar russkogo yazyka* (1997) [=Dictionary of Russian], Moskow, 740 p.
6. *Russkie narodnye posloviцы I pogovorki* (1993) [=Russian national proverbs and sayings], sost. A. Zhigulev, Krasnoyarsk, 227 p. (in Russ.).
7. *Russko-lezghinsky slovar* (1990) [=Russian-Lezghin dictionary], pod red. R. I. Gaidarova, Makhachkala, 248 p. (in Russ.).
8. *Russko-lezghinsky slovar* (1970) [=Russian-Lezghin dictionary], sost. M. G. Gadzhiev, B. B. Talibov, Makhachkala, 213 p. (in Russ.).
9. *Slovar' russkogo jazyka* (1984) [=Dictionary of Russian], pod red. A. P. Evgen'evoy, Volume 3, Moskow, 750 p. (in Russ.).

Л. М. Зиннатуллина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНО НЕТРАНСФОРМИРОВАННЫХ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются контекстуально нетрансформированные адвербиальные фразеологические единицы в английском и русском языках. Рассмотрены основные характеристики использования изучаемых фразеологических единиц. Уделяется внимание изучению фразеологического каламбура. Даются примеры и анализ контекстуального использования нетрансформированных адвербиальных фразеологических единиц с точки зрения семантики.

Ключевые слова: нетрансформированные ФЕ, узуальное использование, контекстуальное использование, фразеологический каламбур, двойное прочтение.

Под использованием контекстуально нетрансформируемых ФЕ (далее – ФЕ) понимается их использование в контексте в основной, словарной устойчивой форме. Отсутствие видимых изменений в форме фразеологизмов способствует их быстрому распознаванию носителями языка [4. С. 74].

А. Начисчионе в разделе монографии, посвященном анализу использования фразеологических единиц в их основной, словарной форме и значении (по используемой в книге терминологии – *core use*), указывает, что именно в данной форме фразеологизмы используются и понимаются большинством говорящих. В данном случае не наблюдается дополнительных стилистических изменений, поскольку ФЕ функционируют ожидаемым и предсказуемым образом [10].

В работах А. Начисчионе, А. А. Алдаибани и других исследователей указывается, что основными характеристиками использования нетрансформируемых фразеологических единиц являются:

1) использование ФЕ в основной, словарной форме без изменения значения;

2) реализация значения ФЕ в узком контексте, как правило, в пределах одного предложения;

3) предсказуемое употребление ФЕ [1; 4; 10].

Таким образом, ФЕ используется в контексте без всяких изменений как в своем компонентном составе, так и во фразеологическом значении, а основная цель подобного использования – с помощью ФЕ придать яркости и экспрессивности самому высказыванию. Также необходимо указать, что подобное употребление фразеологизмов также обозначается в

лингвистической литературе термином «узуальное» использование ФЕ.

Приведем несколько примеров подобного употребления адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках:

“Ah! Cried another voice, that of the youngest hand on board, and evidently full of admiration, he was the flower of the flock, was Flint!”, “David was a man, too, *by all accounts*” (R. Stevenson, *Treasure Island*) (*according to / by / all accounts* – по общему мнению, по общим отзывам, как все считают).

I asked him what was the matter. “Nothing,” Dick said. “At least not much. Tell you about it *by and by*” (K. Prichard, *Golden Miles*) (*by and by* – потом, несколько позднее, со временем, постепенно).

I thought if I went on waiting till Marry-Ann came to see me I’d have to wait *till doomsday*, so I thought the best thing I could do was to come and see her myself (W. Maugham, *Cakes and Ale*) (*till/until/doomsday* – до второго пришествия, до скончания века, бесконечно).

Then he got an idea the mob’d be rushin’ the reef, stealin’ the golden hole *from under his nose* (K. Prichard, *Winged Seeds*) (*from under one’s <very> nose* – из-под <самого> носа).

He could not get in because it now belonged to J. L. Walters, who was dressing *at a snail’s pace* and humming little bits from *La Bohème* (P. Johnson, *Night and Silence Who Is Here*) (*at a snail’s gallop/pace* – черепаший шаг).

There were obligations, she thought, which bound Morris to her, he could not forget, although they might be pushed into the background of his consciousness *for a time* (K. Prichard, *The Roaring Nineties*) (*for a time* – на время, временно).

– Всю войну прошел *от «а» до «я»*. Правда,

пришлось еще раз учиться в Казани, на курсах по изучению иностранных танков (Р. Армеев, Шарф голубой) (*от «а» до «я»* – от самого начала до конца).

Нет, она тысячу раз права... Ребятам там нужны беседы по душам с другом, который много старше, мудрее, который сможет удерживать, *если что*, добрым советом, натолкнуть на раздумье (А. Кузнецова, Земной поклон) (*если что* – в необходимом случае).

Погода была очень плохая, дождь лил *без передышки* четвертые сутки (В. Панова, Спутники) (*без передышки* <в пересыпку> – не переставая, не останавливаясь).

Во время концерта мне вспомнились слова Бетховена о том, что путь музыки лежит *от сердца к сердцу*. Я почувствовал эту гармонию, это единение сердец исполнителя и слушателя (В. Пикуль, От сердца – к сердцу (*от сердца к сердцу* – непосредственно через чувства, душевное состояние одного человека к чувствам другого человека).

– Сын-то твой, Харитон, в мое хозяйство примаком просится, – голым, смекаю, не отпустишь... чего-нибудь дашь небось... – Дудки, Оглоблин. *Когда рак на горе свистнет* (И. Акулов, Касьян Остудный) (*когда рак* <на горе> *свистнет* – неизвестно когда; в неопределенном будущем времени; никогда).

Впрочем, Володе пока что не было от всего этого *ни холодно ни жарко*. Слишком много он занимался делом, слишком много и сосредоточенно работал, чтобы помнить о том или о тех, кто в данное время исчез с его пути (Ю. Герман, Дело, которому ты служишь) (*ни холодно ни жарко кому* – безразлично, все равно).

Приведенные примеры показывают, что при употреблении контекстуально нетрансформированных фразеологических единиц в равной мере авторы используют как образные (*till doomsday, at a snail's pace, когда рак на горе свистнет* и так далее), так и необразные единицы (*by and by, for a time, если что* и так далее) при полном сохранении словарного значения и формы. Необходимо отметить, что адвербиальные фразеологические единицы как английского, так и русского языка в подавляющем большинстве случаев употребляются в контексте именно таким образом.

Однако существует еще один способ употребления фразеологических единиц без изменения формы и компонентного состава, но при двойственном «прочтении» значения. Речь идет о фразеологической игре слов (фразеологиче-

ском каламбуре, двойной актуализации, дефразеологизации, используя другие термины).

Исследователи фразеологии различных языков неоднократно обращали внимание то, что роль внутренней формы ФЕ в восприятии фразеологического значения очень важна. При контекстуальном использовании фразеологизмов буквальное значение компонента ФЕ не только не исчезает, но является зачастую ключевым для его интерпретации. Фразеологический каламбур заключается в обыгрывании прямого (буквального) и переносного значений фразеологической единицы под влиянием контекста, при этом словарная форма фразеологизма остается без изменений, так как фразеологизм формально остается контекстуально нетрансформируемым. Таким образом, именно контекст является стилистическим актуализатором двойного прочтения значения ФЕ. Анализ авторского обыгрывания буквального и переносного значения ФЕ, а также терминологического значения лексем-компонентов ФЕ позволяет исследовать целый ряд механизмов творческого использования потенциальных возможностей языковых единиц.

А. Начисчионе большое внимание обратила на изучение фразеологического каламбура при употреблении английских фразеологических единиц в обеих монографиях, отмечая, что он позволяет проследить когнитивный процесс создания фразеологического образа и понять секрет двойной интерпретации [10].

Обратимся к анализу зафиксированных нами примеров.

Качественная адвербиальная ФЕ со значением неполноты действия *by (in) fits and starts* (нерегулярно, неравномерно) традиционно употребляется следующим образом:

I was working in fits and starts... I wrote one short story, then another: neither, I thought, was much good (E. O'Connor, All in the Family).

Однако в тексте с элементами научно-популярного стиля узуальное значение данного оборота может быть обыграно в соответствии с пониманием механизма конкретной химической реакции:

His inspiration goes back to the early idea of Charles Frank, plus the fact that muon catalysed fusion was observed in 1956 by accident and the interest has grown in fits and starts ever since (F. Close, Too Hot to Handle). В данном примере автором обыгрываются технические значения компонентов ФЕ *fit* (аппроксимация) и *start* (пуск), что создает комический эффект, так

как речь идет об открытии мюонного катализа ядерных реакций синтеза.

Адвербиальная ФЕ образа действия с семантикой неожиданного характера действия *out of a clear / blue / sky* имеет значение «откуда ни возьмись, как гром среди ясного неба». Однако, используя указанную ФЕ таким образом, чтобы она могла быть воспринята одновременно и как свободное, и как несвободное сочетание, значение которого складывается из суммы значений компонентов, автор подчеркивает удивление персонажа, обнаружившего, что, вопреки метеопрогнозу, день оказался жарким:

By the time he reached Tyberton, which was only three miles from the camp, he was sweating, for the sun was shining fiercely *out of a clear sky* (C. Cookson, *My Beloved Son*).

Нами также зафиксировано авторское употребление ФЕ английского языка со значением обстоятельства времени совершения действия. В узуальном употреблении оборот *year in and year out* имеет значение «из года в год, много лет подряд»:

His life from school age on had been passed, *year in, year out*, from dawn till dark, with the cattle and their calves (J. Galsworthy, *Caravan, The Recruit*).

Однако в контексте высказывания о спортивных клубах-участниках ежегодного соревнования указанный оборот приобретает каламбурное звучание:

No club has a divine right to win the League *year in, year out* as the Glens and Blues have done down through the years (The Belfast Telegraph).

Автор спортивного обзора использует его и как свободное, и как несвободное сочетание слов, значение которого складывается из суммы значений компонентов: стилистический эффект дополнительно поддерживается употреблением в пределах высказывания другой ФЕ с тем же базовым компонентом – *through the years*.

Фразеологически обыгрываться в тексте могут и ФЕ причины, например, ФЕ *in one's cup / cups* – «спяну, будучи нетрезвым». Так, взаимодействуя с конкретным контекстуальным окружением, данный оборот актуализирует семантику оборота-прототипа, становясь средством создания юмористического эффекта:

At the table just beneath the dais, running parallel with it, they saw Sir Richard Springall, red-faced and deep *in his cups* (P. Harding, *The Nightingale Gallery*). В данном примере в сочетании с лексемой *table* (стол) оборот *in one's*

cups словно бы «освежает» свою внутреннюю форму таким образом, что его компонент, лексема *cups* (стаканы, рюмки), начинает функционировать одновременно и в прямом, и в переносном значении. Таким образом, происходит обыгрывание значения компонента данной ФЕ.

Качественная адвербиальная ФЕ со значением образа действия *без задних ног* со значением «не в состоянии двигаться от усталости, переутомления, опьянения и т. п.» может традиционно употребляться с глаголами «спать», «заснуть» и их синонимами следующим образом:

Он считал, что произошло это от смертельной усталости мужиков, воротившихся с фронта и свалившихся без задних ног подле своих баб (В. Распутин, *Дочь Ивана, мать Ивана* (2003) // «Наш современник», 15.11.2003).

Однако в контексте узуальное значение данного оборота может быть авторски обыграно в соответствии с прямым значением компонента ФЕ – лексемы «нога»:

И польщенный околodочный следовал за ним в сарай, а в сарае уж все требуемое было готово, и выпускался околodочный из сарая не иначе, как без задних ног – вверх ногами (А. Ремизов, *Крестовые сестры* (1910)). В данном примере автор, чтобы подчеркнуть степень алкогольного опьянения, при которой перепивший спит так крепко, что его телу можно придать противоестественную позу, располагает рядом с ФЕ *без задних ног* свободное сочетание слов с тем же опорным компонентом *вверх ногами*. Юмористический эффект, который, как отмечают исследователи, очень часто достигается при использовании фразеологического каламбура, очевиден.

К сожалению, приходится констатировать факт крайне редкого употребления фразеологического каламбура с адвербиальными фразеологическими единицами в обоих сопоставляемых языках. В то же время приведенные примеры убедительно свидетельствуют о том, что при использовании фразеологической игры слов буквальное значение компонентов ФЕ не только не исчезает, но достаточно часто является ключевым для его интерпретации. И в русском, и в английском языке фразеологический каламбур строится на авторском обыгрывании буквального и переносного значения ФЕ, а также разных значений лексем-компонентов ФЕ.

Также необходимо подчеркнуть, что фразеологическая игра слов является основой создания такого вида контекстуального использования фразеологических единиц, как

расширенная метафора, поскольку последняя требует как одновременного восприятия двух значений – прямого и переносного, так и образа, лежащего в основе метафорического переосмысления.

Список литературы

1. Алдаибани Ареф Али Салах. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих интеллектуальные способности человека в английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 199 с.
2. Арсентьева, Е. Ф. Русско-английский фразеологический словарь. Казань, 1999. 318 с.
3. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 329 с.
4. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология и фразеогрфия в сопоставительном аспекте. Казань, 2006. 172 с.
5. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология современного английского языка : курс лекций. Набереж. Челны, 2004. 44 с.
6. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. СПб., 1998. 704 с.
7. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М., 2009. 784 с.
8. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд.. М., 1984. 944 с.
9. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996. 381 с.
10. Начисчионе, А. С. О разграничении вклинивания и разрыва как самостоятельных приемов при окказиональном использовании фразеологических единиц в речи // Контекстуальная семантика : сб. науч. тр. Рига, 1982. С. 86–91.
11. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М., 1978. 84 с.
12. Русско-англо-немецко-турецко-татарский фразеологический словарь / под ред. Е. Ф. Арсентьевой. Казань, 2008. 720 с.

References

1. Aldaibani Aref Ali Salah (2003) *Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic*,

vyrazhajushhih intellektual'nye sposobnosti cheloveka v anglijskom i russkom jazykah [=Comparative analysis of phraseological units expressing the intellectual abilities in English and Russian], Kazan', 199 s. (in Russ.).

2. Arsent'eva, E. F. (1999) *Russko-anglijskij frazeologicheskij slovar'* [=Russian-English phrasebook], Kazan', 318 p. (in Russ.).

3. Arsent'eva, E. F. (1993) *Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic, semanticheski orientirovannyh na cheloveka, v russkom i anglijskom jazykah i voprosy sozdanija russko-anglijskogo frazeologicheskogo slovarja* [=Comparative analysis of phraseological units, semantically oriented person, in Russian and English, and issues of creating Russian-English phrasebook], Moscow, 329 s. (in Russ.).

4. Arsent'eva, E. F. (2006) *Frazeologija i frazeografija v sopostavitel'nom aspekte* [=Phraseology and frazeografii in comparative aspect], Kazan', 172 s. (in Russ.).

5. Arsent'eva, E. F. (2004) *Frazeologija sovremennogo anglijskogo jazyka* [=Phraseology of modern English], Nab. Chelny, 44 s. (in Russ.).

6. Biri, A. K. (1998) *Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-jetimologicheskij spravochnik* [=Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference], A. K. Biri, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova, St. Petersburg, 704 s. (in Russ.).

7. *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka* (2009) [=Big phrasebook Russian language], отв. red. V. N. Telija, Moscow, 784 s. (in Russ.).

8. Kunin, A. V. (1984) *Anglo-russkij frazeologicheskij slovar'* [=English-Russian phrasebook], Moscow, 944 s. (in Russ.).

9. Kunin, A. V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka* [=Course phraseology of modern English], Moscow, 381 s. (in Russ.).

10. Nachischione, A. S. (1982) "O razgranichenii vklinivanija i razryva kak samostojatel'nyh priemov pri okkazional'nom ispol'zovanii frazeologicheskikh edinic v rechi" [=On Delimitation of wedging and tear as independent devices with occasional use of phraseological units in speech], in: *Kontekstual'naja semantika* [=Context semantics], Riga, S. 86–91 (in Russ.).

11. Ozhegov, S. I. (1978) *Slovar' russkogo jazyka* [=Russian dictionary], Moscow, 84 s. (in Russ.).

12. *Russko-anglo-nemecko-turecko-tatarskij frazeologicheskij slovar'* (2008) [=Russian-English-German-Turkish-Tatar phrasebook], pod red. E. F. Arsent'evoj. Kazan', 720 s. (in Russ.).

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА

Рассматриваются новые тенденции в изучении журналистского текста. Анализируются подходы к изучению жанров журналистского текста, определяются особенности журналистского текста в Интернете. Представлена попытка типологизации жанров современного журналистского интернет-текста.

Ключевые слова: медиатекст, журналистский текст, интернет-текст, дигитализация информационного пространства, жанр.

Интерес к понятию жанра вызван тем, что оно в полной мере соответствует современным междисциплинарным исследованиям в филологической науке. Это обуславливает его активное использование при исследовании самых разных сфер и видов коммуникации, в том числе интернет-коммуникации.

В журналистике существуют свои исторически сложившиеся способы отражения действительности. А. А. Тертычный под журналистскими жанрами подразумевает устойчивые типы публикаций, объединенных содержательно-формальными признаками, называемыми жанрообразующими факторами. К ним относятся предмет отображения, целевая установка (функция) отображения и метод отображения [5].

Как считает М. Н. Ким, проблема жанрового определения этим не исчерпывается, потому что «в жанре скрещиваются и находят выражение важнейшие закономерности журналистского творчества: взаимодействие жанра и метода, соотношение содержания и формы, понятийного и образного в жанре, пространства и времени в жанре, авторского замысла и жанрового воплощения, целевой установки жанра и ожиданий читателей и мн. др.» [1. С. 7].

Сегодня современные жанры журналистики представляют целостную и развитую систему. Особенностью данной системы является то, что, с одной стороны, она отличается определенной стабильностью, а с другой – подвижностью.

По мнению М. Н. Кима, современная система жанров журналистики – это динамично развивающаяся структура, внутри которой существуют свои внутренние и внешние связи. «Внутренняя связь между различными жанрами журналистики обусловлена единым типом творчества – публицистическим, а внешняя – тем, что каждый жанр журналистики, в отли-

чие, например от жанра литературного, всегда порождается потребностями отражения современной жизни с целью воздействия на общественное мнение. Это то, что и по сей день остается в качестве системообразующих характеристик журналистских жанров» [1. С. 9].

Научная теория жанров журналистики складывается из различных типологических подходов, в каждом из которых предлагается свое видение классификации жанров. В традиционной классификации жанров выделяют информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры. Позже стали появляться новые подходы к жанровой классификации, авторы которых не выделили единого основания деления и вычленения жанров журналистики. В результате один и тот же жанр в зависимости от положенного в типологию основания мог быть отнесен к различным жанровым группам.

Е. И. Пронин использовал при построении своей типологии принцип перекрестной классификации. Все жанры журналистики он разделил по двум основаниям:

- по предмету отображения: реалии, позиции, идеалы, абсурды, шедевры, мнения, контакты, решения, эффекты;
- по уровню осмысления: оповещение, ориентирование, коррекция, символизация [4. С. 51].

Л. Е. Кройчик в построении своей классификации жанров исходил из тезиса, что публицистический текст непременно включает в себя три важнейших компонента: 1) сообщение о новости или возникшей проблеме; 2) фрагментарное или обстоятельное осмысление ситуации; 3) приемы эмоционального воздействия на аудиторию (на логико-понятийном или понятийно-образном уровне). Поэтому все тексты, появляющиеся в прессе, он разбил на пять групп:

- оперативно-новостные – заметка во всех ее разновидностях;
- оперативно-исследовательские – интервью, репортажи, отчеты;
- исследовательско-новостные – корреспонденция, комментарий (колонка), рецензия;
- исследовательские – статья, письмо, обозрение;
- исследовательско-образные (художественно-публицистические) – очерк, эссе, фельетон, памфлет [2. С. 138–139].

В основе классификации М. Н. Кима лежит функциональное деление жанров на информационные, аналитические и художественно-публицистические, а в качестве сопоставительных параметров используются следующие категории: предмет отображения, целевая функция и методы работы с информацией [1. С. 18].

Сегодня особую актуальность приобретает вопрос осмысления развития журналистских текстов в процессе дигитализации (перевода информации в цифровую форму) и интернетизации информационного пространства. Появились исследования по цифровой журналистике, например, Б. Франклина [6] и К. Кавамото [7].

С возникновением глобального интернет-пространства возросла скорость работы журналистов, изменились сроки и частота сдачи материалов. Важно, что такой канал массовой информации, как интернет, влияет не только на форму, скорость передачи информации, но и на ее содержание и жанровую форму.

Специфика интернет-текста, помимо канала распространения, заключается также в практически безграничных возможностях расширения информации с помощью гиперссылок. Гипертекстуальность электронного текста предполагает интерактивное взаимодействие между адресантом и адресатом коммуникации. При этом адресат сам решает, по скольким ссылкам он пройдет. Чем интереснее будет представлен дополнительный материал в ссылках и чем актуальнее он будет для пользователя, тем длительнее будет его контакт с текстом и тем больше информации он получит.

Следует также отметить тяготение интернет-текстов к мультимедийности (ссылки на видео- и аудиоматериалы) или хотя бы к визуализации (использование в самом тексте фотографий, «картинок», анимированных сцен и т. п.). Наличие в электронном тексте ключевых слов помогает пользователю оптимизировать поиск нужной информации. Четкая структурированность, разбивка на блоки, графические

выделения способствуют более быстрому и адекватному восприятию содержания текста, размещенного в Интернете.

В докладе «Новая информационно-коммуникационная среда. Состояние, проблемы, вызовы. Попытка осмысления» сделан акцент на трех основных типах современного медиаконтента [3]:

1. Оригинальный профессиональный контент. Данный тип контента создается СМИ и другими профессиональными производителями контента (продакшн-студии и т. п.). К такому контенту относятся информационные сообщения СМИ, профессиональные фото-, аудио- и теле(кино-) материалы, готовые статьи, программы, передачи, фильмы, информационные и развлекательные интернет-ресурсы.

2. Любительский контент, производимый потребителями или User Generated Content. К данному типу контента относятся записи в блогах (различного масштаба и ориентации) интернет-пользователей, записи в форумах, комментарии к сообщениям СМИ на сайтах СМИ, записи на персональных страницах в социальных сетях, созданные потребителем фото-, видео- и аудиоконтент, интернет-ресурсы, созданные частными пользователями.

3. Третьим типом контента является продукт, создаваемый искусственным интеллектом, то есть роботами. Наиболее популярным типом такого контента являются новостные агрегаторы и поисковые системы, которые фактически структурируют новостные потоки автоматически, то есть выполняют фундаментальную функцию СМИ в установлении приоритетности новостей. Также сюда относятся автоматизированные системы создания корпоративных новостей и переписки.

Кроме того, по мнению экспертов, существуют периодические пересечения между первым, вторым и третьим видами контента. Когда пользователи социальных сетей или блогеры ссылаются на информацию традиционных СМИ или когда СМИ используют в качестве источников информацию от самих пользователей, происходят подобные взаимодействия.

Рассмотрим типологию дигитальных жанров журналистского текста.

Информационная заметка является классическим жанром в любом виде СМИ, в котором используется принцип «перевернутой пирамиды». Чаще всего заметка на новостном сайте сопровождается тематической фотоиллюстрацией и реже – видео или инфографикой.

Главным отличием новостной заметки, размещенной в интернет-СМИ и, например, в газете, если не учитывать временной фактор (в первом случае важная новость размещается сразу после поступления в редакцию, во втором, если речь идет о ежедневных газетах – только в утреннем выпуске), возможности просмотра новости «вглубь» (свойство гипертекста), комментирования со стороны читателя (интерактивность) и получения быстрого отклика.

Репортаж благодаря мультимедийным технологиям стал вновь актуальным. Репортажи в классическом понимании (текст + фотоиллюстрации) хотя и публикуются в онлайн-СМИ, в последнее время журналисты часто экспериментируют, используя различные элементы для построения материала. Так, в интернет-СМИ основной текст кроме фото может сопровождаться и вложенными отрывками видео с места событий, аудио с комментарием ньюсмейкера или участника события и динамичной инфографикой. Но самым главным отличием данного жанра, которое может быть реализовано только на платформе Интернет, является возможность ведения онлайн-репортажа посредством социальных сетей. По-другому это называют твиттер-репортажем, в котором корреспондент посредством написания коротких текстовых сообщений (до 140 символов) в корпоративной учетной записи СМИ в социальной сети Твиттер ведет его с места событий в режиме реального времени. В этом случае социальная сеть интегрируется в интерфейс страницы СМИ в виде небольшого блока с помощью специального приложения либо обеспечивается функция экспорта сообщений из аккаунта в социальной сети на страницу в СМИ.

Авторский блог также является одним из немногих жанров, который возник благодаря развитию интернет-технологий. Появился он на стыке классической колонки и блог-постинга. К основным отличиям журналистского авторского блога можно отнести использование «живого» языка, отсутствие жесткой периодичности и открытость автора к обсуждению. Запись может быть незаконченным информационным сообщением или даже опубликована в виде одной реплики, вопроса или картинка.

Статичная иллюстрация является одной из наиболее часто используемых «инфомолекул» в мультимедийном материале. Ее функции остались такими же, какими были и в традиционных СМИ: раскрытие истории, выстраивание визуального ряда.

Фотоленды, фоторепортажи, фотогалереи являются визуальными производными истории с помощью фотографии. Они могут быть построены по классическим правилам, как в традиционных СМИ, где каждая фотография последовательно «раскрывает» событие, или в виде смешанного набора фотографий, связанных какой-либо одной тематикой. Навигация может быть построена в виде последовательной смены иллюстраций или предложена в виде превью, где пользователь выбирает фотографию для просмотра произвольным образом. Также как и остальные «инфомолекулы», фотографии могут быть самостоятельным материалом со стандартными подписями (Что? Где? Когда?) или размещаться в «теле» мультимедийного материала. Во втором случае они могут быть представлены в единственном числе или представлены с функцией листания непосредственно в «теле» статьи.

Слайд-шоу похоже на фотоленду. Главным образом отличается тем, что фотоподборка здесь «перелистывается» сама.

Карикатура в классическом понимании остается также распространенным видом иллюстрирования материала, как и в традиционных видах СМИ. Но, как и остальные элементы мультимедиа, обретает дополнительные свойства, такие как анимированность. В нее можно вложить действие, движение и звук.

Подкаст (Pod – производное от iPod и Cast – от Broadcast – радио- или телевидение) – цифровая запись, радио- или телепрограмма, которую можно скачать из интернета.

Аудиоиллюстрация к материалу призвана передать часть сообщения, которая может нести в себе смысловую или эмоциональную нагрузку, в случаях, когда тон и экспрессия сказанного ньюсмейкером имеет не меньшее значение, чем сами слова.

Аудиоверсия текста, как следует из названия, воспроизводит текст статьи. Как правило, текст читается диктором и потому не может быть альтернативой радиопотоку, так как отсутствуют «живые голоса», «синхроны» и так далее. Стоит отметить, что некогда популярный мультимедийный элемент сейчас используется уже реже.

Аудиосюжет можно назвать производным от классического радиосюжета, так как помимо голоса диктора содержит «живые» голоса, интершумы и пр.

Видеоиллюстрация выполняет аналогичные классической фотоиллюстрации функции

и редко имеет законченный сюжет. Фрагмент видео традиционно имеет отношение к определенной части текста или мультимедийного материала.

Видеосюжет в свою очередь уже является законченным сообщением с завязкой, кульминацией и развязкой и может быть самостоятельным материалом или размещен в «составе» мультимедийного материала.

Потоковое видео с места событий является, в сущности, привычным прямым эфиром с места событий. Только, в отличие от телевидения, интернет-СМИ может предложить сразу несколько потоков одновременно с места события.

Видеоколонка, видеоочерк, видеокomentarий – все перечисленные жанры пришли в сеть из телевидения. Чаще других в составе мультимедийного материала встречается видеокomentarий, в котором эксперт или ньюсмейкер высказываются на тему материала.

Аудиослайдшоу является одним из самых простых способов синтеза звука и картинки. Основой ему служит история, которая может быть начитана автором или диктором, музыка или интершум. Визуальный ряд может состоять из фотографий, инфографики, карикатур, карт и так далее.

Интерактивная видеоколонка и интерактивный видеосюжет являются развитием интернет-версии видеоколонки, описанной выше. Мультимедийной «леплой» интернет является наличие многочисленных ссылок, которые появляются по ходу просмотра видео, и отсылающих (в виде баннера или гиперссылки) пользователя к дополнительной информации по теме – это может быть видеосюжет, инфографика, справка, фотоленга и пр. Данную концепцию эксперты считают незаконченной и предупреждают ей дальнейшее развитие со временем появления новых технологических возможностей [8].

Интерактивный видеомост является продолжением телевизионного жанра с добавлением, помимо режима видеоконференции, возможности участия в нем и другими доступными средствами, например, написанием комментариев.

Мультимедийное ток-шоу, как и телевизионное ток-шоу, ведут на определенную тематику один или несколько ведущих, имеются герои. Мультимедийными отличиями данного жанра являются интерактивность и технология мультискрена, что невозможно на ТВ. Он также подразумевает три части или этапа – доэфирный, прямой эфир, послеэфирный. На

первом этапе заявляется тема для «разогрева» аудитории и предоставления возможности задать вопрос. На этапе прямого эфира транслируется непосредственно само ток-шоу. На заключительном этапе материал конвертируется в наиболее подходящий формат (мультискрипт, мультимедийная статья и пр.) и публикуется на сайте.

Мультискрипт (англ. Interactive Video – интерактивное видео) можно сравнить с «Картой сайта», которая имеется у большинства онлайн-ресурсов, главным предназначением которого является упрощение навигации в рамках одного большого видеоматериала. Как правило, он состоит из трех блоков – проигрывателя, стенограммы и содержания. С помощью блоков стенограммы и содержания пользователь может быстро и с высокой точностью найти интересующий его фрагмент видео. После выбора и начала проигрывания фрагмента в плеере в других блоках отражаются соответствующие фрагменты заголовка тематического блока и стенограммы.

Инфографика объединяет слова и иллюстрации с целью представления идей и информации в тех случаях, когда это невозможно сделать с помощью только текста или иллюстрации в отдельности. Идеальная инфографика помогает читателю понять и («представить») информацию. Она дает проникнуть в суть темы. Так объясняет суть графической журналистики (как еще ее называют в Европе), которая на сегодня является одним из наиболее перспективных мультимедийных форматов подачи информации.

Список литературы

1. Ким, М. Н. Жанры современной журналистики : учеб. пособие. СПб., 2004. 336 с.
2. Кройчик, Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста : учеб. пособие / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2000. С. 125–168.
3. Новая информационно-коммуникационная среда. Состояние, проблемы, вызовы. Попытка осмысления : доклад экспертов медийно-коммуникационной сферы при поддержке Министерства связи и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <http://img.ru/pril/article/48/38/20/Doklad-svyaz.pdf>.
4. Социальная практика и журналистский текст : сб. ст. / под ред. Я. Н. Засурского, Е. Н. Пронина. М., 1990. 267 с.

5. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие. М., 2000. 162 с.

6. Franklin, Bob. Digital Journalism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21670811.2012.740264#>. UvhjORYhzzI.

7. Kawamoto, Kevin. Digital Journalism: Emerging Media and the Changing Horizons of Journalism. [Электронный ресурс]. URL: http://books.google.ca/books/about/Digital_Journalism.html?id=dG9vHwHyDFUC.

8. Online Journalism: Research methods. A multidisciplinary approach in comparative perspective / Marcos Palacios, Javier Diaz Noci (eds.). Bilbao, 2009. P. 36.

References

1. Kim, M. N. (2004) *Zhanry sovremennoj zhurnalistiki* [=Genres of modern journalism], St. Petersburg, 336 p. (in Russ).

2. Krojchik, L. E. (2000) "Sistema zhurnalist-skih zhanrov" [=System of journalistic genres], in: *Osnovy tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista* [=Bases of creative activity of the journalist], St. Petersburg, pp. 125–168. (in Russ).

3. *Novaja informacionno-kommunikacionna-ja sreda. Sostojanie, problemy, vyzovy. Popytka*

osmyslenija [=New information and communication environment. State, problems, calls. Attempt of judgment], available at: <http://img.rg.ru/pril/article/48/38/20/Doklad-svyaz.pdf>, accessed 02.11.2014 (in Russ.).

4. *Social'naja praktika i zhurnalistiskij tekst* (1990) [=Social practice and journalistic text], Moscow, 267 p. (in Russ).

5. Tertychnyj, A. A. (2000) *Zhanry periodicheskoj pechati* [=Periodicals genres], Moscow, 162 p. (in Russ).

6. Franklin, Bob. *Digital Journalism* [=Digital Journalism], available at: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21670811.2012.740264#>. UvhjORYhzzI, accessed 02.11.2004.

7. Kawamoto, Kevin. *Digital Journalism: Emerging Media and the Changing Horizons of Journalism* [=Digital Journalism: Emerging Media and the Changing Horizons of Journalism], available at: http://books.google.ca/books/about/Digital_Journalism.html?id=dG9vHwHyDFUC, accessed 02.11.2014.

8. *Online Journalism: Research methods. A multidisciplinary approach in comparative perspective* [=Research methods. A multidisciplinary approach in comparative perspective], Bilbao, 2009. p. 36.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ PR-ТЕРМИНОЛОГИИ

PR-терминология активно развивается в российском лингвистическом пространстве, сохраняя тенденции, характерные для любой становящейся терминологии, что в полной мере отражается в онлайн-словарях PR. Разработка лингвистической базы словаря PR позволит создать качественный продукт нового уровня, серьезную основу для комплексного и многоаспектного научного исследования.

Ключевые слова: терминология, электронный словарь, онлайн-словарь, PR, связи с общественностью.

Настоящее время, характеризующееся интенсивным развитием информационной среды, значительным увеличением роли справочной литературы, особенно электронных словарей, предлагает новые возможности осуществления исследований предметной области «Связи с общественностью».

Сегодня потребность в создании электронных PR-словарей велика, так как электронная форма позволяет оптимизировать поиск материала в издании, снабдить словарные статьи мультимедиа сопровождением, пользоваться дополнительными источниками с помощью системы гиперссылок, а также осуществлять первичную обработку данных.

«Можно сказать, что создание электронных словарей – это перспективное направление современной лексикографии и терминографии. Основными его преимуществами являются сокращение времени поиска, возможность включения неограниченного объема информации, расширенный поиск, позволяющий искать слово не только по словарной статье, но и по всему словарю одновременно. Многое из этого невозможно при работе с бумажным словарем» [6].

Подчеркнем, что основными отличиями электронной версии словаря от традиционной являются возможность работать фрагментарным или линейным способом; возможность включения дополнительной, экстралингвистической, информации и сопутствующих справочных материалов; визуализация разных типов информации (мультимедиа возможности, способы организации материала); гиперссылки; постоянное обновление информации; возможность активного пользования словарем (заметки, комментарии как составителей, так и пользователей) и др.

Возможность пополнения электронных изданий новыми данными в режиме реального времени является принципиальным отличием электронных словарей от печатных и одним из главных их преимуществ. В связи с этим важной задачей представляется разработка качественных электронных лингвистических баз данных словарей. «Особенно актуально создание лингвистических баз данных в связи с тем, что в современной лингвистике существует острая потребность в расширении фактологического фундамента научных исследований, привлечении большого круга разнообразных материалов» [4].

Между тем в настоящее время (впрочем, как и раньше, с момента появления новой предметной области в России) развитие терминологии PR на российской лингвистической почве сопровождается всевозможными испытаниями и пробами качественного, семантического, количественного и иного характера.

Предметная область «Связи с общественностью» развивается неравномерно, подвержена серьезным эволюционным изменениям, и было бы прекрасной возможностью изучать ее в динамике, с точки зрения сугубо лингвистической, и с включениями сведений экстралингвистического характера (например, с привлечением культурологических, социологических и др. исследований), имеющих непосредственное отношение к бытованию PR-терминоединиц.

Лексика предметной области «Связи с общественностью» остается подвижной, границы ее – аморфными, количество лексем, предъявляемых online-словарями (печатные в свободном доступе отсутствуют, а электронные версии словарей, как уже отмечалось, привлекают все больше пользователей в силу своего удобства

и быстроты поиска), значительно отличается, иногда – в разы, семантическая составляющая существующих словарных статей оставляет желать лучшего [3].

Причин этому несколько. Во-первых, до сих пор нет качественных лингвистических исследований ядерной составляющей терминологии PR и ареала употребления профессиональной компоненты. Во-вторых, отсутствуют серьезные базы данных лексики предметной области «Связи с общественностью». В-третьих, терминология PR находится в постоянном контакте с общеупотребительной лексикой вследствие активного развития PR-структур в регионах и отражения в СМИ и, как следствие, имеет размытое, расшатанное значение термина, а иногда и его детерминацию.

Рассмотрим подробнее существующие онлайн-словари public relations, а также их принципиально важные структурно-содержательные особенности.

1. В основе словарей нередко лежит заимствованная из английского языка PR-терминология, что вполне понятно и закономерно, и почти все словари приводят оригинал термина на языке-источнике, например: *оферта* – от лат. *offerto* – предлагаю, *резюме* – франц. *resume* [1; 2; 3]. Но при этом многие словари левую, определительную, часть статьи приводят только на языке-источнике: *sales promotion, direct marketing, consumer promotion* [3; 13], или используют для названия транслитерацию: *свич селинг, скимминг, гратис, стопнер* [3; 4; 6], не удосуживаясь попытаться лингвистически грамотно пояснить терминоединицу на принимающем языке. В некоторых словарях встречаются варианты номинации внутри одной словарной статьи: *бренд (brand, бренд); брэндинг (branding, брендинг)* [6]; *горячая линия (hot-line)* [8]; *биллборд – билл борд – билборд* [6; 7; 9]; *брэндинг – брендинг* [3; 6; 9].

2. Все словари имеют обширную группу лексики смежных областей знаний, например, *плакат, респондент, широкоформатная печать, тампонная печать, дикция, варваризмы, гаплоглогия* и др., без каких-либо попыток разграничения терминологического ядра и периферии, области применения и проч.

3. В статьях сохраняется аббревиация как на русском, так и на английском языках, к примеру, *AIDA, A. I. D. A., BTL (below the line); ItDM – IT decisions maker(s), OTL – on the line, point of purchase (P.O.P.), КСО – корпоративная социальная ответственность* [3; 6; 8] и

др. нередко без буквальной расшифровки данных. Примечательно, что все словари включают иноязычные термины в систему русского алфавита (то есть расположение английских терминов чередуется с русскими), что затрудняет поиск и путает пользователя, а некоторые даже приводят двойную литерацию как основу поиска, например, слова на литеры *V/S* [11].

4. PR-терминология имеет небольшое по количеству лексем семантическое ядро, что подтверждается скромными объемами большинства PR-словарей (в среднем от 30 до 300 словарных статей). Стоит отметить, что в подавляющем количестве online-словарей число словарных статей колеблется в пределах сотни. Словарь, содержащий 300 лексем, назван автором *энциклопедическим*.

5. Авторы некоторых словарей крайне бессистемно, разово предпринимают попытки определить статус лексем, видимо, понимая, что к термину она имеет очень отдаленное отношение, например, *джинса – профессиональный сленг* [6], но, подчеркнем, эти попытки пока не имеют под собой серьезной лингвистической почвы.

6. Подвижность лексического состава словарей разных лет указывает на несформированность PR-терминологии в российском лингвистическом пространстве. Так, современные электронные PR-словари (появившиеся в сети за два последних года) не содержат следующую PR-лексику десятилетней давности, например, *brandmower, browser, public affairs, анонимный товар, басорама, вымпел*, и др. [4], зато включают большой пласт новой, например: *аккредитация* [3; 7; 8; 10], *бизнес-игра, благотворительность*, [9], *горячая линия* [3; 7; 8; 10], *гудвилл, джоббер*, [6], *супервайзер* [9], *спичрайтер, табльдот, Эффект Джиффена* [6], *тампонная печать* [7], *трансферт* [8; 10], *тренинг, шоу-мероприятия* [9], *эффективность рекламы* [6; 7] и др.

7. Происходит расширение практической области «Связи с общественностью» за счет «дальних» семантических заимствований, например, из музыки или лингвистики: *бекар* – прием в НЛП, когда в рекламных или PR-материалах заявляется отказ от действия [10], ср. с муз. *бекар* – отмена ранее назначенного знака; *варваризмы* – иностранные слова и выражения, которые используются обычно только при описании реалий зарубежной жизни; *гаплогграфия* – ошибочное исключение, пропуск во время письма одно из двух стоящих рядом

одинаковых слогов в слове; *диалогия* – фигура речи, употребление одного слова в двух различных смыслах в одном высказывании [10].

8. В отдельных словарных статьях наблюдается попытка семантического сдвига и, как результат, псевдотерминологизация некоторых общеупотребительных единиц, например, *базар* – выставка-продажа пожертвованных вещей с благотворительными целями. *Традиционный благотворительный Б сопровождал в России общественные праздники, особенно Новый год и Рождество* [14].

Стоит упомянуть отдельно несовершенство всех без исключения online-словарей лексики PR. Оставляет желать лучшего оформление словарных статей: нередко встречаются недочеты различного характера, вплоть до орфографических и пунктуационных; словарные статьи на разных языках публикуются в единой системе русского алфавита, не всегда имеются перевод и указание языка-источника заимствования; выходные данные словаря, его авторство подчас отыскать крайне затруднительно [2; 3].

Как показывает анализ, существующие онлайн-словари требуют тщательной перепроверки, доработки с содержательной, структурной, количественной сторон. Неоднородность лексического состава, отсутствие единообразия, хронологических и статистических сопоставлений, недочеты и небрежности оформления вызваны, на наш взгляд, отсутствием серьезных лингвистических исследований вследствие небольшого объема терминов области PR и практической задачей применения: авторы-составители (практики, преподаватели тренингов) создают электронные PR-словари для своих узких утилитарных целей. Подвижность в семантике, оформлении словарных статей и варьировании количества употребляемых лексем подтверждает активное развитие PR-терминологии в российском лингвистическом пространстве с сохранением общих тенденций, характерных для любой становящейся терминологии.

Думается, что дальнейшее развитие терминологии PR невозможно без постоянного накопления фактического материала и его серьезной лингвистической обработки. Ведь осмысление, систематизация, интерпретирование лексики предметной области «Связи с общественностью» являются достоверными только в том случае, если они основываются на серьезных исследованиях. Вовлечение в научный оборот нового материала крайне важно, так как он помогает обосновать теоретические

положения, подтвердить (или опровергнуть) результаты исследований, следовательно, способствовать решению задач на серьезном научном уровне.

«Компьютерные языковые словари могут ... способствовать постановке новых научных задач, ряда проблем, решение которых до настоящего момента не представлялось возможным (или не могло быть проведено достаточно успешно), так как было связано и с необходимостью привлечения более обширной по сравнению с имеющейся фактологической базой, и с потребностью в применении новых средств обработки лингвистических данных. Эти средства позволяют повысить достоверность и надежность выводов, получаемых при решении как традиционных, так и новых задач» [3].

Таким образом, использование электронных технологий и серьезной лингвистической базы при создании словарей предметной области PR представляется перспективным, востребованным и актуальным. Создание серьезной лингвистической базы online-словаря PR позволит обновлять, пополнять и исправлять словарь в режиме реального времени; сделать его не конечным продуктом исследования, а основой для различного рода комплексного и многоаспектного исследования, инструмента научного изучения, например, сопоставительного анализа [1; 3] и, следовательно, сделать словарь интересным не только узкому кругу специалистов, но и широкому кругу читателей.

Список литературы

1. Зайковская, И. А. Особенности реализации текстовых категорий в печатном и электронном словаре // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. 2011. № 130. С. 150–155.
2. Климова, О. В. Отражение терминологии PR в российском лингвистическом пространстве // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. IV Междунар. науч. конф. Челябинск, 2009. С. 133–135.
3. Климова, О. В. PR-терминология в современных электронных словарях // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. V Междунар. науч. конф. Челябинск, 2011. С. 197–199.
4. Компьютерная лингвография / К. Р. Галиуллин, Д. Р. Валиахметова, Н. А. Обносова и др. Казань, 1995. 119 с.
5. Пархоменко, А. Словарь рекламных и PR-терминов [Электронный ресурс] / 2B2 Бизнес-

портал. URL: <http://www.geminibiz.com/forum/index>.

6. Шляхова, А. В. Электронный словарь и его специфика // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2011. № 4. С. 181–186.

7. PR-словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://pr.web-3.ru/mainpr/glossary>.

8. PR-словарь [Электронный ресурс]. URL: http://www.vortex-media.ru/services/pr_dictionary.

9. PR-словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akron-media.ru/pr-slovar>.

10. PR-словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipr.by/ru/dict/aa>.

11. PR-словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.madiss.ru/pr/prslovar>.

12. PR-словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://akron-media.ru/articles/pr-slovar>.

13. PR-словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://rada.ru/slovar.html>.

14. PR-словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipr.by/ru/dict/dictcq>.

15. PR-словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://pr.slovaronline.com>.

References

1. Zaykovskaya, I. A. (2011) “Osobennosti realizatsii tekstovykh kategoriy v pechat-nom i elektronnom slovare” [=Features of the implementation of text categories in printed or electronic dictionary], in: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarsvennogo pedagogicheskogo universiteta* [=Izvestiya of the Russian state pedagogical University], № 130, pp. 150–155 (in Russ.).

2. Klimova, O. V. (2009) “Otrazhenie terminologii PR v rossiyskom lingvisticheskom prostranstve” [=Reflection terminology PR in the Russian linguistic space], in: *Yazyki professional'noy kommunikatsii* [=Languages of professional communication], Chelyabinsk, pp. 133–135 (in Russ.).

3. Klimova, O. V. (2011) “PR-terminologiya v sovremennykh elektronnykh slovaryakh” [=PR terminology in modern electronic dictionaries], in: *Yazyki professional'noy kommunikatsii* [=Languages of professional communication], Chelyabinsk, pp. 197–199 (in Russ.).

4. *Komp'yuternaya lingvografiya* [=Computer linkography] (1995), ed. by K. R. Galiullin, D. R. Valiakhmetova, N. A. Obnosova and all, Kazan', 119 p. (in Russ.).

5. Parkhomenko, A. “Slovar' reklamnykh i PR-terminov” [=Dictionary of advertising terms] (2006), in *2B2 Biznes-portal*, available at URL: <http://www.geminibiz.com/forum/index.php.html> (in Russ.).

6. Shlyakhova, A. V. (2011) “Elektronnyy slovar' i ego spetsifika” [=Electronic dictionary and its specificity], in: *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of the Tyumen state university], № 4. pp. 181–186 (in Russ.).

7. PR-slovar' [=PR dictionary], available at: <http://pr.web-3.ru/mainpr/glossary/> (in Russ.).

8. PR-slovar' [=PR dictionary], available at: http://www.vortex-media.ru/services/pr_dictionary/ (in Russ.).

9. PR-slovar' [=PR dictionary], available at: <http://www.akron-media.ru/pr-slovar> (in Russ.).

10. PR-slovar' [=PR dictionary], available at: <http://www.ipr.by/ru/dict/aa.html> (in Russ.).

11. PR-slovar' [=PR dictionary], available at: <http://www.madiss.ru/pr/prslovar.html> (in Russ.).

12. PR-slovar' [=PR dictionary], available at: <http://akron-media.ru/articles/pr-slovar> (in Russ.).

13. PR-slovar' [=PR dictionary], available at: <http://rada.ru/slovar.html> (in Russ.).

14. PR-slovar' [=PR dictionary], available at: <http://www.ipr.by/ru/dict/dictcq.html> (in Russ.).

15. PR-slovar' [=PR dictionary], available at: <http://pr.slovaronline.com> (in Russ.).

Д. Э. Коноплев

РАСПАД ДИФFUЗНЫХ ИНДУКТОРОВ МАРКИРОВАННОСТИ КАК БАЗОВЫЙ ПРОЦЕСС ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Рассматриваются механизм распада диффузных индукторов, в результате которого за пределы журналистского дискурса выводятся исчерпавшие свой потенциал термины и словоформы.

Ключевые слова: контекстная маркированность, экономическое мышление, концепт экономического мышления, ситуативные индукторы, циклические индукторы, диффузные индукторы, индуктор маркированности, журналистский дискурс.

Контекстную маркированность в качестве элемента текста, формирующего концепты экономического мышления, мы предлагаем рассматривать на уровне так называемых индукторов (от лат. *inductio* – выведение) – обобщенных понятий, слов либо их словоформ, являющихся элементами маркированности. Применительно к журналистскому тексту понятие индукторов стоит увязывать с биологическим пониманием этого термина, где им обозначается молекула, стимулирующая экспрессию генов, находящихся в неактивном состоянии. Схожим образом индукторы маркированности задают определенный концепт экономического мышления, инспирируя определенный ракурс восприятия текста. Индукторы маркированности выступают в данном случае маркирующими элементами, оказывающими непосредственное влияние на конечный журналистский текст.

Исходной позицией для распада индукторов маркированности является постоянное устаревание циклических индукторов, которые под влиянием внешних факторов начинают использоваться в журналистском тексте с меньшей частотой. В процессе трансформации они преобразуются в диффузные индукторы, и могут в дальнейшем либо ретрансформироваться дальше, вернувшись в исходное положение как ситуативные индукторы, либо полностью исчезнуть из дискурса, если контекст, в рамках которого они применялись, перестает реализовываться в журналистском тексте.

В данном случае под диффузными индукторами мы будем понимать такие элементы маркированности, в которых ключевой функцией является расширение канала внутритекстовой среды, то есть рассредоточение циклических индукторов через их последовательную унификацию. При этом процесс подобной транс-

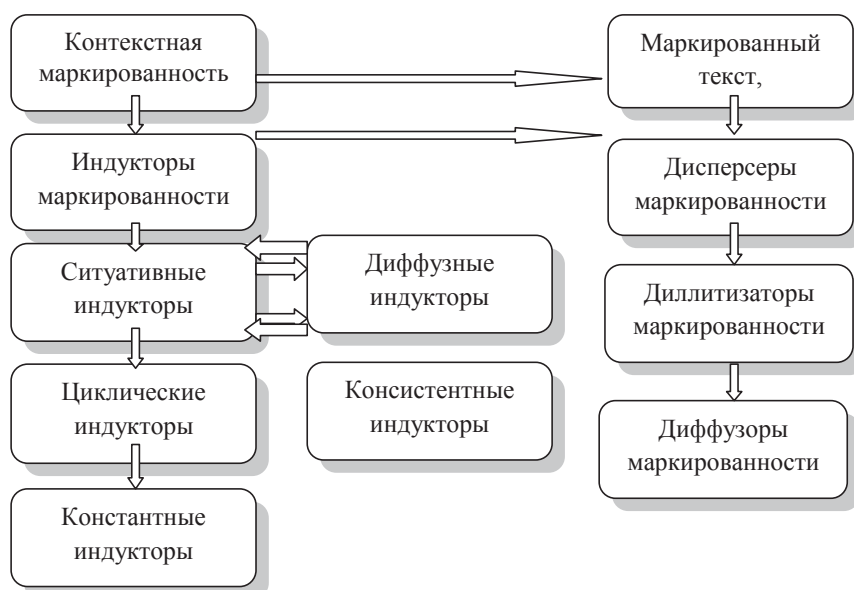

Рис. 1. Схема реализации контекстной маркированности и взаимодействия индукторов

формации в рамках журналистского текста аналогичен физическому процессу, описываемому формулой Дарси – Вейсбаха, согласно которой в процессе дальнейшего перехода от диффузных индукторов к ситуативным наблюдается так называемая «потеря напора».

В общем виде схема реализации контекстной маркированности и взаимодействия индукторов показана на рис. 1.

В настоящей статье мы останавливаемся только на взаимодействии ситуативных, циклических и диффузных индукторов. Рассмотрим их более подробно.

Ситуативные индукторы используются только при определенных обстоятельствах и детерминируются жесткой логической привязкой к событию. Так, например, упоминание словосочетания «черный вторник» имеет привязку к понятию «кризис» или «экономический/банковский кризис». Вне кризисной тематики это словосочетание не употребляется.

Циклические индукторы связаны с определенными периодами употребления тех или иных слов, завязанных на экономические или политические циклы, и не употребляются вне этих циклов. Например, употребление словосочетания «санация банков» напрямую связано с циклами банковских кризисов, и впервые оно стало широко употребляться в СМИ после 23 ноября 1998 г., когда Евгений Примаков подписал распоряжение о создании Агентства по реструктуризации кредитных организаций. Дальнейшие упоминания данного индуктора связаны с банковским кризисом 2004 г., а затем с финансовым кризисом 2008 г.

Диффузные индукторы связаны с расширением сферы употребления определенных понятий, в результате которого циклическая привязка денонсируется. Примечательно, что при определенных обстоятельствах такого рода индукторы способны трансформироваться в ситуативные индукторы, если ключевой термин выходит из широкого употребления и фиксируется на строго ограниченном количестве вариантов использования.

В схематичном виде этот процесс представлен на рис. 2.

После трансформации циклических индукторов в диффузные у последних есть три варианта функционирования: существование на протяжении определенного периода в неизменном виде, переход в ситуативные индукторы и исключение из журналистского дискурса. Рассмотрим каждый из представленных вариантов подробнее.

Стабильные диффузные индукторы обозначают широко распространившиеся явления экономической реальности, употребляющиеся в разных контекстах. Примером такого рода индуктора может служить понятие «предприниматель», в значительной мере заменившее понятие «бизнесмен» (было в ходу во второй половине 1990-х – первой половине 2000-х гг. и относилось к числу циклических индукторов). Сам термин «предприниматель» в его нынешнем понимании укрепился в журналистском дискурсе после 2004 г., с появлением изданий, рассказывающих о разного рода инициативах частных лиц по созданию несырьевого бизнеса в России (например, русская версия журнала Forbes). До этого использовалось понятие «бизнесмен», которое фигурировало исключительно в рамках коротких экономических циклов, когда российская экономика демонстрировала позитивные тенденции. Фактически индуктор «бизнесмен» употреблялся как отдельный термин, не тождественный таким понятиям, как «банкир», «олигарх», «магнат», «совладелец» и так далее. Кроме того, в понятии «бизнесмен» также присутствовала некая унификация, по сравнению с его первоначальными вариантами логического употребления, такими как «делец» и «коммерсант». Последние можно рассматривать как ситуативные индукторы и обозначать в качестве периода их распространения первую половину 1990-х гг. В тот период под коммерсантами в СМИ подразумевались активные частные лица, которые, воспользовавшись существовавшими возможностями переходного периода, находили возможности для заработка.

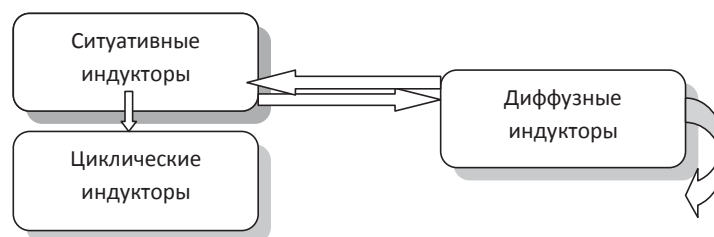

Рис. 2. Схема трансформации диффузных индукторов маркированности

Если проследить всю цепочку трансформации, то получится, что за постсоветский период ситуативный индуктор «коммерсант» (1991) трансформировался в циклический индуктор «бизнесмен» (1996), а затем и в диффузный индуктор «предприниматель» (2004). При этом общее семантическое ядро индуктора оставалось неизменным – во всех случаях речь шла о лице, осуществляющем коммерческую деятельность. Менялись коннотации обозначаемого денотата. Таким образом, трансформации индукторов фактически фиксировали смещения акцентов в картине экономического мышления. Во всяком случае, это происходило в рамках указанной терминологической цепочки.

Переход диффузных индукторов в ситуативные индукторы. Процесс, который можно представить как лексическую дисперсию индукторов, при которой ранее широко использовавшееся понятие становится применимым только в строго ограниченном числе ситуаций, главным образом из-за отмирания связанных компонентов, ранее придававших явлению массовый характер. Вместе с тем отмирание компонентов не обязательно может приводить к трансформации индуктора. В некоторых случаях подобный процесс всего лишь вносит незначительные коррективы в сферу употребления соответствующих понятий. Так, например, из семантического ядра уже упоминавшегося диффузного индуктора «предприниматель» в конце 2000-х гг. были исключены такие компоненты как «ЧП-шник» и «ИП-шник», ранее широко употреблявшиеся и обозначающие представителей малого бизнеса, а затем, в связи с финансовым кризисом 2008–2009 гг., практически полностью исчезнувшие из повестки дня СМИ, пишущих на экономические темы.

Исключение диффузных индукторов из журналистского дискурса. Фактически означает устаревание или выход из повседневной экономической картины определенного явления, следствием которого является исчезновение соответствующего понятия из перечня диффузных индукторов. Характерным примером такого рода процесса является исключение из журналистского дискурса в конце 1990-х гг. понятия «гиперинфляция», приобретшего в 1992 г. характер диффузного индуктора благодаря частоте своего употребления.

В связи с исключением из семантического ядра диффузных индукторов определенных компонентов имеет смысл говорить о суще-

ствовании процесса, который мы предлагаем обозначить как «динамический напор индукторов». Динамический напор индукторов – это величина, указывающая индекс преобразования диффузных индукторов в ситуативные индукторы с учетом потерь напора. При этом именно исключаемые компоненты, теряющие актуальность для экономической картины, и составляют эти потери. Чем выше доля потерь в составе индуктора и чем меньше семантическое ядро, тем выше вероятность перехода диффузного индуктора в ситуативный индуктор и тем уже будет сфера применения конечного ситуативного индуктора, если такая трансформация состоялась.

Примером трансформации из ситуативного индуктора через циклический и диффузный обратно к ситуативному с потерей исключаемого компонента может служить индуктор «дольщики», возникший в своем нынешнем виде в первой половине 2000-х гг. До принятия в 2005 г. ФЗ-214 «Об участии в долевом строительстве», термин «дольщики» фактически использовался как ситуативный индуктор, описывая в значительной степени экзотическую форму участия в приобретении недвижимости. К 2005 г. индуктор «дольщики» становится циклическим – многочисленные СМИ рассказывают о преимуществах долевого строительства, отмечая, в частности, что дольщики имеют возможность расплатиться за жилье в рассрочку вплоть до окончания строительства, тем самым не только обеспечивая себя будущим жильем, но и страхуясь от возможного роста цен. В середине 2000-х гг. индуктор «дольщики» начинает трансформироваться в диффузный – долевое строительство становится все более популярной схемой, что, с одной стороны, привлекает все больше желающих вложиться в недвижимость на этапе строительства, с другой – становится причиной мошеннических схем и появления в составе индуктора атрибуции «обманутые дольщики». С течением времени риски долевого строительства и недобросовестность застройщиков снижают популярность данного механизма приобретения недвижимости, и его место в дискурсе СМИ занимает такое явление, как ипотека. Людвиг фон Мизес в «Интерпретации социально-экономической эволюции» говорит о подобных изменениях как о постоянном процессе, поэтому на каком-то этапе при определенных условиях и индукторы вполне могут поменяться местами. В 2012–2013-х гг. атрибуция «обманутые дольщики» фактиче-

ски исключается из семантического ядра (во многом благодаря властям разных регионов, поставивших задачу по решению проблем участников долевого строительства) и индуктор «дольщики» снова возвращается в число ситуативных индукторов. Примечательно, что с этого момента практически не встречается употребление термина «дольщики» в одном контексте со словосочетанием «доступное жилье», в то время как обозначенное словосочетание привязывается общим контекстом к термину «ипотека».

Важно отметить, что детерминированность индукторов экономическими циклами может проявляться как на макро-, так и на микроуровне, и не обязательно эти уровни одинаково фиксируют процессы в картине экономического мышления. Упомянутый пример с термином «дольщики» в большей степени относится именно к микроуровню, поскольку сфера употребления данного индуктора и процесс его трансформации укладываются в ограниченный набор экономических сценариев и не затрагивают широких слоев населения. Тем не менее, распад диффузных индукторов маркированности как базовый процесс в рамках концептов экономического мышления осуществляется по общим правилам для всех типов описываемых журналистами экономических ситуаций. В результате происходит постоянная перегруппировка индукторов, а исчерпавшие свой потенциал термины и словоформы исключаются из дискурса средств массовой информации.

Список литературы

1. Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход // Избранные труды по экономической теории. М., 2003.
2. Веселов, Ю. Экономическая социология: история идей. СПб., 1995.
3. Градосельская, Г. Сетевые измерения в социологии. М., 2004.
4. Мизес, Л. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск, 2009.
5. Нейман, Д. Теория игр и экономическое поведение / Д. Нейман, О. Моргенштерн. М., 1970.
6. Олсон, М. Логика коллективного действия. М., 1995.

7. Плотинский, Ю. Модели социальных процессов. 2-е изд. М., 2001.

8. Плюта, В. Сравнительный многомерный анализ в экономических исследованиях. М., 1980.

9. Радаев, В. Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М., 2002.

10. Heyne, P. Economic Way of Thinking. Prentice Hall, 2009.

References

1. Becker, G. (2003) "Chelovecheskoe povedenie: jekonomicheskij podhod" [=Human behavior: an economic approach], in: *Izbrannye trudy po jekonomicheskoy teorii* [=Selected Papers on Economic Theory], Moscow (in Russ.).

2. Veselov, Y. (1995) *Jekonomicheskaja sociologija: istorija idej* [=Economic Sociology: History of Ideas], St. Petersburg (in Russ.).

3. Gradoselskaya, G. (2004) *Setevye izmerenija v sociologii* [=Network measurement in sociology], Moscow (in Russ.).

4. Mises, L. (2009) *Teorija i istorija: Interpretacija social'no-jekonomicheskoy jevoljucii* [=Theory and History: Interpretation of the socio-economic evolution], Chelyabinsk (in Russ.).

5. Neumann, D. and Morgenstern, O. (1970) *Teorija igr i jekonomicheskoe povedenie* [=Theory of Games and Economic Behavior], Moscow (in Russ.).

6. Olson, M. (1995) *Logika kolektivnogo dejstvija* [=The logic of collective action], Moscow (in Russ.).

7. Plotinsky, Y. (2001) *Modeli social'nyh processov* [=Models of social processes], 2nd edition, Moscow (in Russ.).

8. Pluta, V. (1980) *Sravnitel'nyj mnogomernyj analiz v jekonomicheskix issledovanijah* [=Comparative multivariate analysis in economic studies], Moscow (in Russ.).

9. Radaev, V. (2002) *Jekonomicheskaja sociologija: Novye podhody k institucional'nomu i setevomu analizu* [=Economic Sociology: New approaches to institutional and network analysis], Moscow (in Russ.).

10. Heyne, P. (2009) *Economic Way of Thinking*, Prentice Hall.

РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ СКАЗКАХ

Рассматривается традиционная структура концепта *деньги* в китайском и русском языках. Основное внимание в работе уделяется сопоставлению репрезентантов концепта *деньги* в китайских и русских сказках. Предпринята попытка выяснения репрезентации традиционного слоя в русском и китайском языках, на основе анализа русских и китайских сказок.

Ключевые слова: *концепт, репрезентант, концепт «деньги».*

Культура народа – категория историческая. Базовые понятия культуры народа и его традиции передаются из поколения в поколение и не изменяются с течением времени. Базовые понятия культуры были сформированы в очень давнее время, поэтому они могут быть выявлены именно в произведениях древности. Наше исследование сосредоточено на описании особенностей динамики концепта *деньги*, поэтому данная статья посвящена сопоставительному анализу структуры древнего концепта *деньги* в русском и китайском языках.

Исследователь Ц. Ц. Огдонова проанализировала проблему типологии концептов в современной лингвистике [1]. Мы нашли место концепту *деньги* в предложенной названным исследователем типологии. По значимости в общей структуре концептуальной системы народов концепт *деньги* является фундаментальным (базовым) концептом. По выраженности в языке его можно отнести к номинированным (вербализованным) концептам.

По способу языковой репрезентации концепт *деньги* (далее – КД) – это лексический концепт. Когнитивный принцип позволяет отнести КД к концептам-понятиям. Как обслуживаю-

щий коммуникативные потребности социума, КД является коллективным концептом. По степени абстрактности КД – конкретный концепт. Анализ структурного аспекта КД показывает, что он является сложным (поскольку имеет несколько слоев – многоуровневую структуру). В дискурсивной практике КД закреплен как обыденный. По культурной маркированности мы отнесли его к социокультурным.

Таким образом, анализ свойств КД в современной типологии концептов показывает его большую значимость для концептуальной системы народа. Поэтому исследование свойств КД актуально.

Чтобы сопоставить фрагмент древней китайской культуры с культурой русского народа, мы выявили и сравнили репрезентанты КД в китайских и русских сказках.

Мы собрали 8 китайских традиционных типичных сказок из 26 народных сборников сказок [2], изданных с 2001 г. до 2014 г. Выбраны сказки не случайно. Для исследования мы взяли повторяющиеся сказки из данных сборников, так как посчитали их наиболее значимыми для китайской народной культуры. Названия сказок следующие:

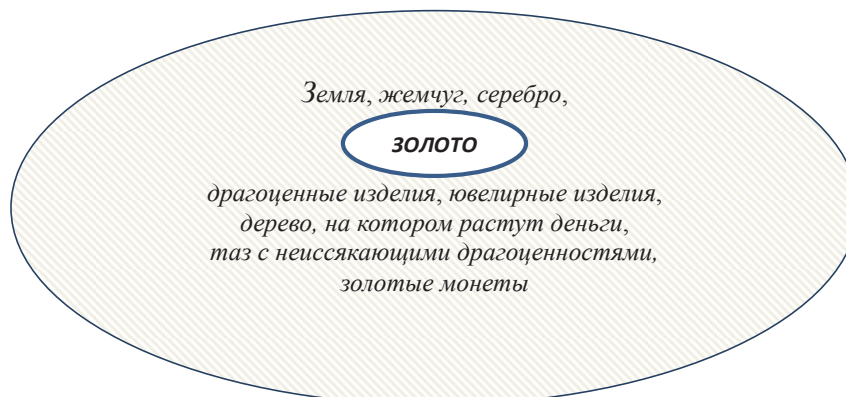

Рис. 1. Репрезентанты концепта *деньги* в китайской традиционной картине мира

- 神笔马良 «Волосая кисть Ма Ляна»;
- 渔童 «Мальчик на рыбной ловле»;
- 卖树荫 «Продажа тени дерева»;
- 千金买邻 «Хороший сосед стоит миллион»;
- 聚宝盆 «Таз с неиссякающими драгоценностями»;
- 金斧子, 银斧子 «Золотой топор, серебряный топор»;
- 宝船 «Волшебный корабль»;
- 九色鹿 «Олень десяти цветов».

Из сказок выделены репрезентанты, которые отражают традиционный слой КД всего обнаружено 9 репрезентантов: золото, земля, жемчуг, серебро, драгоценные изделия, ювелирные изделия, дерево, на котором растут *деньги*, золотые монеты и таз с неиссякающими драгоценностями. Полевая структура КД в сказках отражена на рис. 1.

Как показало исследование сказок, некоторые традиционные репрезентанты имеют национально-культурную окраску. Сама структура концепта *деньги* в китайской традиционной концептосфере имеет лишь две области: ядро и периферию. К ядру относится только 1 репрезентант.

Из русских народных сказок выявляются традиционные репрезентанты русской картины мира. Чтобы результаты исследования КД в русских типичных народных сказках были сопоставимы с результатами по китайским сказкам, мы провели отбор.

В Интернете мы нашли 2 экспериментальные анкеты 2012 г., 133 респондента были опрошены (33 респондента ответили на первую анкету [3], 100 респондентов – на вторую). Вопрос был один: «Самая известная русская народная сказка». По результатам двух анкет были выделены 5 сказок: «Царевна-лягушка», «Мальчик с пальчик», «Курочка ряба», «Морозко» и «Волшебное кольцо».

Кроме этого, мы просмотрели два сайта сказок в сети Интернет с отметкой количества

просмотров данных сказок. После чего расположили русские народные сказки в порядке уменьшения количества просмотров.

Сопоставление результатов анкет с популярностью сказок в сети позволило выделить самые популярные сказки: «Морозко», «Курочка Ряба», «Царевна-лягушка» и «Волшебное кольцо». Например, сказка «Морозко» на первом месте с количеством просмотров 144051 на одном сайте и на 7 месте с количеством просмотров 5907 – на другом сайте.

В итоге мы пришли к выводу, что сказки «Волшебное кольцо», «Царевна-лягушка», «Мальчик с пальчик» и «Курочка Ряба» являются самыми типичными русскими сказками. Выявив репрезентанты КД в этих сказках, мы построили аналогичную схему репрезентантов КД в русской традиционной концептосфере. К ядру отнесены репрезентанты: золото, серебро, *деньги*. К периферии – «самоцветные камни», «золотое яичко», «золоченая коляска», «сапожищи с золотыми пряжками» (рис. 2).

Сопоставление двух схем, отражающих разные культуры, позволяет сделать следующий вывод. Репрезентанты КД в китайских и русских сказках имеют сходство и различие. Репрезентанты КД в обеих древних картинах мира были немногочисленны. Репрезентант «золото» входит в ядро двух схем, и этот результат не случаен. Причина может быть определена как внутренняя и внешняя. Внутреннюю причину обосновывает тот факт, что золото – это редкий металл, характеризующийся стабильными химическими свойствами. Внешней причиной является тот факт, что золото является товаром, имеющим самую высокую цену за маленький объем. Золото было самыми популярными деньгами в древнем мире и является таковыми до сих пор.

Репрезентанты КД в ядре русских сказок богаче, чем в китайских сказках. Кроме репрезентанта «золото», имеется еще два репрезентан-

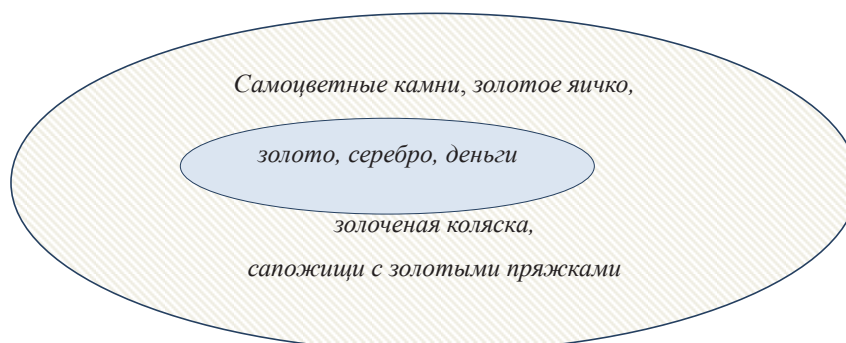

Рис. 2. Репрезентанты концепта *деньги* в русской традиционной картине мира

та: «серебро» и «деньги», которые относятся к ядру. Репрезентант «серебро» играет не менее важную роль в русской культуре. А в китайских сказках репрезентант «серебро» относится к периферии. В ядре русского древнего концепта есть еще один репрезентант – «деньги», который отсутствовал в ядре китайского КД.

Репрезентанты КД в периферии двух схем очень различны, но имеют общую сему: они связаны с драгоценными материалами. Например, «драгоценные изделия», в китайской сказке «Золотой топор, серебряный топор», а в русской сказке «Царевна-лягушка» была «золоченая коляска».

Кроме драгоценных вещей, волшебные предметы были репрезентантами КД в двух культурах. Например, «дерево, на котором растут деньги» в китайской сказке «Волосая кисть Ма Ляна», «сапожищи с золотыми пряжками» в русской сказке «Мальчик с пальчик».

Репрезентант «земля» в китайской культуре занимал особенное место, потому что земля была частным богатством при общинном строе.

Можно сказать, что репрезентанты концепта *деньги* как зеркало отражают древнюю китайскую и русскую культуры. Состав обнаруженных концептов и их роль в концептосферах

древних китайского и русского народов могут быть осмыслены в разных аспектах.

Список литературы

1. Огдонова, Ц. Ц. Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2011. Филология. Вып. 11. С. 67.
2. URL: http://www.amazon.cn/图书/b/ref=sa_menu_top_books_11/479-2454364-4524007?_encoding=UTF8&node=658390051.
3. URL: <http://otvet.mail.ru/question/63235035>.

References

1. Ogdonova, Ts. Ts. (2011) "Problema tipologii kontseptov v sovremennoy lingvistike" [=The problem typology of concepts in modern linguistics], in: *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of Buryat state University, Philology], Volume 11, pp. 67–79 (in Russ.).
2. Available at: http://www.amazon.cn/tushu/b/ref=sa_menu_top_books_11/479-2454364-4524007?_encoding=UTF8&node=658390051. 23.12.2014 (in Chinese).
3. Available at: <http://otvet.mail.ru/question/63235035>. 23.12.2014 (in Russ.).

М. И. Логачева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ: ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ В ЯЗЫКЕ И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Описывается формирование представления о системном характере языка. Понятия *система языка* и *структура языка* в ряде лингвистических трудов трактуются слишком широко. Делается попытка выработать точные определения системы и структуры и установить характер отношения между ними.

Ключевые слова: *фразеологическая лакуна, фразеологическое поле, фразеологизмы, система, структура, связи, отношения, элементы, аддитивность, эмерджентность, градуальность, синтагматика, парадигматика, конъюнкция, дизъюнкция элементов, линейно упорядоченная совокупность.*

В наше время ни у кого из лингвистов не возникает сомнений в том, что язык в целом и его отдельные поля носят системный характер. Утверждение о системности языка давно стало «общим местом» в лингвистической литературе. С напоминания о ней начинается множество научных трудов. Но если в одних трудах принцип системности языка действительно ложится в основу рассуждений, то в некоторых других трудах его провозглашение слабо согласуется с дальнейшими теоретическими выкладками.

Например, в работе Зимина Л. И. признаётся «существование... лексико-фразеологической системы языка» [9. С. 7], а на с. 10 фразеологическая лакуна определяется как «отсутствие межъязыкового фразеологического соответствия в одном языке относительно другого». Но ведь лакуна – это не просто отсутствие (несуществование) единицы в языке; это незаполненная ячейка в совершенно определенном поле языка. Она имеет форму, определяемую ее соседством со смежными (заполненными) ячейками, то есть структурой поля.

Если исходить из вышеприведенного определения лакуны, то получится, что во фразеологическом фонде языка имеется колоссальное количество лакун (пустых ячеек) какой угодно формы, непонятно как образованных самим фактом существования тех или иных фразеологизмов во множестве других языков и непонятно как вписывающихся во фразеологические поля данного языка – ведь эти поля обладают своими собственными структурами. Так трактовать фразеологические лакуны можно лишь в том случае, если считать, что у фразеологических полей нет структур. Но если их нет,

то придется признать бессистемность фразеологии; это противоречит процитированному выше утверждению о существовании лексико-фразеологической системы.

Кроме того, в ряде трудов наблюдается недостаточно точное понимание и недостаточно четкое разграничение понятий *система* и *структура*.

Система языка иногда определяется как «упорядоченная совокупность смысловых... и смыслоразличительных единиц... и правил их соединения» [5. С. 105] или «закономерно организованная совокупность... языковых элементов» [12. С. 542], а структура – как «строевание, расположение, упорядоченность, совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность» [12. С. 563]. Но «упорядоченная/организованная совокупность» – это слишком широкое, а потому недостаточное определение системы. Соответственно, не всякая упорядоченность есть структура. Для дефиниции структуры нужно учитывать характер и степень этой упорядоченности.

В других работах понятия *система* и *структура* фактически отождествляются. Например: «Система – порядок, обусловленный... закономерным расположением частей в определенной связи» [14. С. 753]. Но ведь это как раз то, что принято называть структурой. Получается, что система и структура – одно и то же. Аналогичным образом, в другом словаре система определяется как «структура, представляющая собою единство закономерно расположенных и функционирующих частей» [8. С. 891]. В этом определении система прямо названа структурой.

Неоднозначность в понимании системы и структуры языка, а также наблюдающаяся в ряде трудов непоследовательность и несостыковки в их толкованиях побуждают к выработке их точных дефиниций, выяснению их существенных свойств и соотношения друг с другом. Для этого необходимо обратиться к истории вопроса.

Всякий поиск закономерностей в строении и функционировании объекта анализа представляет собой выявление его системно-структурных свойств. С самого зарождения языкознания как науки ученые стали выявлять регулярность в строении языка, тем самым делая первые шаги в описании языковой системы, хотя в те времена еще не было ни терминов *система* и *структура*, ни представления о языке как высокоупорядоченной целостности. Это представление постепенно созревало в умах многих поколений лингвистов, и, наконец, В. фон Гумбольдт сформулировал его прямо и эксплицитно.

В работе «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» он обозначил главную цель исследования языка – обнаружение регулярных зависимостей, существующих между его единицами. По Гумбольдту, специфика языка как целого устанавливается путем анализа его внутренних связей и отношений. Великий немецкий ученый указал: «В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого» [6. С. 308]. Во взаимосвязи смыслов, составляющих содержательную сторону языка, проявляется гений языка и дух народа-языкотворца.

В. фон Гумбольдт сравнил язык «с широкою тканью, в которой каждая нить более или менее заметно переплетена со всеми другими. Пользуясь языком в каком бы то ни было отношении, человек всегда касается только одной части этой великой ткани, но всегда поступает при этом так, как будто бы в ту же минуту он имел перед глазами все, с чем часть эта состоит в неизбежной связи и во внутренней гармонии» [6. С. 310].

Гумбольдт уподоблял язык не только ткани, но и живому организму. Эта метафора использовалась им практически в том же смысле, в каком позднее стал применяться термин *система*, еще не вошедший в лингвистический обиход на рубеже XVIII–XIX вв. Гумбольдт предвосхитил появление системно-структурного подхода к языку.

В несколько ином, но сходном смысле слово *организм* в отношении естественного языка употреблялось основателем натуралистического направления в языкознании А. Шлейхером в работе «Теория Дарвина и наука о языке». Он писал: «Все языки, которые мы прослеживаем на протяжении длительного времени, дают основание для заключения, что они находятся в постоянном и непрерывном изменении. Языки, эти образованные из звуковой материи природные организмы, притом самые высшие из всех, проявляют свои свойства природного организма не только в том, что все они классифицируются на роды, виды, подвиды и так далее, но и в том, что их рост происходит по определенным законам» [17. С. 100].

А. Шлейхера упрекали в биологизаторском и натуралистическом подходе к языку – ведь он утверждал, что язык представляет собой природное, а не социокультурно-историческое явление. За это он подвергся критике со стороны ряда лингвистов. Так, И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Причислять язык к организмам, а языковедение к естественным наукам – пустая фраза» [4. С. 349]. Аналогичное мнение высказал по этому поводу Ф. де Соссюр: «Шлейхер насильствовал действительность, рассматривая язык как нечто органическое» [13. С. 250].

Но, оценивая взгляды А. Шлейхера с современных позиций, мы убеждаемся, что эта критика была не во всем справедливой. Судя по всему, в определение *природный* применительно к языку он вкладывал примерно тот же смысл, который в наше время вкладывается в название *естественный язык*.

В словаре С. И. Ожегова слова *природный* и *естественный* определяются одинаково – как «относящийся к природе» [14. С. 114], в том числе к природе (сущности) человека. *Природный (естественный)* в широком смысле значит не созданный искусственно, а возникший спонтанно (стихийно) в процессе развития. Так, по нынешним представлениям, возникли естественные языки.

Присмотримся к вышеприведенной цитате из работы А. Шлейхера: по всей вероятности, говоря о языке как природном (естественном) явлении, он имел в виду не то, что язык состоит из биологической субстанции (он писал о «**звуковой** материи» языка), а лишь то, что языки, подобно живым существам, поддаются классификации и развиваются по определенным законам.

В XX в., когда биологические параллели в языкознании сменились техническими, название *организм языка* сменилось названием *механизм языка*, но ведь, разумеется, никто при этом не имел в виду, что язык представляет собой механизм в буквальном смысле, то есть некую металлическую машину, состоящую из рычагов и шестерней. Проводя как биологические, так и технические аналогии, лингвисты отвлекались от субстанции и говорили о форме.

Правда, говорили они несколько по-разному. Если Гумбольдт применял название *организм языка* метафорически, то Шлейхер воспользовался приемом расширения значения слова *организм* – приемом, довольно широко применяемым в научных трудах. Подобно тому, как физики расширили значение слова *волна* и стали называть этим словом колебание не только водной, но и всякой иной среды (*волна воздушная, сейсмическая, электромагнитная* и так далее), Шлейхер употреблял слово *организм* в широком смысле, имея в виду не только белковое тело как высокоорганизованную целостность, но всякий объект, который характеризуется тесной взаимосвязью всех частей целого – взаимосвязью, создающей качественную определенность этого целого и доминирующей над свойствами отдельных частей. Судя по высказываниям Шлейхера, именно этот смысл он вкладывал в название *организм языка*.

И. А. Бодуэн де Куртенэ, много сделавший на пути описания языка как высокоорганизованного целого, слову *организм* предпочитал название *обобщающая конструкция языка*. Отсюда было уже недалеко до названий *механизм языка* и позднее *система языка*.

Слово *система* (< греч. *συστήμα* «нечто составное» <индоевр. **sta-* «стоять») применялось еще Платоном, Аристотелем и Евклидом, но в античности оно имело нестрогое значение «общее, множество, союз». Лишь в XIX в. физик С. Карно применил этот термин в значении, близком к современному.

В лингвистический обиход термин *система* вошел после первой публикации «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Там прямо сказано, что «язык есть система знаков» [13. С. 26]. Тем не менее, характеризуя связи и отношения в языке и устанавливая их регулярный, закономерный характер, Ф. де Соссюр еще не пользовался термином *структура*, который впоследствии стал неразрывно связан с термином *система*.

Термин *структура* (< лат. *structura* «строе-ние» < *struere* «строить») был популяризирован в языковедческих кругах членами Пражского лингвистического кружка, находившимися под влиянием общей неопозитивистской тенденции первой половины XX в. – усиления внимания к внутренней организации исследуемых объектов в синхроническом аспекте. Но и пражцы пока еще понимали под структурой совокупность взаимосвязанных элементов.

Первыми, кто абстрагировался от элементов и сосредоточил внимание на связях и отношениях между ними, были представители Копенгагенской школы структурализма. Структурой языка они стали именовать его «чистую схему» в отвлечении от субстанции плана содержания и плана выражения, существующей в виде элементов [7. С. 114]. Датские лингвисты заложили современное понимание системы и структуры.

По нынешним представлениям, существующим в рамках теории систем (см.: [2. С. 35; 3. С. 21; 11. С. 114] и др.), система – не просто упорядоченное множество элементов, а их **максимально** упорядоченное множество, которое в результате качественного скачка превратилось в новую целостность.

Каждый элемент системы прямо или косвенно связан с каждым другим элементом. Между элементами системы существуют зависимости (связи и отношения), совокупность которых называется структурой. Структура представляет собой строение системы и только системы. О тех совокупностях элементов, которые по степени жесткости межэлементных зависимостей «не дотягивают» до статуса системы, следует говорить, что они обладают упорядоченностью, строением, внутренней организацией, но не структурой.

В системе структура доминирует над элементами. «Большое заблуждение рассматривать слово просто как соединение какого-то звучания с каким-то понятием, – писал де Соссюр. – Определять слово подобным образом – значит изолировать его от системы, часть которой оно составляет; это означало бы, что, отправляясь от отдельных слов, можно построить систему как их сумму, тогда как на самом деле, наоборот, следует исходить из сложного единства, чтобы путем анализа дойти до составляющих его элементов» [13. С. 153]. Этот тезис лежит в основе наиболее общепринятого в настоящее время толкования системы и структуры языка.

«Когда человек разъял мир на части, он перестал понимать действие [его] законов» [10. С. 18]). В современных терминах это утверждение древнекитайского философа можно сформулировать так: мир как сложная динамическая система не исчерпывается его элементами; нельзя судить о системе только по ее отдельным элементам и даже по сумме ее элементов.

Сверх суммы элементов система как целостность имеет что-то еще. Это «что-то» называется неаддитивными свойствами системы.

«Под аддитивностью понимается свойство величин, состоящее в том, что значение величины, соответствующее целому объекту, равно сумме значений величин» [15. С. 7].

«В сложных целостных объектах наряду с аддитивными имеются неаддитивные свойства, которые определяют специфику таких объектов, характеризуют их целостность. Неаддитивность выражается формулой “целое больше суммы частей”. Наличие неаддитивных свойств (их также называют эмерджентными) обусловлено структурными связями и зависимостями между частями организованности целого... Целое, обладающее эмерджентными свойствами, не может быть познано и объяснено на основе одних только знаний о его частях» [16. С. 398].

В качестве примера можно привести такое свойство автомобиля, как способность передвигаться по местности. Оно не присуще ни отдельным деталям автомобиля, ни всей совокупности (сумме) отдельных деталей. Это свойство появляется тогда, когда детали собираются на конвейере в единое целое – систему, имеющую структуру и называемую автомобилем.

В системе структура настолько доминирует над элементами и в такой мере обуславливает ее качественную определенность, что термин *структура* – по принципу метонимического переноса – в ряде случаев подменяет собой термин *система*. Например, говорят о силовых, коммерческих, криминальных структурах, хотя в этих случаях имеются в виду не структуры как таковые, а системы, состоящие из элементов и зависимостей между ними.

Из всего сказанного вытекают соотношения:

система = элементы плюс структура
 структура = система минус элементы
 элементы = система минус структура

Как отмечалось выше, структура состоит из межэлементных зависимостей. Они подразделяются на **связи** и **отношения**, хотя различие между этими понятиями проводится не всеми учеными. Многие ученые отождествляют связи и отношения. В подтверждение приведем определения: «Отношение – взаимная связь разных предметов, действий, явлений» [14. С. 132]. «Связь – взаимные отношения между кем-л., чем-л.» [8. С. 789]. Как видим, отношение определяется как связь, а связь – как отношение. Но если это одно и то же, то неясно, для чего нужны два слова вместо одного.

Другие исследователи признают различие между связями и отношениями, но трактуют это различие по-разному.

Нам представляется логичной следующая трактовка данного различия:

– связь – зависимость, основанная на конъюнкции элементов и образующая их линейно упорядоченную совокупность;

– отношение – зависимость, основанная на дизъюнкции элементов и образующая их нелинейно упорядоченную совокупность.

В языке совокупность связей называется синтагматикой, а совокупность отношений – парадигматикой. На наш взгляд, встречающиеся в литературе названия *синтагматические отношения* и *парадигматические связи* терминологически некорректны. Корректны названия *синтагматические связи* и *парадигматические отношения*.

Системность изучаемого объекта далеко не во всех случаях очевидна. Чтобы называться системой, объект должен соответствовать вышеописанным критериям. Если объект отвечает не всем критериям, его следует называть не системой, а упорядоченной совокупностью, набором, комплексом, комплектом, агрегатом и т. п. Все эти виды объектов можно расположить на шкале по степени упорядоченности; одним полюсом шкалы является неупорядоченное множество, а другим – система. Но и системность – категория градуальная. Системы бывают более жесткими и менее жесткими.

Системы классифицируются по ряду оснований:

– по онтологическому статусу (материальные и идеальные),

– по изменчивости состава (открытые и закрытые),

– по изменчивости структуры (статические и динамические),

- по назначению (функциональные и нефункциональные),
- по способу регуляции (управляемые и самоуправляющиеся),
- по сложности (простые и сложные, они же иерархические).

Естественный язык – материально-идеальная открытая динамическая функциональная самоуправляющаяся сложная система.

Таким образом, в статье показано, что представление о системном характере языка, которое в наше время не подвергается сомнению, сформировалось в умах лингвистов далеко не сразу. Не будучи очевидной, системность языка потребовала долговременных коллективных исследовательских усилий по ее обнаружению и доказательству ее существования.

Однако даже в современную эпоху, хотя системность языка не оспаривается прямо, она иногда фактически не учитывается в научных трудах, что приводит к отступлениям от истины при решении тех или иных теоретических проблем.

Понятия *система языка* и *структура языка* в ряде лингвистических трудов трактуются одинаково, а в некоторых других трудах им даются слишком широкие определения, в которых не принята во внимание их специфика по сравнению с такими понятиями, как *упорядоченное множество*, *комплекс*, *строение*, *внутренняя организация* и т. п. Все это побуждает к выработке точных определений системы и структуры и установлению характера отношения между ними. Следует учитывать такие специфические свойства системы, как ее целостность, примат структуры над отдельными элементами и неаддитивность (эмерджентность).

Список литературы

1. Бенвенист, Э. Понятие структуры в лингвистике // Бенвенист, Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 60–66.
2. Бергаланфи, Л. Общая теория систем // Исследования по общей теории систем : сб. науч. тр. М., 1969. 254 с.
3. Богданов, А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. М., 2003. 240 с.
4. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. Т. I. М., 1963. 384 с.
5. Ветров, А. А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1988. 263 с.

6. Гумбольдт, В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт, В. фон О. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 307–323.

7. Ельмслев, Л. Исследования по общей теории систем. М., 2006. 248 с.

8. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. Т. 2. М., 2000. 1210 с.

9. Зими́на, Л. И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 20 с.

10. Маслов, А. А. Загадки, тайны и коды «Дао дэ цзина». Ростов н/Д., 2005. 272 с.

11. О’Коннор Дж. Искусство системного мышления: необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Дж. О’Коннор, И. Макдермотт. М., 2006. 56 с.

12. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1997. 721 с.

13. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2007. 257 с.

14. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2006. 944 с.

15. Физическая антропология : илл. толк. слов. [Электронный ресурс] 2013. URL: http://slovarionline.ru/fizicheskaya_antropologiya_tolkoviy_slovar.

16. Философский энциклопедический словарь / под ред. Е. Ф. Губского и др. М., 2003. 576 с.

17. Шлейхер, А. Теория Дарвина и наука о языке // История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях : хрестоматия / сост. В. А. Звегинцев. Ч. I. М., 1960. С. 98–103.

References

1. Benvenist, Je. (1974) “Ponjatje struktury v lingvistike” [=The concept of structure in linguistics], in: Benvenist, Je. *Obshhhaja lingvistika* [=General linguistics], Moskow, P. 60–66 (in Russ.).
2. Bertalanfi, L. (1969) “Obshhhaja teorija sistem” [=General systems theory], in: *Issledovanija po obshhej teoriji sistem* [=Research on General systems theory], Moskow, 254 p. (in Russ.).
3. Bogdanov, A. A. (2003) *Tektologija: Vseobshhhaja organizacionnaja nauka* [=Tectology: universal organizational science], Moskow, 240 p. (in Russ.).

4. Bodujen de Kurtenje, I. A. (1963) *Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju* [=Selected papers on General linguistics], Volume I, Moscow, 384 p. (in Russ.).
5. Vetrov, A. A. (1988) *Semiotika i ee osnovnye problemy* [=Semiotics and its main problems], Moscow, 263 p. (in Russ.).
6. Gumbol'dt, V. fon. (1984) "O sravnitel'nom izuchenii jazykov primenitel'no k razlichnym jepoham ih razvitija" [=The comparative study of languages in relation to different periods of their development], in: V. fon Gumbol'dt. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [=The chosen works on linguistics], Moscow, P. 307–323 (in Russ.).
7. El'mselev, L. (2006) *Issledovanija po obshhej teorii sistem* [=Research on General systems theory], Moscow, 248 p. (in Russ.).
8. Efremova, T. F. (2000) *Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobra-zovatel'nyj* [=New dictionary of the Russian language. Explanatory word formation], Volume 2, Moscow, 1210 p. (in Russ.).
9. Zimina, L. I. (2007) *Nacional'naja specifika frazeologicheskoj semantiki (na materiale frazeologizmov s naimenovanijami chastej lica v nemeckom i russkom jazykah)* [=National peculiarities of phraseological semantics (on the material of idioms with names of the parts of the face in German and Russian)], Voronezh, 20 p. (in Russ.).
10. Maslov, A. A. (2005) *Zagadki, tajny i kody «Dao dje czina»* [=Riddles, secrets and codes "Tao te Jing"], Rostov-na-Donu, 272 p. (in Russ.).
11. O'Konnor, Dzh., Makdermott, I. (2006) *Iskusstvo sistemnogo myshlenija: Neobhodimye znanija o sistemah i tvorcheskom podhode k resheniju problem* [=The art of systems thinking: The necessary knowledge about the systems and creative approach to solving problems], Moscow, 256 p. (in Russ.).
12. *Russkij jazyk* (1997) [=The Russian language. Encyclopedia], pod red. Ju. N. Karaulova, Moscow, 721 p. (in Russ.).
13. Sosjur, F. de. (2007) *Kurs obshhej lingvistiky* [=Course of General linguistics], Moscow, 257 p. (in Russ.).
14. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* (2006) [=Explanatory dictionary of the Russian language], pod red. S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova, Moscow, 944 p. (in Russ.).
15. *Fizicheskaja antropologija* (2013) [=Physical anthropology], available at: http://slovarionline.ru/Fizicheskaya_antropologiya_tolkovyj_slovar (in Russ.).
16. *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* (2003) [=Encyclopedic dictionary of philosophy], pod red. E. F. Gubskij i dr. Moscow, 576 p. (in Russ.).
17. Shlejher, A. (1960) "Teorija Darvina i nauka o jazyke" [=Darwin's theory and the science of language], in: *Istorija jazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkah i izvlechenijah* [=History of linguistics of XIX and XX centuries in sketches and extraction], sost. V. A. Zvegincev, Part I, Moscow, P. 98–103 (in Russ.).

И ЕЩЕ РАЗ О ЖАНРЕ И ФОРМАТЕ

На материале анализа ряда дискуссий, посвященных проблеме соотношения категорий жанра и формата, анализируются разнообразные подходы к решению этой проблемы. Решение проблемы связывается с противопоставлением внутренней жанровой структуры произведения СМИ с внешними связями его в процессе коммуникации.

Ключевые слова: *категории жанра и формата, тексты СМИ, речевое произведение, локутивная составляющая, коммуникативный процесс.*

Вопрос о соотношении категорий жанра и формата не перестает оставаться дискуссионным. Ряд исследователей (Г. Я. Солганик, Г. В. Лазутина, Т. И. Сурикова) подчеркивают терминологическую нечеткость, «размытость» понятия *формат*, смысловую неоднозначность его [1]. Так, в некоторых случаях понятия *жанр* и *формат* почти отождествляются: «...понятие *формат* как синоним *жанра* употреблено в следующих случаях: *работа перед камерой в самых* разнообразных форматах (от индивидуального интервью до командной пресс-конференции» (Т. И. Сурикова [3]), в других же случаях, как отмечает этот автор, оно может обозначать и стиль, и разновидность СМИ, и канал коммуникации, и технологию общения с аудиторией, не говоря уже о тех смыслах, которые приобретает слово «формат» вне теории массовой коммуникации. Терминологическую нечеткость категории формата многие ученые (О. Р. Лашук, А. А. Новикова, Л. Д. Болотова, С. В. Кравченко) связывают с динамизмом технологий медиаиндустрии, динамикой современного радио- и телерынка, тенденцией к его переформатированию, активностью медиапроизводителей [1]. Развивая мысль о связанности категории формата с динамикой спроса на теле- и радиопродукты, А. Г. Качкаева, И. Н. Кемарская, М. И. Макеенко, Лашук и др. отмечают принадлежность категорий жанра и формата к разным сферам деятельности: категория жанра принадлежит творческому процессу, а категория формата – бизнес-процессу [1]; «формат – понятие рыночное, а жанр – эстетическое» (В. Л. Цвик [1]). Однако это – и весьма существенное – разграничение нимало не объясняет, влияет ли категория формата на речевую составляющую текстов СМИ, и если влияет, то каким образом это возможно в принципе и в чем это влияние может проявляться. Между тем журналисты наличие тако-

го влияния признают, эмпирически достаточно отчетливо представляют себе его суть и даже пытаются, хотя бы в иронической форме, его отразить [6].

Задача настоящей статьи – включение в обсуждение актуального вопроса: каким образом фактор формата, как коммерческого явления, может влиять на локутивную составляющую текстов СМИ.

Наиболее легким путем решения в этой области представляется попытка рассмотреть соотношение жанра и формата в логике «часть – целое». «Можно сказать, – отмечает А. В. Николаева, – что внутрижанровая речевая структура становится форматом, в который без остатка помещаются традиционные жанры» [3], то есть жанр по отношению к формату оказывается более узким понятием. «...Жанр, скорее, будет входить в формат как один из компонентов» (О. Р. Лашук [5]). Однако анализ материалов этой дискуссии [1; 2; 3] позволяет заметить, что не все так просто, и, по-видимому, различия лежат не в сфере логики, а в сфере прагматики. Действительно, при всех разногласиях, участников дискуссии объединяет то, что категорию жанра они связывают с идеей авторства, а категорию формата – с потребностями так или иначе сегментированной аудитории, иначе говоря, с идеей адресата. «Формирование представлений о формате разных СМИ в каждом отдельном случае осуществляется, очевидно, по-разному. Но *главным ориентиром* такого формирования во всех случаях выступает *доминантный интерес того сегмента аудитории, на который рассчитано издание*» (А. А. Тертычный [2], выделено автором – Л. М.). Именно этим обусловлен и высокий уровень динамики категории формата, и зависимость ее от динамики технических возможностей коммуникации, и тенденция к переформатированию современ-

ного радио- и телерынка. Это наблюдение позволило автору этих строк предположить, что «традиционная типология жанров строится на ономаσιологическом подходе, представляя собой “активную” жанровую грамматику, – типология же форматов тем временем формирует “пассивную” жанровую грамматику. Таким образом, можно допустить, что антиномия жанра и формата есть еще один вариант универсальной языковой антиномии говорящего и слушающего, и – шире – общекommunikативной антиномии автора и адресата» [5. С. 536]. Однако активное обсуждение этого вопроса в ходе работы V Международного конгресса исследователей русского языка побудило обратить внимание на то, что понятия жанра и формата, очевидно, нельзя рассматривать как лежащие в одной плоскости.

Г. В. Лазутина обращает внимание на важную особенность противопоставленности жанра формату: жанр – понятие теории творчества, передающее специфику определенного вида того или иного рода творчества и продуктов этого вида, а «формат – понятие коммуникативистики». Формат «обозначает совокупность признаков какого-либо предмета коммуникации, выступающих в качестве критериев при соотнесении его с другими предметами коммуникации в целях выявления его коммерческой значимости» [4]. Всесторонне проанализировав соотношение жанра и формата, Г. В. Лазутина приходит к выводу: «понятие «формат» в настоящий период выступает в качестве *меры соответствия* какого-либо информационного продукта ключевым признакам той совокупности продуктов, с которой он соотносится. Поэтому и возможно использовать это понятие как инструмент, позволяющий оптимизировать структуру массовых информационных потоков, реализуя ту или иную коммуникативную стратегию» [2].

Таким образом, вопрос о соотношении жанра и формата получает новый оборот. Из указанного выше вытекает ряд следствий. Во-первых, формат – категория реляционная, проявляющая себя лишь при сопоставлении двух (и более) продуктов в плане их коммерческой эффективности. Во-вторых, черты того или иного формата не могут быть константными в силу динамизма рыночной конъюнктуры; в-третьих, рамки того или иного формата можно установить лишь эмпирическим путем. В силу изложенного можно вывести четвертое следствие: локутивные ограничения или мар-

керы, наложенные форматом, в определенных СМИ и в определенных социально-экономических условиях могут частично (иногда почти полностью) совпадать с жанровыми (Засурский [2]); «возникает частичное совпадение объемов понятий “жанр” и “формат”» (Лазутина [2]). Но могут и существенно отличаться от них, включая в себя, например, серьезные ограничения диктального (предметно-тематического) характера: «Форматы печатных СМИ обуславливаются предметно-тематической направленностью, целевым назначением, охватом, внешним видом издания, его размерами, объемом, периодичностью выходов, допустимым контентом» (А. В. Николаева [3]). И пятое: жанр и формат должны быть предметом исследования разных научных дисциплин, поскольку различия между ними лежат не только в онтологической, но и в гносеологической плоскости: «Образующие формат факторы “живут” не только на текстовом уровне, но и, видимо, на всех уровнях и этапах медиапроизводства» (Т. И. Фролова [2]).

Это означает, что объективные явления, которые мы называем жанром и форматом, не только не лежат в одной плоскости, но принадлежат разным пространствам, которые, впрочем, частично пересекаются; иначе говоря, пространство бизнес-коммуникации частично пересекается с пространством творческой деятельности. Рамки последнего заданы жанровыми системами языка и других сфер творчества. «Журналистские произведения... могут рассматриваться с точки зрения того места, которое должны занимать в каналах коммуникации на основании своих смысловых или формальных характеристик. Поэтому и возникает частичное совпадение объемов понятий “жанр” и “формат”», – отмечает Лазутина [2]. На наш взгляд, это можно объяснить следующим сравнением. Если жанр уподобить воздушному шару, то та сторона оболочки, которая обращена внутрь шара, будет принадлежать жанру, а та, которая обращена наружу, – формату. Внутренняя и внешняя поверхности, естественно, будут повторять форму друг друга, принадлежа при этом разным пространствам. Не случайно Лазутина поясняет: «Формат определяет место информационных продуктов в процессе коммуникации» [2]. Отсюда следует, что жанр – характеристика внутренней структуры высказывания (и шире – вообще произведения), формат же определяется внешними связями высказывания (произведения) в коммуника-

тивном процессе. Это соотношение можно уподобить традиционному для языкознания противопоставлению значения и значимости, когда значение соотносит знак с объектом и понятием о нем, а значимость – с набором противопоставлений, в которые знак входит в знаковой системе. Значение и значимость, представляя собой разные сущности, не могут оказывать влияния друг на друга. Не случайно в эпоху расцвета структурализма наиболее крайние представители этого направления призывали вовсе отказаться от категории значения, рассчитывая, что категории значимости достаточно для постижения свойств языковой системы. В сущности, о том же говорит экспансия понятия «формат».

Такое понимание объясняет как черты сходства жанра и формата, так и черты их несходства. Сходство обусловлено тем, что обе эти категории приложимы к одному объекту – речевому (вербально-аудио-визуальному) произведению, а несходство – тем, что категория жанра описывает внутреннюю структуру высказывания, а категория формата описывает положение того же произведения в системе коммуникативных отношений, включая как техническую, так и коммерческую и юридическую коммуникацию. Будучи категорией внешней по отношению к речевому произведению, формат не может не оказывать известного деформирующего воздействия на жанровые нормы этого произведения и, через их посредство, на его текст. Отсюда и локутивные сдвиги в высказывании под воздействием категории формата.

Предполагается, что предложенный подход к разграничению категорий жанра и формата позволит повысить теоретический уровень профессиональной подготовки журналистов.

Список литературы

1. Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journ.msu.ru/science/pub/msu-bulletin/?print=Y>.
2. Динамика жанров и форматов : межкафедральный семинар [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>.
3. Динамика развития форматов и жанров в современных СМИ [Электронный ресурс]: методический семинар. URL: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>.
4. Лазутина, Г. В. Жанр и формат как понятия современной журналистики. Видеоконспект доклада [Электронный ресурс]. URL: www.mediascope.ru/files/lazutina.ppt.
5. Месеняшина, Л. А. Категория формата как реализация «пассивной жанровой грамматики» в СМИ // Когнитивные исследования языка. Вып. 18. Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований. М. – Тамбов – Челябинск, 2014. С. 534–537.
6. Формат новости для разных соц. сетей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/media/set/?set=a.568320856574043.1073741828.517743878298408&type=1>.

References

1. *Bulletin of Moscow university* (2010) [=Vestnik Moskovskogo universiteta], Series 10, № 6, available at: <http://www.journ.msu.ru/science/pub/msu-bulletin/?print=Y>, accessed 12.01.2013 (in Russ.).
2. *Dinamika zhanrov i formatov* [=The dynamics of genres and formats], in: *Mediaskop*, posted Feb. 15th, 2010, available at: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>, accessed 18.10.1014 (in Russ.).
8. *Dinamika razvitiya formatov i zhanrov v sovremennykh SMI* [=The dynamics of genres and formats evolution of modern mass-media], in: *Mediaskop*, posted Jun. 22nd, 2009, available at: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>, accessed 18.10.1014 (in Russ.).
4. Lazutina, G. V. “Zhanr i format kak ponyatiya sovremennoy zhurnalistiki” [=Genre and format as categories of modern journalism], in: *Mediaskop*, available at: www.mediascope.ru/files/lazutina.ppt, accessed 10.12.14 (in Russ.).
7. Mesenyashina, L. A. (2014) “Kategoriya formata kak realizatsiya «passivnoy zhanrovoy grammatiki» v SMI” [=The category of “format” as realize of “passiv genre grammar” in mass-media], in *Cognitive Studies of Language*, Volum 18, Moscow – Tambov – Chelyabinsk, pp. 534–537 (in Russ.).
10. *Format novosti dlya raznykh sots. setey* [=The news format for different social nets], available at: <https://www.facebook.com/media/set/?set=a.568320856574043.1073741828.517743878298408&type=1>, accessed 1.12.2014 (in Russ.).

ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Статья опубликована при поддержке Фонда перспективных научных исследований
ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Уточняется понятие текста и коммуникации в социальных сетях. На основе анализа текстов социальной сети «ВКонтакте» и проведенного среди ее пользователей социологического опроса обозначаются основные проблемы коммуникативного взаимодействия аудитории, возникающие в пространстве социальных медиа.

Ключевые слова: коммуникация, текст, проблемы коммуникации, социальные медиа, социальная сеть, «ВКонтакте», Интернет.

Социальные медиа сегодня представляют собой как средство массовой информации, так и инструмент массовой коммуникации. Отличительной особенностью данных ресурсов является то, что деятельность по сбору, интерпретации и распространению информации принимает на себя множество акторов (в теории – каждый пользователь социальной сети). Социальные медиа построены как на принципе взаимодействия пользователей между собой, так и на основе создания и трансформации аудиторией информационного контента, включающего обсуждение информации, формирование коллективного мнения и общественных норм, развитие общественного диалога. Возможность участия пользователей в массово-коммуникативном процессе на любом его этапе порождает моментальное и практически не контролируемое распространение информации, а значит, и определенные проблемы коммуникативного взаимодействия пользователей в пространстве социальных медиа. Одной из разновидностей социальных медиа (наряду с блогами, форумными сайтами, отзывами и знакомствами, фото- и видеохостингами, геосоциальными сервисами) являются социальные сети, поэтому в нашей статье мы будем использовать понятия «социальные медиа» и «социальные сети» в качестве синонимов.

По мнению О. А. Пичугиной, с одной стороны, «социальные сети подразумевают, что медийные каналы стали социальными по своей сути – <...> аудитория вовлечена в процесс производства и тиражирования информации». С другой стороны, в социальных сетях проис-

ходит демассификация, то есть «дифференциация социальной структуры служит отправной точкой для сегментации аудитории по интересам, ценностям, убеждениям, образу жизни» [8. С. 271]. Следовательно, «пересечение различных культур, взглядов, точек зрения создает определенное поле напряжения в интернет-пространстве <...> Возникает необходимость нормализации и гармонизации общения для успешного ведения коммуникативного процесса и избегания ситуаций коммуникативных неудач» [9. С. 4].

Таким образом, целью нашего исследования является выявление и изучение основных проблем коммуникативного взаимодействия в социальных сетях.

Проблемные аспекты коммуникации в социальных сетях находят отклик в исследованиях психологов, педагогов, социологов, филологов, лингвистов, филологов и др. Например, Д. Н. Карпова [2] рассматривает онлайн-зависимость как последствие возможности непрерывной интернет-коммуникации; И. А. Бобкова [1] и Л. М. Мкртчян [6] выделяют контентные риски социальных сетей и угрозы социальной безопасности личности, связанные с интенсивным развитием сетевой коммуникации. К. Н. Обухов [7] рассматривает Интернет как социальную структуру общества на основании модели сетевой коммуникации в теории М. Кастельса.

В своей научной работе педагог А. С. Крапивенский [5] выделяет несколько направлений, с точки зрения которых может происходить нанесение ущерба социокультурной безопасности пользователей в социальных сетях:

а) побуждение к совершению противоправных действий (разрушение правовой культуры);

б) призывы к насилию и жестокости;

в) использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов;

г) возбуждение ненависти (вражды), унижение достоинства человека (или группы лиц) по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или принадлежности к какой-либо социальной группе;

д) герменевтическая аберрация (смысловое искажение) образов произведений искусства и исторических персонажей;

е) разрушение основ национальной языковой культуры.

Из этого можно заключить, что изучение коммуникативного процесса в социальных сетях происходит с различных ракурсов научного знания, а проблемы коммуникативного взаимодействия представляются разноаспектными.

Также необходимо уточнить понятие «коммуникация». Оно имеет множество интерпретаций в зависимости от науки, в которой этот термин изучается. Так, профессор С. А. Азаренко полагает, что под коммуникацией понимается «тип взаимодействия между людьми, предполагающий информационный обмен <...>, коммуникацию следует отличать и от диалога, поскольку его целевой причиной является слияние личностей, участвующих в нем, и от общения, ибо последнее имеет дело прежде всего с общими механизмами воспроизводства социального опыта и порождения нового. Между тем, вопросы, связанные с коммуникацией, исторически поднимались и развивались в рамках проблематики диалога и общения» [4].

Зачастую термин «коммуникация» подразумевает общение адресанта с адресатом, передачу во время данного процесса определенных сведений. Мы склонны полагать, что такое определение достаточно локально и подходит для узких отраслей науки. В широком же смысле слова «коммуникация – это смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия. Действия, сознательно ориентированные на их смысловое восприятие, называют коммуникативными. Основная функция коммуникации – достижение социальной общности при сохранении индивидуальности каждого ее элемента» [3].

Таким образом, под *коммуникацией в социальных сетях* мы будем понимать любые дей-

ствия пользователей, связанные как непосредственно с общением, так и распространением информации различного содержания, предполагающие все возможные способы передачи данных.

Основой коммуникации является текст. *Под текстом в социальных медиа* мы будем понимать совокупность вербальных и невербальных единиц информационно-коммуникативных произведений, существующих в онлайн-среде (словесных публикаций, сообщений и комментариев, аудиовизуальных материалов, фотографий и иных изображений).

Материалом исследования послужили тексты социальной сети «ВКонтакте», а также данные социологического опроса, респондентами которого выступили 400 человек, являющиеся пользователями интернет-ресурса «ВКонтакте». С целью выявления тех или иных проблем, возникших в процессе коммуникации, были опрошены как мужчины, так и женщины в возрасте от 15 до 60 лет в соответствии с целенаправленной квотной выборкой. В большинстве вопросов предоставлялась возможность выбора нескольких ответов из множества, поэтому зачастую общая сумма процентов оказывается более 100 %.

Согласно данным одной из ведущих компаний по измерениям показателей интернет-пространства, социальные сети посещает около 56 миллионов интернет-пользователей, что составляет 85 % от общей численности пользователей Интернета в России. При этом социальная сеть «ВКонтакте» занимает первое место среди остальных ресурсов (49,2 млн. уникальных посетителей в месяц) [10], что дает нам весомый аргумент использовать данный сайт в качестве материала исследования.

В процессе коммуникации в социальных сетях аудитория сталкивается с определенными проблемами, обусловленными как особенностями функционирования социальных медиа, так и спецификой онлайн-среды в целом. Сами пользователи выделяют следующие сложности общения:

– неверное понимание выраженной мысли (например, я пытался пошутить, а собеседник понял шутку как сарказм и т. п.) – 55 %;

– троллинг (размещение в Интернете провокационных сообщений с целью вызвать конфликты между участниками, оскорбления) – 35 %;

– одностороннее общение (отсутствие ответов как на личные сообщения, так и на публично размещенные записи) – 29,5 %;

- полное отсутствие взаимопонимания при общении – 15 %;
- непринятие собеседником мнения коммуникатора – 7 %;
- оскорбления в свой адрес – 6,5 %.

Также опрашиваемые отмечают безграмотность пользователей соцсетей как с точки зрения содержания речи, так и формы выражения мыслей; большое количество «ненужной» информации, отсутствие коммуникативной цели частного или публичного сообщения.

Результаты опроса подтверждает анализ текстов социальной сети «ВКонтакте». Так, из 200 проанализированных записей на стенах различных сообществ около 40 содержат провокации, унижительные высказывания; около четверти комментариев к ним содержат оскорбления, нецензурную лексику, а более половины комментариев написаны с грубыми нарушениями орфографических, пунктуационных и лексических норм.

В целом, пользователи сталкиваются с теми или иными трудностями осуществления коммуникации достаточно часто: каждый день или через день данная проблема встает перед 30 % опрошенных, а не замечают данных проблем всего 6,5 %. Большая часть опрошенных со сложностями общения сталкивается несколько раз за одну-две недели (более 50 %).

Респонденты в качестве сообществ, чаще других распространяющих свои взгляды и идеи, называют следующие: группы, преследующие культуроформирующие задачи, то есть группы, продвигающие идеи, связанные с музыкой, кино, театром и т. п. (77,5 %); сообщества философской направленности (59 %) – имеется в виду распространение определенных мировоззренческих положений; более половины опрошенных (58,5 %) сталкиваются с популяризацией политических взглядов (продвижение идей о превосходстве своей страны/чужой страны над другими странами, создание культа руководителя страны); 37 % опрошенных встретилась популяризация определенных научных идей; 26 % сталкиваются с националистическими сообществами (продвижение превосходства одной расы/национальности над другой); 21 % – с религиозными (продвижение различных религиозных направлений); только 9 % опрошенных вообще не встречали подобных сообществ. Также в качестве приоритетных пользователи называют идеи экологического характера (защита окружающей среды, животных, вегетарианство и так далее),

эстетического (призывы разделить общепринятые стандарты внешнего вида), географического (как правило, это доказательство превосходства столиц над провинциальными городами), идеи о превосходстве людей определенного пола и возраста над другими половозрастными группами, разжигание ненависти в отношении ЛГБТ-сообществ.

Продвижение тех или иных идей происходит в равной степени как через публичные страницы/сообщества, так и при помощи записей пользователей на стене личной страницы, а также репостов (переносов записи со стены профиля либо сообщества без изменения самого поста с возможностью добавить свой комментарий). К тому же более 80 % опрошенных регулярно встречают в социальных сетях недостоверную, «навязчивую» и опасную информацию, противоречащую этике и морали, а также законам РФ.

При этом, как правило, коммуникативные механизмы распространения идей внутри подобных сообществ имеют агрессивный характер: практически в половине случаев (41,5 %) происходит продвижение исключительно своей точки зрения, имеет место агрессия по отношению к «другим»; отстаивание исключительно своей точки зрения, но с лояльностью к определенным группам пользователей наблюдают 28,5 % опрошенных; отстаивание исключительно своей точки зрения, но в доброжелательной форме – 12,5 %; толерантность ко всем, несмотря на полную уверенность в правоте своих взглядов и идей, – 8,5 %; уважение и поддержка любого мнения, продвижение своей идеи наряду с другими составляет всего 9 %.

Наибольшее влияние на успешное продвижение определенных идей через тексты социальных сетей, по мнению респондентов, оказывают:

- авторитет источника публикации / известность в широких массах главы сообщества – 34 %;
- язык как мощный инструмент воздействия на мышление и сознание читателя – 34 %;
- количество распространяемой информации – 13,5 %;
- соответствие продвигаемых идей менталитету нашей страны – 8 %.

К размышлению призывает крайне низкая озабоченность респондентов тотальной безграмотностью пользователей: наличие жаргонизмов, сленга, нецензурной лексики и так далее беспокоит всего 7,5 % опрошенных. Таким

образом, еще раз подтверждается мысль об отсутствии культуры общения в социальных сетях. Подобные материалы способны набрать за сутки до нескольких тысяч репостов. В целом, нарушение языковых норм встречается в каждом втором тексте.

К тому же пользователи социальных сетей выделяют такие приоритеты продвижения определенных взглядов, как достоверные факты, доказательства распространяемых сведений и соответствие распространяемых идей уже сложившимся взглядам аудитории.

В целом, аудитория достаточно неоднозначно относится к социальным медиа и считает, что они объединяют людей по одним признакам, а по другим разделяют во взглядах (63 %), еще 21,5 % опрошенных считают, что соцсети объединяют пользователей по общим интересам, 14 % сходятся во мнении, что данные ресурсы никак не способствуют взаимопониманию внутри общества. И только 1 % респондентов указывает на то, что социальные медиа способствует расколу общества на различные группы по тем или иным признакам.

При этом полярность мнений и взглядов в обществе, по мнению пользователей, с наибольшей вероятностью покажет многообразие форм и мнений общественной жизни (64 %) и позволит каждому найти в жизни свой путь (27,5 %), хотя более трети опрошенных уверены в негативных последствиях данного феномена: 15 % полагают, что полярность представленных мнений вызовет раскол общества или приведет к продвижению опасных идей (16,5 %).

Особого внимания заслуживает тот факт, что сегодня более половины опрошенных людей в меньшей степени испытывает проблемы с коммуникацией в реальной жизни, чем в социальных сетях. Ранее в различные годы было проведено множество исследований, доказывающих обратное: пользователи чувствовали себя комфортнее в Интернете, поскольку в Сети легче выразить свою индивидуальность, войти в доверие, избежать сложных отношений, проще обсудить интимные темы и так далее. Но сегодня, спустя 3–4 года, аудитория в большей степени вне зависимости от возраста (показатели в разновозрастных группах были практически равны друг другу) начинает осознавать проблемное поле интернет-коммуникации.

Мы пришли к выводу, что сегодня на пути к коммуникативному взаимодействию в виртуальной реальности социальных сетей существуют различные препятствия, которые зави-

сят, прежде всего, от функциональных особенностей сайта и самой специфики онлайн-общения. «ВКонтакте», будучи глобальным, практически не контролируемым интернет-ресурсом с неограниченными информационно-коммуникативными возможностями, является как площадкой распространения любых взглядов и идей, так выражения реакций пользователей на данные материалы. Но зачастую общение при помощи письменной речи приводит к возникновению недопонимания собеседников, реальное отсутствие перед пользователем адресата и анонимность порождают излишнюю агрессию и интолерантность.

Исходя из результатов исследования, мы можем выделить некоторые проблемные аспекты коммуникативного взаимодействия пользователей интернет-пространства социальных сетей:

– *лингвоэкологический*: аудитория прибегает к использованию нецензурной лексики, демонстрируют пренебрежительное отношение к нормам языка, в текстах соцсетей отсутствует такая важная и обязательная категория, как информативность;

– *психолингвистический*: авторы комментариев используют приемы речевого манипулирования, элементы речевой агрессии, в том числе провокации, что приводит к еще большей активности пользователей в обсуждении тех или иных тем, но в котором, как правило, отсутствует аргументация, при этом такие дискуссии, часто эмоционально заряженные, имеют большую воздействующую силу на мышление и сознание оппонента;

– *культуроформирующий*: пользователи полностью пренебрегают нормами культуры общения, наблюдается отсутствие взаимопонимания между собеседниками, непринятие собеседником мнения коммуникатора, открытые конфликты между участниками диалога.

Но в норме социальная сеть, как и реальная жизнь, подразумевает ведение диалога в конструктивном и толерантном ключе. Акт коммуникации должен осуществляться посредством ориентации на среднестатистического пользователя и в любом случае находиться в рамках культуры речевого поведения.

Список литературы

1. Бобкова, И. А. Виды рисков для пользователей социальных сетей [Электронный ресурс] // Математика. Компьютер. Образование.

URL: <http://www.mce.su/rus/archive/sect128328/doc150831>.

2. Карпова, Д. Н. Интернет-коммуникация: новые вызовы для молодежи // Вестн. МГИМО-Университета. 2013. № 5 (32). С. 208–212.

3. Коммуникация [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь. URL: http://enc-dic.com/new_philosophy/Kommunikacija-596.html

4. Коммуникация // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; М. ; Минск, 1998. С. 414.

5. Крапивенский, А. С. Вербальный аспект культурной безопасности молодежи в социальных сетях и блогосфере рунета // Современ. проблемы науки и образования. 2012. № 2.

6. Мкртчян, Л. М. Риски и угрозы социальной безопасности личности в сетевом коммуникативном пространстве: к постановке проблемы // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. № 8. С. 149–155.

7. Обухов, К. Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестн. Урдмурт. ун-та. 2008. Человек и об-во. № 1. С. 107–110.

8. Пичугина, О. А. Трансформация массовой коммуникативной реальности в эпоху социальных медиа // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. 2013. Политология. Социал.-коммуникатив. науки. № 1. С. 268–276.

9. Селютин, А. А. Коммуникативная толерантность в виртуальном пространстве: на примере анализа текстов социальных сайтов : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 247 с.

10. Russians Spend over 6 hours a Month on Odnoklassniki [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comscore.com/Insights/Data-Mine/Russians-Spend-over-6-hours-a-Month-on-Odnoklassniki>.

References

1. Bobkova, I. A. “Vidy riskov dlya pol’zovateley sotsial’nykh setey” [=Types of risks for social net users], in: *Matematika. Komp’yuter. Obrazovanie* [=Mathematics. Computer. Education], available at: <http://www.mce.su/rus/archive/sect128328/doc150831> (in Russ.).

2. Karpova, D. N. (2013) “Internet-kommunikatsiya: novye vyzovy dlya molodezhi” [=Internet communication: new challenges for youth], in:

Vestnik MGIMO Universiteta [=Journal of MGIMO University]. № 5 (32). pp. 208–212 (in Russ.).

3. Kommunikatsiya [=Communication], in: *Noveyshiy filosofskiy slovar’* [=The latest philosophical dictionary], available at: http://enc-dic.com/new_philosophy/Kommunikacija-596.html (in Russ.).

4. Kommunikatsiya (1998) [=Communication], in: *Sovremennyy filosofskiy slovar’* [=Modern philosophical dictionary], pod red. V. E. Kemeroва, London, Frankfurt am Main, Paris, Luxembourg, Moskow, Minsk, p. 414. (in Russ.).

5. Krapivenskiy, A. S. (2012) “Verbal’nyy aspekt kul’turnoy bezopasnosti molodezhi v sotsial’nykh setyakh i blogosfere runeta” [=Verbal aspect of cultural safety of youth in social nets and blog sphere of RuNet], in: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [=Modern problems of science and education], Volume 2. (in Russ.).

6. Mkrтчyan, L. M. (2013) “Riski i ugrozy sotsial’noy bezopasnosti lichnosti v setevom kommunikativnom prostranstve: k postanovke problemy” [=Risks and threats of social safety of person in net communicative space: on the problem], in: *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* [=Priority scientific directions: from the theory to practice], № 8, pp. 149–155 (in Russ.).

7. Obukhov, K. N. (2008) “Set’ kak sotsial’naya struktura: model’ setevoy kommunikatsii v teorii M. Kastel’sa” [=Net as a social structure: model of net communication in theory of M.Kastels], in: *Vestnik Urdmurtского universiteta* [=Bulletin of Udmurt University], № 1, pp. 107–110 (in Russ.).

8. Pichugina O. A. (2013) “Transformatsiya massovoy kommunikativnoy real’nosti v epokhu sotsial’nykh media” [=Transformation of mass communication reality in the epoch of social media], in: *Vestnik RGGU* [=Bulletin of Russian State University for the Humanities], № 1, pp. 268–276 (in Russ.).

9. Selyutin, A. A. (2009) *Kommunikativnaya tolerantnost’ v virtual’nom prostranstve: na primere analiza tekstov sotsial’nykh saytov* [=Communicative tolerance in virtual space: by the example of textual analysis of social sites], Chelyabinsk, 247 p. (in Russ.).

10. Russians Spend over 6 hours a Month on Odnoklassniki [=Russians Spend over 6 hours a Month on Odnoklassniki], available at: <http://www.comscore.com/Insights/Data-Mine/Russians-Spend-over-6-hours-a-Month-on-Odnoklassniki> (in Russ.).

Г. Г. Москальчук

БАЛАНС ФОРМЫ ТЕКСТА КАК ЕГО СТРУКТУРНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Рассматривается баланс формы текста как позиционно-иерархическая модель его самоорганизации. Баланс формы является результатом спонтанной самоорганизации текста, отражает позиционно-иерархический ритм формы в процессе становления гармоничной целостности текста. Охарактеризованы 9 моделей с балансом формы $6 \div 1$, обладающих наибольшей интенсивностью самодвижения вертикальной градации. Показано применение баланса формы в переводе.

Ключевые слова: *текст, структура, гармония, форма, баланс формы, дифферент формы, креативный аттрактор.*

Текст является результатом сложной и целенаправленной речемыслительной деятельности человека, но многие процессы текстообразования не находятся в светлом поле сознания и осуществляются неосознаваемо, в силу усвоенных с детства стереотипов и правил функционирования и согласования в тексте различных единиц и подсистем родного языка. Человек в процессе речепроизводства и восприятия готового текста не в состоянии контролировать все процессы, протекающие в столь сложном объекте как текст на естественном языке, ведь кроме норм и правил употребления языка пришлось бы контролировать и психолого-физиологические и физические процессы, не находящиеся в актуальном поле сознания человека.

Все внутренние подсистемы, формирующие текст как коммуникативно целеустремленное единство, обладают структурой, назначением, смыслом. А сам текст как целое функционирует в виде некоторого информационного пакета, обладающего в том числе и лингвистическими параметрами. Среди них различимы физические: размер, дискретность, просодика, мелодика, иерархичность; а также физиолого-психологические: ритм, темп, взаимная координация процессов и явлений. Если смотреть на текст как цельное гармоничное единство, то можно различить подсистемы, обладающие размером и образующие в последовательном развертывании текста некоторый внутренний ритм чередования сходного и различного. Это позволяет обнаруживать сходство паттернов организации в различных по содержанию и жанрам текстах. Ибо сходные паттерны возникают в природных системах в результате действия сходных или одинаковых процессов (например, повторяемость, цикличность, периодичность изменения). Именно на уровне

организации и самоорганизации языковых структур в целостный объект проявляют себя закономерности природы. «Самоорганизация – элементарный процесс эволюции, состоящей из неограниченной последовательности процессов самоорганизации» [11. С. 7].

Любая нелинейная система неравновесна, она продуцирует и поддерживает неоднородности в своей структуре. Отсюда роль однородного (повторяющегося) – быть фоном для возникающих инноваций, неоднородностей, именно так осуществляется самоподдержание структур и элементарная эволюция единиц, подсистем и целого во внутритекстовом пространстве.

Поскольку текст вписывается в разнообразные среды своего осуществления: от речемыслительной сферы индивида, до различной сложности дискурсов, то анализ подобного рода взаимодействий является важной научной задачей. Но процессы спонтанной организации самого текста, к сожалению, изучены недостаточно, многое еще предстоит объяснить, в том числе и действием законов природы, являющихся неустранимым фактором функционирования естественного языка. Поэтому важен ответ на вопросы: каков текст внутри самого себя, какие процессы физико-биологической природы привели к тому или иному ритмико-структурному состоянию данного информационного пакета?

Если вслед за немецкими авторами понимать под процессом самоорганизации «необратимый процесс, приводящий в результате кооперативного действия подсистем к образованию более сложных структур всей системы» [11. С. 7], то структуры текста воплощают различные и сходные, распределенные во внутритекстовом пространстве-времени состояния

системы, проходящей этапы развертывания, максимальной развитости и свертывания реализуемого в тексте коммуникативно-прагматического намерения субъекта и/или коллектива.

Повторяемость языковых процессов и структур позволяет описывать форму текста как циклично-периодичный многоуровневый конструкт, где представлены этапы его становления, смысловая и структурная кульминация и свертывание программы по достижении некоторой первоначальной цели коммуникации. Текст является закрепленным в языке и культуре способом организации некоторой информации, воплощенной в языковые структуры и единицы, распределенные в некотором пространстве-времени цельного и отдельного текста. Причем форма текста развертывается по законам не лингвистических, но природных и семиотических объектов. Это доказывается фактом, что различное содержание может быть представлено не только различными, но и одинаковыми формами текста независимо от авторской воли и устной или письменной формы речи. Полного взаимного соответствия формы текста и ее содержимого не отмечено в достаточно больших и разнообразных выборках цельных и отдельных текстов, представляющих разные стили, устную и письменную форму, разные жанры и разных авторов и т. п. [5; 6; 8; 9].

Среду для существования текста можно понимать как надсистему, сам же текст – как собственно систему, состоящую из разного рода вложенных в нее структур языковой и семиотической природы. Применяемый нами позиционный анализ формы текста позволяет различать форму разнообразных текстов на основе изменения характера ориентации предложений относительно пропорционально фиксированных позиционных срезов. И формы эти то повторяются, то различаются в зависимости от изменения внутри- и внетекстовых условий не только лингвистического порядка, но и в том числе случайно [3; 7; 9].

Если рассматривать 243 теоретически выделенные формы текста, то они образуют систему, которую можно анализировать на разных функционально-структурных основаниях. Форма текста записывается в виде свертки из 5 символов, каждый символ отражает качественное состояние предложения относительно 5 инвариантных пропорциональных позиционных срезов. Символ «1» показывает, что слева от среза располагается порция предложе-

ния большей протяженности в словах, нежели справа. Символ «2» указывает на противоположное состояние границ предложения относительно данного позиционного среза: слева фрагмент предложения в словах меньше, чем справа. Символ «0» отражает ситуацию равенства фрагментов предложения слева и справа, или позиционный срез расположен между двумя самостоятельными предложениями, на что указывают конечные знаки препинания [7].

Между двумя противоположными состояниями структуры вблизи позиций, обозначенными символами «2» и «1» возникают дистантные циклические взаимодействия. Каждая модель формы текста обладает собственными характеристиками циклического и периодического характера, что отражается в изменяющейся плотности циклов, пересекающих в процессе своего развертывания каждый из 6 позиционных интервалов, это индивидуальная характеристика формы. Она указывает на интенсивность процесса самоорганизации текстовой структуры, измеряемую в условных единицах плотности от 1 до 12, распределенных по 6 стандартным интервалам, образующим метроритмическую матрицу [3. С. 14–76].

Производной от плотности циклов характеристикой формы является баланс формы, представляющий собой сокращенную и более абстрагированную от конкретных условий запись характера самодвижения иерархически упорядоченных подсистем относительно кульминации формы, креативного аттрактора. Аттрактор является носителем важной информации в тексте, но его расположение, объем и содержание не всегда контролируются человеком. Поэтому важно и теоретически перспективно рассмотреть все структуры текста упорядоченными относительно аттрактора как высшей ступени градиционного изменения структур текста по шкале интенсивности процессов самоорганизации, распределенной позиционно [3. С. 14–76].

Для некоторых практических и аналитических задач, особенно когда необходимо подобрать аналог формы и/или протекающего в ней процесса организации, чтобы добиться сходства форм, не слишком близких, полезна модель оценки качеств текста и его составляющих по балансу формы (например, в случае гармонической правки перевода по оригиналу, оценки близости текстовых выборок, редактировании, в поиске важной информации в тексте и т. п.).

«Баланс 1 – система показателей, характеризующая какое-либо явление путем сопоставления или противопоставления отдельных его сторон» [10. С. 68]. Понятие баланса применяется для оценки движения ресурсов в системах различного рода: бухгалтерский учет, экология, оптимизация систем и др. Форма текста является иерархически организованным многоуровневым объектом. Аттрактор текста, возникающий в системе спонтанно, является его кульминантом, его высшим структурным элементом, насыщенным информационно и эмотивно [3. С. 50–56; 4]. Поэтому, если рассматривать аттрактор как цель развертывания и существования какой-либо самоорганизующейся системы, возможна оценка протекания спонтанных процессов организации структур и смыслов текста относительно аттрактора, как путь к нему, его достижение в каком-либо месте текста, как развертывание и свертывание формы относительно аттрактора.

Аттрактор предстает в виде иерархичной двухступенчатой структуры: аттрактор 1 степени – высшая степень динамической развитости данной формы – и аттрактор 2 степени, сопровождающий гармоническую кульминацию формы то справа, то слева. Таким образом, креативный аттрактор текста является иерархически и позиционно организованной структурой, обладающей собственной пространственно вариативной областью наивысшей развитости и интенсивности циклического процесса, учитывающей структурное подкрепление справа или слева в области текста, иерархически примыкающей к аттрактору. Аттрактор является перцептивно абсолютно сильной позицией текста, что доказано и проверено как статистически, так и экспериментально, отражено в опубликованных работах [3. С. 46–56; 4; 5; 6; 8 и др.].

Текст развертывается в объемной форме типа «яйцо», поэтому плотности циклов в каждом интервале надо отображать вдоль временной оси симметрично вверх и вниз. Подобная модель отражает индивидуальное бытие формы, она удобна и эвристична. Так, формула текста /21111/ имеет плотность циклов 5 – 10 – 8 – 6 – 4 – 2, баланс 531246, /+1/. На рис. 1 представлена пространственная модель данной формы по балансу с обозначением аттрактора и граничных условий модели как перепада/равенства иерархических градационных значений в зачине и конце текста. Нисходящесть аттрактора (выделено на рис. 1. символами «000» и более крупным шрифтом) и граничных

условий модели (выделено символами «XXX») одинакова: /+1/. То есть динамическая (просодическая) характеристика как целого, так и аттрактора совпадает.

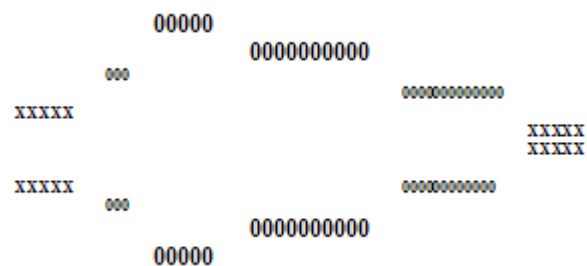

Рис. 1. Баланс формы как фрактальная структура (модель /21111/)

Форма текста распределена в пространстве-времени своего развертывающегося самодвижения от абсолютного начала к абсолютному концу по 6 пропорционально определенным в виде серии пропорций интервалам. Поэтому по горизонтали устойчиво реализуется движение по 6 интервалам. По вертикали форма текста обладает определенными величинами интенсивности своего развертывания, измеряемой в непостоянной величине: плотность циклов в том или ином интервале.

Разброс величины циклических плотностей в различных моделях варьируется от 1 до 12 ступеней, если учитывать сокращенную запись. В действительности же происходит сложное направленное от начала к концу вращательное движение виртуальной формы в пространстве-времени, поэтому количество циклов в интервалах нужно увеличить вдвое, но для филологических целей вполне достаточно сокращенное представление процессов, протекающих при формообразовании текста.

Баланс формы отражает позиционно вариативную иерархичность формы по вертикали и вдоль временной оси в физическом времени от 1 (= аттрактор) до 6 ступеней градационного изменения формы. Символ «б» указывает на минимум интенсивности процесса самоорганизации. Система же форм текста по балансу предстает как множество с 6-, 5-, 4-, 3-, 2- и 1-ступенчатыми иерархическими моделями, реализующимися в узусе с различной вероятностью, что необходимо изучать и описывать отдельно.

В качестве примера рассмотрим модели с балансом формы $6 \div 1$. В данной группе реализуются всего 9 моделей из 243 теоретически выделенных [7. С. 281–289], обладающих

наибольшей интенсивностью вертикального самодвижения, реализуются 6 ступеней вертикальной градации. Хотя возможности данных структур различаются внутритекстовым ритмом формы, положением и объемом аттракторов, граничными условиями модели (дифферент формы) [3. С. 36–63]. Так, наиболее интенсивная и частотная в узусе модель /22211/ обладает балансом формы 642135, модель

восходящая /-1/, то есть интервал зачина расположен градационно ниже, чем интервал конца, а вся форма восходящая, с аттрактором в третьем (пост-ГЦн) и четвертом (пред-ГЦ) позиционных интервалах (табл. 1).

Довольно равномерный рост восходящего движения сменяется для данной модели в пост-ГЦ нисходящестью при сохранении восходящего самодвижения формы. Каждая из моде-

Таблица 1

Условные обозначения и схема баланса формы для модели /22211/
(в скобках указан объем позиционного интервала от объема целого текста)

1 (аттрактор 1-й степени)				000000000000		
2 (аттрактор 2-й степени)			0000000			
3						
4		0000			000000000000	
5						0000000
6	0000000					
Интенсивность/ интервалы и их объем от размера текста	Зачин (0,146)	Пред- ГЦн (0,09)	Пост- ГЦн (0,146)	Пред-ГЦ (0,236)	Пост-ГЦ (0,236)	Конец (0,146)

Таблица 2

Параметры моделей с балансом формы 1 ÷ 6

№ п/п	Формула текста	Баланс формы	Дифферент формы	Ритм формы
1	/22211/	642135	/-1/	
2	/22121/	641325	/-1/	
3	/12211/	541236	/+1/	
4	/21111/	412356	/+2/	
5	/21112/	512346	/+1/	
6	/12221/	643215	/-1/	
7	/22221/	653214	/-2/	
8	/11111/	123456	/+5/	
9	/22222/	654321	/-5/	

Таблица 3

Параметры оды Горация и ее переводов на русский язык
(аттракторы выделены полужирным шрифтом)

Автор	Формула текста	Плотность циклов	Баланс формы	Дифферент формы	Ритм формы
Гораций	/21222/	2 - 4 - 6 - 6 - 6 - 6	321111	/-2/	— . — — — — — —
Ломоносов М. В.	/11121/	5 - 5 - 5 - 5 - 4 - 2	111123	/+2/	— . — — — — — —
Фокков Н. Ф.	/21222/	2 - 4 - 6 - 6 - 6 - 6	321111	/-2/	— . — — — — — —

лей имеет индивидуальный ритм развертывания формы во внутритекстовом пространстве-времени, ритм самодвижения текстовой структуры по позиционным интервалам с учетом градиционной интенсивности процесса (табл. 2). В качестве примеров можно привести известные стихотворения-периоды: М. Ю. Лермонтов «Когда волнуется желтеющая нива...» и А. К. Толстой «Когда кругом безмолвен лес дремучий...», где в модели /22211/ реализовано восходящее-нисходящее движение формы, подкрепляющее изоморфизм содержательного порядка (см. подробнее интерпретацию стихотворения М. Ю. Лермонтова: [7. С. 205–213]).

Модели различаются положением и объемами аттракторов, поскольку позиционные интервалы пропорционально неравнообъемны (табл. 1), а также взаимным расположением аттракторов 1 и 2 степеней. Порядок символов в балансе формы **12** указывает на нисходящесть аттрактора, что повторяют и граничные условия моделей /+ 1/, а порядок **21** характеризует восходящие структуры аттракторов /- 1/. Это является одним из важных параметров самоподобия формы текста и его аттрактора. Иными словами, в аттракторе отражаются качества формы текста как целого и баланс формы их воспроизводит.

Оценка эквивалентности вторичного текста по балансу, в частности, позволяет эффективно сравнивать и править тексты, рассматривать отдельно способы их сближения по различным показателям формы. Так, известная 30 ода Горация «Egegi monumentum» неоднократно переводилась русскими поэтами, в книге М. П. Алексеева приведено более 20 ее русских переводов [1. С. 236–265]. Правка формы текста различных переводов по плотности циклов часто более затруднена, чем по балансу формы. Приведем наиболее показательные для нашей проблемы случаи (табл. 3).

Из 20 рассмотренных переводов совпал по

всем показателям формы и по балансу только перевод Н. Ф. Фоккова, сделанный размером подлинника [1. С. 254]. А перевод М. В. Ломоносова [1. С. 244–245] представляет позиционную инверсию оригинала со сменой восходящего пространственного движения формы в тексте Горация на нисходящее. Хотя плотности циклов в модели не совпадают, формы одинаковы по балансу, что обеспечивает единство ритма формы и аттракторов (см. подробнее: [2]). Причем сходство по балансу формы (в данных примерах $1 \div 3$) нарастает с уменьшением числа ступеней градации: чем меньше ступеней градации в балансе формы, тем чаще возможны формы-омонимы.

Итак, система моделей текста по балансу формы отражает важный принцип самоорганизации текста: чем более развито в данной форме градиционное развертывание по вертикали, тем более локализован ее аттрактор, тем она эффективнее с коммуникативной точки зрения, что подтверждается экспериментально [4–8]. Напротив, чем меньше проявлена в форме градиционная интенсивность циклического процесса, тем чаще в ней встречаются продленные аттракторы, тем чаще происходит совпадение форм по балансу (предельный случай: омонимия 12 форм с балансом «1»). Формы с развитым движением по вертикали реализуют режимы с обострением, в них более компактные аттракторы. Снижение же вертикальной интенсивности формы влечет за собой рост объемов аттрактора (от 1 до 6 интервалов), реализуются диссипативные режимы самоорганизации текста, менее эффективные в силу слабой различимости аттрактора и текста. Баланс формы текста является позиционно-иерархической моделью его самоорганизации и результатом спонтанной самоорганизации структур текста, отражает позиционно-иерархический ритм формы в процессе становления гармоничной целостности текста.

Список литературы

1. Алексеев, М. П. Русские переводы оды Горация «Exegi monumentum» // Алексеев, М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 236–265.
2. Афанасьева, Е. А. Возможности баланса формы в сближении текстов оригинала и перевода / Е. А. Афанасьева, Г. Г. Москальчук // Актуальные проблемы литературоведения и языкознания. Бийск, 2001. С. 88–108.
3. Бекасова, Е. Н. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис / Е. Н. Бекасова, Г. Г. Москальчук, В. Ю. Прокофьева. М., 2013. 217 с.
4. Болдырева, Э. Т. Креативный аттрактор как структурный компонент текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
5. Бузаева, Я. А. Инвариантные тенденции развертывания структуры текста сонета // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 10 (339). Филология. Искусствоведение. Вып. 90. С. 24–29.
6. Маклакова, Т. Б. Роль тропов и фигур в целом тексте: симметрично-позиционный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010.
7. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. 2-е изд. М., 2010. 296 с.
8. Москальчук, Г. Г. Самоподобие структуры текста как переводческая стратегия / Г. Г. Москальчук, Я. А. Бузаева // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2013. № 3 (24). С. 199–207.
9. Москальчук, Г. Г. Актуальные вопросы формообразования текста // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 47–50.
10. Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. М., 1987. 608 с.
11. Эбелинг, В. Физика процессов эволюции / В. Эбелинг, А. Энгель, Ф. Райнер. М., 2001. 328 с.

References

1. Alekseev, M. P. (1987) "Russkie perevody ody Goratsiya "Exegi monumentum"" [=Russian Translations of Ode by Horace Exegi Monumentum], in: *Pushkin I mirovaya literatura* [=Pushkin and world literature], Leningrad, pp. 236–265 (in Russ.).

2. Afanasyeva, E. A. and Moskalchuk, G. G. (2001) "Vozmozhnosti balansa formy a sblizhenii tekstov originala i perevoda" [=Possibilities of the form of a text in approaching the texts of the original and translation], in: *Aktualnye problemy literaturovedeniya i yazykoznaneya* [=Actual problems of literary criticism and linguistics], Biisk, pp. 88 – 108 (in Russ.).

3. Bekasova, E. N., Moskalchuk, G. G. and Prokifieva, V. Y. (2013) *Vektory interpretacii teksta: struktury, smysly, genesis* [=Vectors of Interpretation of a Text], Moscow, 217 p. (in Russ.).

4. Boldyreva, E. T. (2007) *Kreativnyi attraktor kak strukturnyi component teksta* [=Creative Attractor as a Structural Component of a Text], Chelyabinsk, 22 p. (in Russ.).

5. Buzaeva, Y. A. (2014) "Invariantnye tendentsii razvyertyvaniya struktury teksta soneta" [=Invariant Tendencies of Development of the Structure of a Text], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of Chelyabinsk State University], № 10 (339), pp. 24–29 (in Russ.).

6. Maklakova, T. B. (2010) *Rol' tropov i figur v tselom tekste: simmetro-pozitsionnyi aspekt* [=The Role of Tropes and Schemas in the Whole Text: Symmetric and Positional Aspect], Irkutsk, 20 p. (in Russ.).

7. Moskalchuk, G. G. (2010) *Struktura teksta kak sinergeticheskii protsess* [Structure of a Text as a Synergetic Process], Moscow, 296 p. (in Russ.).

8. Moskalchuk, G. G. and Buzaeva, Y. A. (2013) "Samopodobie teksta kak perevodcheskaya strategiya" [Self-similarity of a Text as a Translation Strategy]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [=Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], № 3 (24), pp. 199–207 (in Russ.).

9. Moskalchuk, G. G. (2014) "Aktualnye voprosy formoobrazovaniya teksta" [=Important Issues of Text Formation], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of Chelyabinsk State University], № 7 (336), pp. 47–50 (in Russ.).

10. *Slovar' inostrannykh slov* [=Dictionary of Foreign Words] (1987). Moscow, 608 p. (in Russ.).

11. Ebeling, V., Engel, A. and Reiner, F. (2001) *Fizika protsessov evolyutsii* [=Physics of Evolution Processes], Moscow, 328 p. (in Russ.).

Е. А. Панова (Епифанова)

ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРНОГО ТИПА ЖИТИЙНОГО ПРЕДИСЛОВИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЯХ (в период с VI до рубежа XIV–XV веков включительно)

Рассматривается эволюция структурного типа житийного предисловия в византийской и древнерусской агнографической традициях. Основная цель исследования – рассмотреть, как развивались житийные предисловия в Византии и на Руси, а также выявить, что нового было внесено древнерусскими книжниками в структуру житийных предисловий.

Ключевые слова: житие, предисловие, канон, тема, структура, традиция, мотив.

Любая литература связана с предшествующей традицией [4. С. 16]. Литература Древней Руси росла и создавалась под знаком византийской традиции. Византийские, а затем и древнерусские житийные предисловия отличались особой «трафаретностью» и характеризовались постоянным набором традиционных риторических тем. Данные темы были рассмотрены в классическом труде Х. М. Лопарева (Византийские жития святых VIII–IX вв.), в котором автор выявляет основные «клишированные» темы, характерные для предисловий к памятникам этого типа [7. С. 15–21].

Древнерусским предисловиям к старопечатным изданиям были посвящены специальные исследования А. С. Демина, который выделял во всех предисловиях три наиболее постоянные темы: прямые обращения к читателям и слушателям, рассуждения о значении чтения, пояснения о предлагаемом сочинении [3. С. 14].

Обратимся к сопоставительному анализу композиционной структуры предисловий к византийским и древнерусским житиям, созданным в разные исторические эпохи.

Одним из ранних переводных памятников славянской агнографии, повествующим о многотрудной жизни Константинопольского патриарха и отца церкви, знаменитого христианского оратора Иоанна Хрисостома является житие Иоанна Златоуста, написанное в конце VII или начале VIII в. [1. С. 151].

Анализ памятника выявил в данном предисловии набор следующих канонических тем: 1) **рассуждения о роли преданий**; 2) **восхваление Господа**; 3) указание на источники жития; 4) **объяснение причин обращения к жизнеописанию святого**; 5) **восхваление святого**.

Пространное предисловие к житию Иоанна Златоуста открывается рассуждением о транс-

миссии древних рассказов и повествований: *«Въеси древнии повѣсти пишущей ово о прежнихъ писати повѣдають, а другое слышавше, а другое сами видѣвъше»* [8. Стлб. 898]. Среди письменных традиций автор называет книги Ветхого Завета пророка Моисея: *«И другое болѣ того, въ книгахъ обряцеть иже попытаетъ, иже в годы своя къждо попыталь на увѣдѣние и на разумѣние иже по тѣхъ родове будут»* [8. Стлб. 899]. Затем следует тема восхваления Господа: *«Паки же по тѣхъ книгахъ ветхыхъ процѣте Господа нашего Исуса Христа славный приходъ, акы весна...»* [8. Стлб. 899]. Далее следует решение взяться за написание о святом: *«Сеже всего того дѣлма воспоминаемъ и на среду принесохомъ не без ума ни такоже прилучи...»* [8. Стлб. 900]. И восхваление святого: *«...и мы хоцемъ писати о преподобнѣмъ семъ и о пречистѣмъ и о всего мира учителя и о свѣтилници преблаженѣмъ Иоаннѣ...»* [8. Стлб. 900]. Автор говорит, что житие это писалось *«на пользу почитающимъ»*.

Клишированность тем в предисловии к житию Иоанна Златоуста проявляется и в предисловии к житию преп. Григория Акрагантского, созданного Леонтием в VI–VII вв. Небольшое по объему, оно включает следующие канонические темы: 1) **желание взяться за написание о святом**; 2) **авторское самоуничижение**; 3) **сомнение в способности описать жизнь святого**; 4) **восхваление святого**; 5) **указание на источники**.

Решение взяться за написание о святом и сомнение в способности описать его жизнь достойно проходит через все предисловие к данному житию. Автор боится приступать к повествованию, но, тем не менее, отмечает, с каким желанием он намерен это сделать: *«любовию послушающимъ и приемлющимъ»*,

«много любви моей гръзнѣй». Далее следует авторское самоуничижение: «оужасает бо ми ся оумъ, великому позороу памяти жития и терпѣнна исповѣдати не могоуща» [9. Стлб. 3123]. Автор восхваляет самого святого: «... отцмъ блговѣрнымъ, великоименитымъ моужемъ, дивно сего трпѣние и кротость дховнаа...» [9. Стлб. 3124]. Завершается данное предисловие указанием на источники: «Многи же инийпррци везде от правднихъ блаженю вѣщааша» [9. Стлб. 3124]. Все канонические темы в предисловиях к житиям Иоанна Златоуста и преп. Григория Акрагантского имели свою цель. Авторское самоуничижение и восхваление святого были необходимы для его прославления; рассуждения о роли преданий и указание на источники подчеркивали достоверность сведений о герое; сомнения в способности описать жизнь преподобного указывало на масштабность святого, жизнеописание которого затруднительно для автора. Рассмотренные предисловия имеют общие темы: указание на источники жития, восхваление как Господа, так и Святого.

Эти темы характерны и для памятника VI в. – **жития Саввы Освященного**, написанного византийским агиографом Кириллом Скифопольским и получившего широкое распространение в древнерусской книжности [14. С. 174]. В предисловии содержатся следующие канонические темы: 1) хвала Господу; 2) авторское самоуничижение; 3) указание на источники; 4) причины, побудившие написать; 5) решение взяться за повествование о святом; 6) обращение к Богу, мольба о помощи.

Данное предисловие начинается с благодарности Господу: «Блвенъ Бгъ и отць Га нашего Иуха...» [10. Стлб. 444]. Многократно звучит тема самоуничижения: «... иже и мнѣ окаанному по неизгланному его млрдию словесную кормлю ...» [10. Стлб. 444]. Несколько раз следует указание на источники: «Преже оубо сего вопрошаахъ прилѣжно древня и пустынный оца, от Еидимѣ вѣдуща во истину и съ блженнымъ Савою...» [10. Стлб. 444]. Цитата из святого благовествования от Матфея подтверждает необходимость выполнить писательский труд: «рабе лукавый и лѣнивый, лѣпоти бѣ положили серебряники Моя пре купцы» [10. Стлб. 444, Мф. 25, 26-27]. Кирилл Скифопольский, опираясь на библейскую притчу о таланте, не хочет разгневать Господа своим бездействием и показаться ленивым, так как понимает, как важен его труд. Автор взывает

о помощи, а также объясняет причины написания жития святого: «Васъ, присныа рабы богатаго Влкъ и Бга, от оци, помолити подвизаю слово, разумомъ текущее, и языки оуяснения от неоскудныхъ Его сокровищъ подати ми...» [10. Стлб. 447].

По мнению книжника, он создает свое произведение «ползы ради», осознавая и подчеркивая мысль о важности своего труда для религиозного просвящения людей. Автор считает, что этот святой не должен быть забыт. О «пользе» также упоминается в предисловии к житию Иоанна Златоуста.

Таким образом, в Византии сформировались каноны написания житий, в соответствии с которыми в предисловиях можно выделить 9 основных тем:

1) **рассуждения о преданиях**; 2) **хвала Господу**; 3) **восхваление святого**; 4) **указание на источники жития**; 5) **объяснение причин, побудивших написать о святом**; 6) **авторское самоуничижение**; 7) **сомнения в способности написания о святом**; 8) **решение взяться за написание**; 9) **обращение к Господу, мольба о помощи в создании текста**. Данные темы стали той основой, на которой составлялись предисловия древнерусских житий.

Византийские авторы стояли у истоков формирования житийных канонов, они допускали варьирование тем. Это определялось задачами, которые ставил перед собой автор, и его творческой индивидуальностью. Как правило, в каждом рассмотренном нами предисловии выделяется 5–6 канонических тем. Разнообразие текстов предисловий позволяет судить об индивидуальности автора, роли и подходе к традиции, а также о его новаторстве.

Рассмотрим особенности предисловий к древнерусским житиям.

Житие преп. Феодосия Печерского, написанное Нестором в конце XI в., **являлось первым оригинальным русским преподобническим житием**. Оно закладывало канон жанра предисловия в древнерусской агиографии.

Влияние византийского жития преп. Саввы Освященного на данное житие отмечал А. А. Шахматов в статье «Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия» [15. С. 50]. Е. Л. Конявская выявила немало общих мест (топосов): самоуничижение, касающееся невозможности рассказать о святом все; цель написания жития (душеполезного чтения, призванного дать образец для подражания) [5. С. 83–86].

Житие Феодосия Печерского является каноническим, в том числе его предисловие, построенное в соответствии с традициями византийской агиографии. Основной набор канонических тем в данном предисловии включает следующие: 1) **обращение к Богу**; 2) **благодарность** Господу; 3) **решение взяться за написание**; 4) передача божьих слов; 5) восхваление святого; 6) **мольба Бога о помощи**; 7) **восхваление** Господа.

Композиция предисловия отличается кольцевым обрамлением, вступление начинается и заканчивается обращением к Богу: «*Господи, благослови, отче!*» [11. С. 304]; «*Владыко мой, Господи вседержителю, благымь подателю, отче Господа нашего Исус Христа*» [11. С. 306]. Кольцевая композиция выбирается автором содержательно, она соединяет все канонические темы, направленные на прославление святости героя.

Автор неоднократно благодарит Бога за то, что «сподобил» его написать свой труд: «*Благодарю тя, владыко мой, Господи Исусе Христе...*» [11 С. 304].

Вслед за Кириллом Скифопольским, Нестор, опираясь на библейскую притчу о таланте, не хочет разгневать Господа своим бездействием и показаться ленивым, понимает, как важен его труд: «*Злыи рабе лънивыи, подобаше ти дати сребро мое тържъникомъ, и азъ пришед быхъ съ лихвою истязаль е*» [11. С. 306].

В конце вступления автор обращается с мольбой к Господу о помощи и восхваляет Бога: «*...прииди на помощь мнѣ и просвѣти сьрдьце мое...*» [11. С. 306].

В данном предисловии Нестор заложил традиции самоуничижения в древнерусской литературе. Унижая собственные способности, автор показывал, сколь велика роль Бога в успешном завершении дела [2. С. 29]. Самоуничижение позволяло возвеличить героя: «*яко сподобилъ мя еси недостойнаго съповѣдателя быти святымь твоимь въгодьникомъ...*» [11. С. 304].

В XIV–XV вв. получил развитие стиль «плетения словес», характеризующийся использованием большого количества эпитетов и риторических высказываний. Одним из ярких образцов данного жанра является житие митрополита Петра, созданное Киприаном в эпоху расцвета эмоционально-экспрессивного стиля. Данное житие традиционно по набору канонических тем, а его предисловие включает следующие темы: 1) обращение к Богу;

2) восхваление святого; 3) объяснение причин, побудивших написать житие; 4) сомнения в успехе написания; 5) **авторское самоуничижение**; 6) решение взяться за написание о святом; 7) указание на источники.

Автор размышляет о необходимости поствествования о святом: «*но пакы неправедно, судих, таковаго святителя венець неукрашен некако оставити, аще и прежде нас бывши самохотиемь преминуша*» [13. С. 76].

В соответствии с канонем Киприан наполняет предисловие библейскими мотивами. Он упоминает о евангельской вдовице, которая отдала все деньги, что у нее были, высказывая тем самым полное доверие Богу. Таким образом реализуется тема самоуничижения, каноническая для древнерусских авторов: «*и азъ убо многими деньми томим и правлачимь любовию к истинному пастуху...*» [13. С. 76].

В отличие от жития преп. Феодосия Печерского, в данном предисловии впервые в древнерусской житийной литературе появляется указание на источники жития, которые автором не конкретизируются: «*елико от сказатель бслышах*» [13. С. 76].

Итак, небольшое по объему предисловие к житию митрополита Петра включает все канонические темы, присущие древнерусским житиям более раннего периода. Схема построения проста и логична. Несколько раз звучит в данном предисловии ставшая канонической тема авторского самоуничижения.

Следующий рассматриваемый памятник агиографии – житие преп. Сергия Радонежского. По сравнению с предыдущими текстами, в данном предисловии обнаруживается 9 канонических тем: 1) **восхваление** Господа; 2) **благодарность** Богу; 3) **самоуничижение**; 4) **решение** взяться за написание о святом; 5) указание на источники жития; 6) **сомнения в способности** написания; 7) мольба Господа о помощи; 8) мольба святого о помощи; 9) **восхваление** святого.

Автор собрал воедино максимальное, по сравнению с другими житиями, количество канонических тем. Очевидно, это объясняется тем, что именно в этом житии стиль «плетения словес» достиг своего наивысшего развития. Кроме того, это свидетельствует об образованности автора, о знании им канонических житийных текстов.

В данном предисловии отчетливо прозвучала тема общественной значимости писательского труда, что указывает на византийскую

традицию. По мнению книжника, он создает свое произведение «*ползы ради*». Традиционно выделяется тема благодарности и восхваления Всевышнего: «*Слава Богу о всеь и всячьских ради, о нихже всегда прославляется великое и трисвятое имя, еже и присно прославляемо есть!...*» [12. С. 256].

Впервые появляется тема сомнения в своих способностях справиться с написанием произведения о таком великом святом: «*Дивлю же ся о семь, како толико летъ минуло, а житие его не писано. ...По лете убо едином или по двою по преставлении старцево азъ, окаанный и вседръзый, дръзнух на сие*» [12. С. 256]. При этом «традиционный образ автора – “недостойного” и “неразумичного” – нельзя воспринимать слишком буквально и отождествлять с внутренним самосознанием древнерусского писателя» [6. С. 20, 148].

Следуя традиции, Епифаний Премудрый много говорит об источниках жития, к которым относит рассказы очевидцев, а также на то, чему был свидетелем сам: «*И обрѣтохъ нѣкыя старца премудры въ отвѣтѣх, разсудны и разумны, и въпросих я о нем...*» [12. С. 259].

В житии неоднократно звучит ставшая традиционной тема мольбы Господу о помощи: «*...Надеюся на милосердаго Бога и на угодника его, преподобнаго старца, молитву, и от Бога прошу милости, и благодати, и дара слову, и разума, и памяти...*» [12. С. 262].

Епифаний Премудрый прибегает к византийско-русской традиции, используя библейскую цитату о «*лѣнливом рабе*». С одной стороны, это указывает на каноничность данной притчи, с другой стороны, она подчеркивает ее значимость для средневекового автора.

Таким образом, древнерусские книжники, возвеличивая русских святых, не только обращались к традиции, но стремились внести творческое начало в комплекс имевшейся религиозной словесности. Все вступления раскрывают двойственную позицию авторов: с одной стороны, все они подчеркивают свою малость (самоуничужение), с другой стороны, указывают на свое право напрямую обратиться к Господу. Это право дается им обращением к жизнеописаниям святых.

Эволюция структурного типа житийных предисловий в данных текстах шла по линии расширения канонических тем. В отличие от византийских авторов, древнерусские книжники использовали более широкий комплекс клишированных тем, что обусловлено осо-

бенностями авторского стиля и риторическим характером повествования, присущим агиографическим произведениям рубежа XIV–XV вв.

Список литературы

1. Буланин, Д. М. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV вв. / Д. С. Лихачев (ред.). Л., 1987. С. 151–153.
2. Бычков, В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. М., 1995. 637 с.
3. Демин, А. С. Древнерусские рукописные книжные предисловия XI–XII вв. // Русская старопечатная литература XVI – первая четверть XVIII в. М., 1981. 266 с.
4. Ерёмин, И. П. Литература древней Руси. М.–Л., 1966. 266 с.
5. Конявская, Е. Л. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на примере агиографии). Київ, 2004. С. 80–92.
6. Конявская, Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М., 2000. 199 с.
7. Лопарев, Х. М. Византийские жития святых VIII–IX вв. // Византийский временник. Т. 17, вып. 17. СПб., 1911. С. 1–224.
8. Митрополит Макарий. Великие Минеи Четьи. Ноябрь, 13. Житие св. Иоанна Златоуста. СПб., 1874.
9. Митрополит Макарий. Великие Минеи Четьи. Ноябрь, 23. Житие преп. Григория Акрагантского. СПб., 1874.
10. Митрополит Макарий. Великие Минеи Четьи. Декабрь, 5. Житие преп. Саввы Освященного. СПб., 1874.
11. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. Житие Феодосия Печерского. М., 1978. С. 304–307.
12. Памятники литературы Древней Руси XIV–XV вв. Житие Сергия Радонежского. М., 1981. С. 256–265.
13. Седова, Р. А. Святитель Петр Митрополит Московский. М., 1993. 417 с.
14. Творогов, О. В. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV вв. / Д. С. Лихачев (ред.). Л., 1987. С. 174–175.
15. Шахматов, А. А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия. ИО РЯС, 1986. Т. 1, кн. 1. С. 46–65.

References

1. Bulanin, D. M. (1987) "Zhitie Ioanna Zlatoustu" [=The life of Ioann Zlatoust], in: *Slovar Knizhnikov i Knizhnosti drevnei Rusi. XI – pervaya polovina XIV vekov* [=The Dictionary of bibliophiles and books of the Old Russia. XI – the first half of the XIV centuries], redactor D. S. Lihachev, Leningrad, pp. 151–153 (in Russ.).
2. Bychkov, V. V. (1995) *Russkaya srednevekovaya estetika XI–XVII vekov* [=Russian medieval aesthetics of XI–XVII centuries], Moscow, 637 p. (in Russ.).
3. Demin, A. S. (1981) "Drevnerusskie rukopisnye knizhnye predisloviya XI–XII vekov" [=The Old Russian Handwritten Bookish Introductions of XI–XII centuries], in: *Russkaya staropechatnaya literatura XVI – pervaya chetvert XVIII vekov* [=The Russian old-printed literature of XVI – the first quarter of XVIII centuries], Moscow, 266 p. (in Russ.).
4. Eremin, I. P. (1966) *Literatura drevnei Rusi* [=Literature of the Old Russia], Moscow–Leningrad, 263 p. (in Russ.).
5. Konyavskaya, E. L. (2004) "Problema obshih mest v drevneslavjanskikh literaturah (na primere agiographii)" [=The Problem of Common Places in Old Slavic literatures (concerning hagiography)], Kiev, P. 80–92 (in Russ.).
6. Konyavskaya, E. L. (2000) *Avtorskoe samoznanie drevnerusskogo knizhnika (XI – seredina XV vekov)* [=Author's Self-consciousness of the Old Russian Writer (XI – middle of the XV centuries)], Moscow, 199 p. (in Russ.).
7. Loparev, H. M. (1911) "Vizantijskie zhitia svyatiyh VIII–IX vekov" [=Byzantine lives of VIII–IX centuries], in: *Vizantijsky vremennik* [=Byzantine vremennik], Volume 17, Saint-Petersburg, P. 1–224 (in Russ.).
8. Mitropolit Makary. (1874) "Zhitie svyatite-lyia Ioanna Zlatousta" [=Life of saint Ioann Zlatoust], in: *Velikie Minei Chetyi* [the Menology], November, 13, Saint-Petersburg (in Russ.).
9. Mitropolit Makary. (1874) "Zhitie prepodobnogo Grigoriya Akragantiyskogo" [Life of reverend Grigory Akragantiysky], in: *Velikie Minei Chetyi* [the Menology], November, 23, Saint-Petersburg (in Russ.).
10. Mitropolit Makary. (1874) "Zhitiye prepodobnogo Savvy Osvyashennogo" [=Life of reverend Savva Osvyashenny], in: *Velikie Minei Chetyi* [the Menology], December, 5, Saint-Petersburg (in Russ.).
11. *Pamyatniki literaturyi Drevnei Rusi. Nachalo russkoi literaturyi. XI – nachalo XII veka. Zhitie Feodosija Pecherskogo* (1978) [=Monuments of Old Russian literature. The Origin of Russian Literature. XI – beginning of the XII century. Life of Feodosy Pechersky], Moscow, P. 304–307 (in Russ.).
12. *Pamyatniki literaturyi Drevnei Rusi XIV–XV vekov. Zhitie Sergija Radonezhskogo* (1981) [=The Monuments of Old Russian Literature of XIV–XV centuries. Life of Sergy Radonezhsky], Moscow, P. 256–265 (in Russ.).
13. Sedova, R. A. (1993) *Svyatitel Petr Mitropolit Moscovsky* [=Saint Petr Metropolitan of Moscow], Moscow, 203 p. (in Russ.).
14. Tvorogov, O. V. (1987) "Zhitie Savvyi Osvyashennogo" [=The Life of Savva Osvyashenny], in: *Slovar knizhnikov i knizhnosti drevnei Rusi. XI – pervaya chetvert XIV vekov* [The Dictionary of Bibliophiles and Books of Old Russia. XI – the first quarter of XIV centuries], D. S. Lihachev (redaktor), Leningrad, P. 174–175 (in Russ.).
15. Shahmatov, A. A. (1986) *Neskolko slov o Nestorovom zhitii Feodosiya* [=Some Words about Life of Feodosy by Nestor], IO RYAS, Volume 1, P. 46–65 (in Russ.).

ТОПОНИМЫ И НАРОДНЫЕ ТОПОНИМЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Предпринята попытка выявить особенности топообразования на примере ойконимов, микро-топонимов и народных топонимов Челябинской области. Рассмотрены причины сохранения и нарушения топонимической устойчивости, роль заимствований в топонимике поликультурной географической и социальной общности.

Ключевые слова: *топонимы, микротопонимы, ойконимы, народные топонимы, переосмысление значения слова, топонимическая устойчивость.*

Изучение топонимов с позиций лингвокультурологии представляется весьма актуальным направлением современной лингвистики. Автор статьи неоднократно обращался к исследованию данной проблематики в основном на примере топонимов и микротопонимов на материале английского языка, анализируя их универсальные и национально-культурные особенности [6; 7]. Топонимы являются одной из самых устойчивых лексических систем, однако в ряде случаев топонимическая система претерпевает существенные количественные и качественные изменения. Рассмотрим некоторые причины таких изменений на примере ойконимов и микротопонимов Челябинской области.

Промышленная Челябинская область в настоящее время входит в состав Уральского федерального округа. Область была образована относительно недавно, в 1934 г. По данным информационно-новостного портала *Chelindustru.ru* в составе современной Челябинской области 317 муниципальных образований, в т. ч. 16 городских округов, 27 муниципальных районов, 27 городских поселений и 247 сельских поселений. Кроме того, города Челябинск и Магнитогорск включают в свой состав 10 городских районов. Самые молодые населенные пункты, официально признанные городами – Озерск, Снежинск, Трехгорный и Локомотивный [3]. На территории Челябинской области проживают представители почти всех народов, населяющих Россию: русские составляют 82 % населения, татары – 6 %, башкиры – 5 %, украинцы – 2 %, немцы, белорусы, мордва и казахи – по 1 % [3]. Население региона полиэтнично, на территории области живет более двадцати национальностей, что не могло не отразиться на ее топонимике. Топонимическая система области включает в себя русскоязычный, тюркский и даже иранский пласты, многочисленные заимствованные топонимы.

Топонимическая устойчивость может нарушаться в результате языковых контактов, социально-политических изменений, словотворчества и языковой экономии.

В первых двух случаях происходят изменения в официальных топонимах, в третьем и четвертом официальные названия населенных пунктов не меняются, однако новые названия прочно закрепляются в языковом сознании жителей. Первые две причины можно считать универсальными характеристиками топонимики, остальные факторы, определяющие трансформацию топонимов, представляются национально-культурными особенностями исследуемой лексики. Ассимилятивные изменения в топонимах, особенности русификации тюркских топонимов были подробно выявлены в диссертационной работе Л. Н. Давлеткуловой «Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области)» [1]. Основной тенденцией при этом считаем упрощение татарских и башкирских топонимов путем добавления русских формантов.

По справедливому мнению В. А. Никонова, топонимы, указывающие на имя владельца, появляются в эпоху феодализма, сделавшей землю собственностью, тогда и «появилось много принадлежностных названий и имя владельца земли считалось основным различительным признаком» [4. С. 30]: *Ивана Васильевича угодье, родник Марьины слезы, Марфина горка, Михайловские поля, Семенов покос.*

Имена собственные, указывающие на имя основателя или хозяина, встречаются и в ойконимах: поселок *Борисовка*, поселок *Тимофеевка*, деревня *Ваняшкино*, село *Варламово*, село и поселки *Смолино*, поселок *Исаково*, село *Филимоново* и многие другие.

Л. Н. Давлеткулова приводит интересные примеры измененных названий-посвящений,

встречающихся на территории Челябинской области, которые восходят к именам царей, императоров, княгинь, святых: деревня *Александровка*, *Александро-Невский* поселок, деревня *Алексеевка*, село *Анненское*, село *Великопетровка*, село *Владимировка*, село *Екатериновка*, город *Златоуст*, село *Михайловка*, поселок *Павловский* [1. С. 168].

Изменениям подверглись фамилии видных государственных деятелей, полководцев в названиях-посвящениях, появившихся в советский период: поселки *Дзержинка*, *Кировский*, *Куйбышевский*, *Ленинск*, село *Тимирязевское*, деревня *Чапаевка*.

На территории Челябинской области довольно много топонимов-заимствований. Из многочисленных заимствованных ойконимов региона (*Варна*, *Лейпциг*, *Бреды*, *Берлин*, *Чесма*, *Париж*, *Тарутино* и др.), данных населенным пунктам в честь побед русских войск в войнах 1799 и 1813–1814 гг, во время которых уральские казаки и нагайбаки служили в российской армии, лишь несколько ойконимов подверглись морфологическим трансформациям не только в народной, но и в официальной топонимике. Вместо оригинальных названий *Варшава*, *Бородино*, *Арсисюр-Обе*, *Кассель* на карте Челябинской области появляются упрощенные производные ойконимы: *Варшавка*, *Бородиновка*, *Арсинский*, *Кассельский*. Вероятно, это связано с отечественными традициями номинации небольших населенных пунктов, при которой используются продуктивные ойконимические форманты «-ий», «-ка». Более простые в произношении двусложные ойконимы *Берлин*, *Париж*, *Варна*, *Лейпциг*, *Чесма* и ойконим-заимствование позднего происхождения *Порт-Артур* не терпели изменений.

Топонимы сохраняют устойчивость в официальных словарях, справочниках, на географических картах. При неофициальном использовании топонимы и микротопонимы подвергаются сокращению и аффиксации, в результате появляются народные топонимы, употребляющиеся в разговорной речи чаще официальных названий. Народный топоним *Южняк* заменяет *Южноуральск*, *Челяба* – *Челябинск*, топоним *Фершенка* используется вместо сложно выговариваемого названия населенного пункта Фершампенуаз (поселок в Нагайбакском районе Челябинской области, названный в честь сражения 25 марта 1814 г. при Фер-Шампенуазе).

Сокращения меняют нейтральное значение топонимов на более эмоциональное, хотя и не всегда положительно коннотированное значение. В народной топонимике распространено создание вариантов и стилистических синонимов топонимов. Синонимами Челябинска являются лексемы *Челяба*, *Чикага*, *Чикагинск*, *город Ч*, *Чили*. Интересны измененные, иронично звучащие, но легко узнаваемые названия американского промышленного центра *Чикага* и *Чикагинск*, используемые в качестве стилистических топонимических синонимов промышленного центра Урала. Сокращенный народный топоним *Корка* и трансформированный стилистический сниженный синоним *Кожуркино* употребляются для обозначения *Коркино* (города, административного центра Коркинского района Челябинской области, поселения, возникшего в середине XVIII в. По одной из версий, в названии отражена фамилия четырех братьев Коркиных, государственных крестьян, служивших в Челябинской крепости в 1736 г, по другой, Коркино основал беглый каторжанин Афанасий Коркин).

Мясо (*Миасс*) и *Чебара* (*Чебаркуль*), *Мажаяевка* (*Еманжелинск*) – интересные примеры сокращений городских названий. В первом примере наблюдается стяжение и изменение корневых гласных, добавление суффикса существительного. Под влиянием народной этимологии тюркский топоним (ойконим *Миасс* происходит от названия реки Миасс (башкирское *Мейэс*), который, в свою очередь, имеет либо древнеугорское, либо иранское происхождение, как и ряд других топонимов Южного Урала: *Аргаяш*, *Мисяш* с формантом «-аш»/ «-ас», предположительно со значением «вода», «друг») превращается в омофон существительного *мясо*.

Во втором примере произошло сокращение ойконима и русификация тюркского по происхождению топонима путем добавления форманта «-а». Город *Чебаркуль*, расположенный на восточном склоне Ильменского хребта на берегу одноименного озера, имеет тюркское происхождение. Тюркские названия города и озера *Чебаркуль* означают «красивое, пестрое озеро» [7].

Народный топоним *Мажаяевка* полностью изменил звуковую форму исходного ойконима *Еманжелинск*.

Из сокращенных топонимов *Магнитка* (*Магнитогорск*), *Злат* (*Златоуст*) и др. только первый стал частотным не только среди жите-

лей Челябинской области, но и за ее пределами, несмотря на наличие в области одноименного поселка. Популярность *Магнитки* можно объяснить известностью градообразующего металлургического комбината. Народный ойконим *Первое Озеро* (поселок *Первоозерный*) превратился в композит.

Сокращения распространены как в официальной, так и в народной микротопонимике Челябинска и области. Металлургический район областного центра (Соцгород) известен как ЧМЗ, Тракторозаводский район – ЧТЗ, север Ленинского района возле перечеления ул. Гагарина и Копейского шоссе – КБС. У этого района существует сниженный стилистический синоним *Кобылка* (КБС – акроним «коммунально-бытовое строительство»); юго-восток Ленинского района (возле ЧКПЗ) – КПЗиС, АМЗ – юго-запад города, возле Уфимского тракта, рядом с автоматно-механическим заводом. ЗЭМ – район завода электромашин (ул. Машиностроителей). Калибр – район ул. Худякова (между перекрестками с ул. Лесопарковой и Энтузиастов). Многие крупные предприятия прекратили свое существование, но нейтральные по значению и переосмысленные стилистически сниженные микротопонимы сохранились и активно употребляются в речи. Так, Металлургический район ЧМЗ имеет и сниженный вариант номинации *Чумазе*. Географическое положение зачастую является причиной появления народных топонимов. Так, западная и центральная части Калининского и Курчатковского районов г. Челябинска известны как *Северо-Запад* и поэтично звучащий *Северок*, а *Заречье* как Калининский район. Антропонимы являются источниками неофициальных микротопонимов: престижный 39-й микрорайон (западнее пос. Шершни) областного центра – *Тарасовка* известен по фамилии бывшего губернатора, ул. Кирова между ул. Труда и пр. Ленина – *Кировка*, ул. Воровского – *Воровская* [8].

Антропоним может исчезнуть из названия при переосмыслении, как это случилось с *Колупаевкой*, которое стало гораздо популярней официального названия поселка имени Урицкого. Источниками народной микротопонимии служат памятники, комплексы зданий или отдельно стоящие сооружения. Угол пр. Ленина и ул. Красной называется *Орлёнок*, *Орёл* (там установлен известный памятник Орленку); *Танк* – название Комсомольской площади, *Башия* – магазин на ул. Горького в доме с ба-

шенкой; *Пейте черный кофе* – продуктовый магазин в районе ул. Доватора (по рекламе кофе на фасаде здания в советский период и современному названию магазина).

Сниженный микротопоним *Колуха* является названием Дома культуры завода им. Колющенко. *Три товарища* – гастроном на ул. Цвиллинга в центре города [8].

Локальные микротопонимы существуют нередко и после исчезновения их источников: *Переселенка* – привокзальный район Челябинска, на месте которого в войну существовал переселенческий пункт для эвакуированных.

Профессиональная деятельность также отражена в Челябинской микротопонимике: *МВДевский городок* – комплекс домов в центре Челябинска, квартиры которых распределялись первоначально среди сотрудников МВД, *Профессорский* – дом и магазин в районе ЮрГУ, где жили преподаватели бывшего Политехнического института. Метафоричны микротопонимы *Долина смерти* – маршрут трамвая в районе кладбища, Цинкового и Лакочасочного заводов, унылой, пугающе протяженной промышленной зоны города Челябинска; *Косой* – магазин на ул. Воровского (по расположению к дороге); *Огород* – Городской сад; *Тещин язык* – развязка улиц Гагарина, Харлова, Рождественского, Копейского шоссе и автодороги «Меридиан» в Ленинском районе и многие другие микротопонимы областного центра. *Пентагон* – жилой квартал на улицах Братьев Кашириных, Чайковского и Университетской набережной и одноименный дом на тысячу квартир в этом районе.

Таким образом, как официальные топонимы, так и народные топонимы – их неофициальные стилистические синонимы – подвержены разнообразным формальным и семантическим трансформациям, отражающим языковую картину мира жителей поликультурного и полиэтничного региона.

Список литературы

1. Давлеткулова, Л. Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области) : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014. 220 с.
2. Информационно-новостной портал Челябинской области Chelindustry.ru [Электронный ресурс]. URL: http://chelindustry.ru/left_prom2.php?tr=13.

3. Мировая география [Электронный ресурс]. URL: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?code=74&id=33>.

4. Никонов, В. А. Введение в топонимику. М., 1965. 180 с.

5. Официальный портал города Чебаркуля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chebarcul.ru/city/about>.

6. Питина, С. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале названий казино Лас-Вегаса) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 4 (295). Филология. Искусствоведение. Вып. 75. С. 86–89.

7. Питина, С. А. Особенности американских географических названий (на материале американских национальных парков) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 6 (261). Филология. Искусствоведение. Вып. 64. С. 97–99.

8. Уралочка – народные топонимы Челябинска [Электронный ресурс]. URL: <http://uralochka.livejournal.com/760039.html>.

References

1. Davletkulova, L. N. (2014) *Toponimy v lingvokulturologicheskom aspekte (na primere geograficheskikh nazvanii grafstva Oksfordshir i Chelyabinskoi oblasti)* [=Place Names in Language and Cultural Aspect (on the Example of Geographical Names of Oxfordshire and Chelyabinsk Region)], Chelyabinsk, 220 p. (in Russ.).

2. *Informatsionno-novostnoi portal Chelyabinskoi oblasti Chelindustru.ru* [=Chelyabinsk Region Informational Portal Chelindustru.ru],

available at: http://chelindustry.ru/left_prom2.php?tr=13, accessed 17.12.2014 (in Russ.).

3. *Mirovaya geografiya* [=World Geography], available at: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?code=74&id=33>, accessed 17.12.2014 (in Russ.).

4. Nikonov, V. A. *Vvedenie v toponimiku* (1965) [=Introduction into Toponymics], Moscow, 180 p. (in Russ.).

5. *Ofitsialnyi portal of gorod Chebarkul* [=Chebarkul Official Portal], available at: <http://www.chebarcul.ru/city/about>, accessed 17.12.2014 (in Russ.).

6. Pitina, S. A. (2013) “Lingvokulturologicheskii analiz urbanonimov (na materiale nazvanii kazino Las-Vegasa)” [=Language and Cultural Analysis of Urban Names (on the Example of Las-Vegas Casinos)], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of Chelyabinsk State University], №4 (295), pp. 86–89 (in Russ.).

7. Pitina, S. A. “Osobennosti amerikanskikh geographicheskikh nazvanii (na material amerikanskikh natsionalnukh parkov)” [=Peculiarities of American Geographical Names (on the Material of American National Parks)], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, № 6 (261), pp. 97–99 (in Russ.).

8. *Uralochka – narodnye toponimy Chelyabinsk* [=Uralochka – Folk Place Names of Chelyabinsk], available at: <http://uralochka.livejournal.com/760039.html>, accessed 17.12.2014 (in Russ.).

О. Б. Пономарева

МЕЖСЕМИОТИЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ КУЛЬТУРЫ НА ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК

Рассматриваются проблемы семиотической транспозиции, взаимодействие концептов культуры и их языковая реализация в поэтическом тексте. Предлагается анализ когнитивных моделей и когнитивно-ассоциативных схем семантической конвергенции, вызывающие процессы метафорических и метонимических сдвигов значения, чтобы передать индивидуальное и поэтическое видение мира. Лингвостилистический анализ поэмы Дилана Томаса проводится с помощью идеографического метода и метода когнитивного моделирования.

Ключевые слова: когнитивные модели и схемы, семиотическая транспозиция, концептосфера культуры, метафорические и метонимические транспозиции.

Понимание культуры как концептуальной сущности, воплощаемой в разных семиотических комплексах, создаваемых тем или иным народом, составляет основу культурологического подхода. Концептосфера культуры – это «особый, отличный от естественного языка семиотический симбиоз, который складывается из нескольких ее предметных областей – культуры материальной – всей совокупности артефактов, несущих наряду с функционально – “вещным” их бытием надличностный культурный смысл, из плодов социального и духовного самосознания человека как личности в микро- и макрокосмосе, которые формировались на основе “коллективных представлений” (по К. Леви-Брюлю)». Концептосфера культуры является совокупностью семиотически объективируемых концептов, объединенных системными связями. Диапазон этой объективации достаточно широк и включает семиотику повседневной деятельности вплоть до сложнейших семиотик искусства и социальных отношений [7. С. 110].

Проблема межсемиотической транспозиции

Изучение особенностей взаимодействия различных семиотических областей – культуры и естественного языка – связано с проблемой **межсемиотической транспозиции**, термином, введенным Р. Якобсоном и понимаемым как «перевод из одной системы знаков в другую, как “перекодирующая интерпретация”», то есть интерпретация вербальных знаков с помощью невербальных [20. С. 24]. Концептуальный характер этого процесса заключается в переносе концептуального содержания знаков одной системы в другую систему знаков, со-

провожаемый различными модификациями с сужением, расширением или актуализацией концептуальных оставляющих.

Ю. С. Степанов, рассматривая семиотику концептов, обратился к истории этого направления, в частности, к эволюционным рядам Э. Б. Тайлера, представителя эволюционной школы, считавшего, что все явления культуры распределяются по видам, то есть созданные человеком предметы, обычаи, ритуалы, верования и так далее – все это виды, аналогичные видам растений и животных [20. С. 603]. «Точно так же, как каталог всех видов растений и животных известной местности дает нам представление о ее флоре и фауне, полный перечень явлений, составляющих общую принадлежность жизни известного народа, суммирует собой то целое, что мы называем культурой» [20. С. 28]. В меньшей степени Э. Б. Тайлер обращал внимание на взаимоотношения эволюционных рядов друг с другом. В современном семиотическом подходе к культуре этот недостаток восполняется исследованием семиотических цепей между соответствующими одновременными синхронными звеньями различных эволюционных рядов с установлением отношений сходства, образующих «парадигмы», или стили данной эпохи [20. С. 605]. Принцип эволюционного ряда дополняется также изучением отношений от предшествующего звена к звену последующему, когда знак предшествующего звена становится знаком последующего (пример замещения: *карета – автомобиль – вагон поезда – car*). Форма выступает знаком занятого места, функции или назначения, форма значима, она санкционирует предмет. **Семиотический процесс замещения есть процесс преемственности и эволюции и трактуется**

как эволюционный семиотический процесс и ряд.

Эволюционные семиотические ряды

Основное отношение между замещаемым и замещающим явлениями в эволюционном ряду часто оформляется знаком, то есть словом языка (напр., *Car, Wagen, шофер* (фр.) – «истопник, кочегар, водитель автомобиля»). Эволюционные семиотические ряды показывают, что в сфере культуры замещение одного предмета другим и перенос на второй формы и облика первого – это явления того же порядка, что перенос имени с одного предмета на другой, в более частном и специальном случае, образование нового слова на основе прежнего (снег – подснежник), это явление того же порядка, что включение прежнего предмета в состав более сложного нового (каре́та-вагон-купе). Все типы процессов могут совмещаться, захватывая как материальную, так и духовную культуру, напр., европейская (русская) филология образовалась на основе терминологии прядения и ткачества [20. С. 608].

Определение культуры как подчиненной структурным правилам знаковой системы позволяет взглянуть на нее как на язык в общесемиотическом значении этого термина [16. С. 396]. Культура – исторически сложившийся пучок семиотических систем (языков), который может складываться в единую иерархию (сверхязык), но может представлять собой и симбиоз самостоятельных систем. Рассмотрение культуры как совокупности текстов могло бы быть наиболее простым путем для построения культурологических моделей [16. С. 397].

Культурологические модели

Освоение мира путем превращения его в текст, «культуризация» его, допускает два противоположных подхода.

1. Мир – текст. Культурное освоение мира человеком – изучение его языка, дешифровка этого текста, перевод его на доступный человеку язык. Отсюда – устойчивый образ природы как книги (эпоха романтизма) [16. С. 398]. *С природой одною он жизнью дышал: / Ручья разумел лепетанье, / И говор древесных листов понимал, / И чувствовал трав прозябанье; / Была ему звездная книга ясна, / И с ним говорила морская волна.* (Баратынский «На смерть Гете») [9. С. 171].

2. Мир – не текст. Он не имеет смысла. [16. С. 399].

Природа – сфинкс. И тем она верней / Своим искусом губит человека, / Что, может статься, никакой от века / Загадки нет и не было у ней. (Тютчев) [9. С. 220].

Фрэнсис Бэкон также считал, что язык создан не для описания реальности, его создали люди случайные и пустые; язык постоянно ведет к ошибкам [цит. по: 5. С. 412].

В эссе «Вавилонская библиотека» Хорхе Луис Борхес называет Вселенную Библиотекой, состоящей из огромного числа шестигранных галерей, с двадцатью полками на каждой стороне, с зеркалами, удваивающими видимое, с лампами в каждом шестиграннике... Библиотека – это шар, точный центр которого находится в одном из шестигранников, а поверхность – недостижима. На полке 32 книги одного формата, в каждой – 400 страниц, на каждой странице 40 строчек, в каждой строке около 80 букв черного цвета... Число знаков для письма равно 25. Эта аксиома позволила 300 лет назад сформулировать общую теорию Библиотеки и разрешить до тех пор неразрешимую проблему неясной и хаотической природы почти каждой книги. Некоторые библиотекари утверждают, что те, кто изобрел письмо, имитировали 25 природных знаков, их применение случайно и сами по себе книги ничего не означают [5. С. 102].

Эта метафора разворачивается у него в ряд взаимоотражающихся зеркал. Слово как парабола Книги, Книга как парабола Библиотеки, Библиотека как парабола Дворца или Сада, Сад и Дворец как парабола Мироздания. Вместе с тем Сад – это парабола Рая, а Книга – это Лабиринт и, в то же время, Книга – это Время. Это философское сближение зародилось в недрах древнейших цивилизаций. Д. С. Лихачев пишет: «Сад – это подобие Вселенной, книга, по которой можно “прочитать” Вселенную. ... Вселенная своего рода текст, по которому читается божественная воля» [15. С. 17].

У Борхеса Книга – это нескончаемый и искаженный образ мира, в котором нас ждут бесчисленность временных рядов, растущая, головокружительная сеть расходящихся, сходящихся и параллельных времен.

Язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов. (К. Леви-Стросс). Язык является важнейшим способом формирования знаний человека об окружающем мире, так как в слове отражаются

процессы и результаты познания действительности. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, в различных концепциях называется «языковой промежуточный мир», «языковая репрезентация мира», «языковая модель мира» или «языковая картина мира» [19]. Представители когнитивной лингвистики подчеркивают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, непосредственно зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним. Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа или системы образов, так называемого пятого квазиизмерения (термин А. Н. Леонтьева). Это система значений или определенное «смысловое поле». Картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, этических, культурных, социальных и др. параметров. Ю. Д. Апресян говорит о наивной картине мира, подчеркивая ее донаучный характер, не свободный от ошибок и сугубо субъективных толкований [1]. Изучая семантику слов, можно выявить специфику мыслительных (когнитивных) процессов и моделей, участвующих в создании своеобразной наивной картины мира, зачастую отличной от научной.

Картина мира, закодированная с помощью языковой семантики, по мнению В. Б. Касевича [12], со временем устаревает и не соответствует новым представлениям и реалиям. Возникает расхождение между архаической и семантической системой языка и актуальной ментальной моделью, необходимой для данного языкового коллектива, что, в свою очередь, ведет к изменению значения слов прежнего языкового инструментария.

Термин «языковая картина мира» зачастую трактуется как метафора, означающая специфическое изображение нашего мира, обусловленное национальной значимостью явлений, процессов, предметов, определенной избирательностью, порождаемой спецификой деятельности, образом жизни и национальной культурой того или иного народа (В. А. Маслова, Г. В. Колшанский, Л. М. Васильев, О. А. Корнилов и др.).

Картина мира или наше знание о мире лежит в основе коллективного и индивидуального сознания, а язык выполняет требования познавательного процесса. Концептуальные картины мира могут быть различными у людей разных эпох, разных социальных, возрастных

групп, в разных областях культуры и научного знания, совмещая общечеловеческое, национальное и личностное. В наивной языковой картине мира возможно и расширение понятий по сравнению с научной картиной мира, широкое использование метафор, сравнений, символов, как результат процессов семантической деривации, определяющих универсальность и специфику конкретной национальной языковой картины мира. Например, «сердце» не только орган кровообращения, но и центр эмоциональных переживаний в русской культуре, тогда как в японском языке печень символизирует орган чувств, а в итальянском языке печень имеет символическое значение «храбрости», а также «нежности» и «зависти» в некоторых диалектах. Так единицы языка приобретают в языке культуры дополнительную, культурную семантику. Таким образом, выделяются универсальные концепты или архетипы [22], базовые концепты или константы определенной национальной культуры [21] и поэтические концепты, характерные для мировосприятия того или иного поэта или писателя.

Следовательно, наряду с языковой картиной мира можно говорить и о поэтической картине мира как особого, сложнейшего мира мыслей, эмоций и духовных ценностей человека. Слово, являясь базовым, центральным, ключевым знаком языка, речи и текста, передает, выражает, моделирует в тексте реальный и ирреальный миры и формирует поэтическую картину мира того или иного художника слова [3]. Слово вбирает в себя «все», обладая потенциалом развертывания всей картины мира из одной единственной точки, это, возможно, то слово, которое «было в начале» [13. С. 153].

Лексический уровень играет ведущую роль в образовании тех или иных смыслов поэтического текста, так как текст имеет лексическую структуру, строится по сетевому принципу с учетом различных связей лексических единиц по горизонтали (линейное развертывание текста) и по вертикали (ассоциативно-семантические связи лексических единиц). Сетевой принцип предполагает наличие «узлов», фокусирующих пучки связей и отношений лексических элементов, образующих тематическую сетку [2; 6; 16]. Корни языковой образности, по мнению Ю. Н. Караулова, уходят в тезаурус, в систему знаний, и тезаурусное отражение действительности составляет основу познания [11. С. 169]. Единицы лексического уровня в поэтическом тексте объединяются в семанти-

ческие и тематические группы, образуя тематическую сеть содержательно-концептуальной структуры текста. Выявляя и моделируя такие группы слов, можно составить лексический словарь-тезаурус поэтического текста, своего рода идеографическое описание единиц лексического уровня языкового пространства поэтического текста [2]. Тематическая группа (далее – ТГ) является иерархической структурой, включающей в себя базовое слово-идеологему как родовой маркер или идентификатор общей темы и общего комплексного смысла ТГ в качестве смысловой структуры поэтического текста и основного средства формирования той или иной поэтической картины мира [3].

Поэтическая картина мира во многом формируется на основе языковой картины мира, но значительно отличается от нее индивидуально-авторскими пристрастиями, культурно-эстетическими, духовными и лингвистическими параметрами. Поэт является духовной личностью, воплощающей в себе аспекты языковой и речевой культуры определенного народа, текстовые, исторические и культурные черты его менталитета. В поэтическом тексте лексическая единица является базовым знаком не только языка, но и культуры в целом. Поэтому слово может рассматриваться в рамках определенного поэтического текста в качестве **культуре́мы**, то есть **слова-концепта** [8], соединяя в себе как национальные, так и черты общечеловеческих духовных ценностей.

Лексическое смысловое пространство поэтического текста – это определенная система, включающая в себя смысловые комплексы, выраженные лексико-семантическими и тематическими группами и классами слов, объединенных системой смысловых связей и отношений, порождающих новые смыслы и связи общего и частного, глубинного и поверхностного планов в поэтическом контексте.

Лексический тезаурус поэтического текста включает в себя лексику на основе семантико-тематического сходства в тематические или семантико-тематические пары, ряды, группы и классы слова, которые являются семантико-тематическими обозначениями духовных ценностей [11. С. 82]. В основу выделения этих тематических групп положен идеографический принцип изучения и описания семантико-тематических объединений слов в рамках одного текста или метод поэтической идеографии [3; 9]. **Тематическое сходство слов в ТГ определяется общими процессами семантической**

деривации, объединяющими в данной группе лексико-семантические варианты слов по принципу семантического тождества, аналогии, родовидовых отношений семантического включения, пересечения эксплицитного и имплицитного или ассоциативного характера.

Индивидуально-авторская картина мира в поэтическом тексте является отражением субъективных черт языковой личности ее создателя. Поэтический текст всегда антропоцентричен, представляя действительность через призму эстетического восприятия ее автором. Описание индивидуально-авторской картины мира может быть осуществлено с помощью концептуального анализа, выявляющего базовые концепты поэтического текста, составляющие его концептосферу. Аспекты концептуализации обусловлены как объективными законами мира, так и авторской личной позицией, его отношением к действительности. Аспекты концептуализации помогают объяснить полевою структуру концептосферы, зависящей от способов языковой репрезентации концепта [3]. Языковые репрезентации или языковые поэтические смыслы (фоносемантические, лексические, синтаксические, морфологические) участвуют в создании поэтической концептосферы наряду с графическими и дискурсными поэтическими смыслами.

Идеографический метод или метод поэтической идеографии

В основе выделения тематических групп слов лежит идеографический метод или метод поэтической идеографии. Создается словарь-тезаурус как средство описания поэтической картины мира на основе одного стихотворного текста, концептосфера которого выявляется с помощью глубокого лингвистического анализа. Словарь-тезаурус стихотворения – это лексико-смысловая система данного текста, ее структурными компонентами являются тематические группы, имеющие свои смысло-тематические центры – смысловые конденсаторы, обозначающие культурные и духовные ценности.

В качестве примера такого анализа возьмем стихотворение английского поэта XX в. Д. Томаса “**This bread I break**” [23].

This bread I break was once the oat,
This wine upon a foreign tree
Plunged in its fruit;
Man in the day or wind at night
Laid the crops low, broke the grape's joy.

Once in this wine the summer blood
Knocked in the flesh that decked the wine,
Once in this bread
The oat was merry in the wind;
Man broke the sun, pulled the wind down.

This flesh you break, this blood you let
Make desolation in the vein,
Were oat and grape
Born of the sensual root and sap;
My wine you drink, my bread you snap.

Тот хлеб, что я ломаю

Тот хлеб, что я ломаю, был пшеницей,
Вино лозой цвело в чужой долине,
Поило соком сладкий плод;
Днем человек, а ночью ветер
Валили навзничь, ломали радость лоз.

Был хмель вина горячей кровью лета,
Переполнявшей плоть плодов созревших,
Был этот пышный белый хлеб
Пшеницей на ветру веселой;
Сломали солнца свет, поймали ветер в сеть.

Та плоть, что ты ломаешь, кровь которой
Даешь творить опустошение в жилах,
Были пшеницей и лозой,
Питались чувствами живыми;
Мое вино ты пьешь, хлеб уплетаешь мой.
(Пер. В. Британишский)

Ключевым словом, или точкой роста в тексте стиха является полисемное слово *break*: *break (breɪk) breaks, breaking, broke, broken*:

- 1) *To separate or become separated into two or more pieces: this cup is broken;*
- 2) *To damage or become damaged so as to be inoperative: my radio is broken;*
- 3) *To crack or become cracked without separating;*
- 4) *To burst or cut the surface of (skin, etc.);*
- 5) *To discontinue or become discontinued: they broke for lunch;*
- 6) *To break a journey*
- 7) *To disperse or become dispersed: the clouds broke(tr)*
- 8) *To fail to observe (an agreement, promise, law, etc.);*
- 9) *To break one's word (foll. by with);*
- 10) *to discontinue an association (with);*
- 11) *To disclose or be disclosed: he broke the news, etc. 45) make a breakthrough....*

46) break bread

- a) *to eat a meal, esp. with others*
- b) *Christianity: to administer or participate in Holy Communion. [25]*

Одним из многочисленных значений слова *break* является повседневное значение «есть, вкушать хлеб» в сочетании со словом «bread», так и библейское «преломить хлеб, то есть причаститься», представляющее пример метафорического сдвига. В поэтическом тексте оба эти значения образуют общее когнитивное пространство, объединяющее тематические группы сфер источника: **природа (растения, всходы, деревья, фрукты: (oat, foreign tree, fruit, crops, grape, sensual root, sap)** и нескольких тематических групп сферы цели: *еда, питье (bread, wine, drink)*,

Вместе с тем, полисемный глагол *break* является объединяющим началом, реализуя также и все варианты разрушительного действия:

This bread **I break** was once the oat;
Man in the day or wind at night
Laid the crops low, broke the grape's joy.

The summer blood

**Knocked in the flesh that decked the win;
Flesh you break;**

This flesh you break, this blood you let
Make desolation in the vein,
Were oat and grape....

К тематическим группам сферы источника можно отнести следующие:

ТГ природы: *tree, oat, fruit, grape, crops, sensual root, sap; night, wind, sun, summer;*

ТГ радости: grape's joy, to be merry

К сферам цели:

ТГ человека: *I, you, man, flesh, blood, vein;*

К общему интегрированному пространству относим

ТГ еды, пищи: *bread, wine, fruit;*

ТГ разрушения: *break, pull, plunge, lay low the crops, knock, let desolation;*

В поэтическом тексте имеется также ряд метафорических моделей, объясняющих имплицитно обозначенную авторскую индивидуальную концепцию, или картину мира, в основе которой превалирует разрушительное начало:

Wine – summer blood; Bread – oat (merry in the wind);

Oat – flesh, grape- blood, oat and grape – sensual root and sap;

Man (I, you) break nature (bread, flesh, wine, the sun);

В этих когнитивных моделях прослеживается дихотомия жизни и смерти, дихотомия

природы как созидающего начала, дающего жизнь человеку и человека, который ведет к ее разрушению и уничтожению. В последних строках поэтического текста намечается иррадиация этого разрушительного процесса и на человеческие взаимоотношения, проявляющиеся в оппозиции: ТЫ ВКУШАЕШЬ МОЮ ПИЩУ, ТЫ ПЬЕШЬ МОЕ ВИНО:

This flesh **you** break, this blood **you** let
 Make desolation in the vein,
 Were oat and grape
 Born of the sensual root and sap;
 My wine you drink, my bread you snap.

Все языковые средства подчинены этой авторской идее, передаваемой конвергенцией стилистических средств, их сцеплением, слиянием, смешением, взаимопроникновением, объединенных этой ключевой антитезой жизни и смерти. Таким образом, можно говорить о концептуальной интеграции [24; 18], то есть слиянии двух или более концептов, происходящих из разных источников и подчиняющихся закону экономии языкового знака. Динамика процессов семантической деривации в поэтическом тексте подчиняется ассоциативному развертыванию образов, исходящих из одной точки роста (фрактальная концепция В. В. Тарасенко), означенной в заголовке стихотворения, и связывающей воедино все упомянутые выше тематические группы в общую **когнитивно-ассоциативную схему (КАС)**:

КАС (жизнь): С хлеб + С фрукты С вино + С кровь + С плоть + С веселье + С сок + С корень + С радость + С солнце.

Ассоциативные связи этого микротезауруса автора частично совпадут с семантической структурой слова **жизнь**. Этой когнитивно-ассоциативной схеме противостоит цепь образов, объединенных в **КАС разрушения (смерти)**. Точкой роста в этой схеме является синонимический ряд глаголов разрушительной деятельности: *break, pull, plunge, lay low the crops, knock, let desolation*;

КАС разрушения: С ломать хлеб + С валить хлеб, радость лоз + С сломать солнца свет + С поймать ветер в сеть + С ломать плоть + С творить опустошение.

Конвергенция и аккумуляция метафор, относящихся к одному и тому же прототипическому объекту, образуют взаимодействующие семантические сети и создают определенный абстрактный символ как итог концептуальной интеграции. Символы воплощают ассоциации первично-архетипического характера, связан-

ные с культурой и традициями, преломленными в субъективно-авторской интерпретации мира. Следовательно, наряду с языковой картиной мира можно говорить и о поэтической картине мира как особого сложнейшего мира мыслей, эмоций и духовных ценностей человека.

Язык является механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры. Истинным хранителем культуры являются тексты, отображающие духовный мир человека. Текст напрямую связан с культурой, пронизан множеством культурных кодов, хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, то есть обо всем, что составляет содержание культуры.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика // Избранные труды : в 2 т. Т. 1. М., 1995. 472 с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) : учеб. пособие. М., 1990. 300 с.
3. Бабенко, Л. Г. **Лингвистический анализ художественного текста** / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. Екатеринбург, 2000. 530 с.
4. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1989. 181 с.
5. Борхес, Х. Л. Расследования. СПб., 2001. 479 с.
6. Вежбицкая, А. **Язык. Культура. Познание**. М., 1997. 416 с.
7. Зыкова, И. В. **Семиотика музыки в построении фразеологического значения (лингвокультурологический подход)** // Вопр. когнитивной лингвистики. Тамбов, 2012. С. 108–118.
8. Казарин, Ю. В. **Филологический анализ поэтического текста** : учебник. М., 2004. 432 с.
9. «Как наше слово отзовется» : избр. лирика. М., 1986. 704 с.
10. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 3–9.
11. Караулов, Ю. Н. Языковая личность и четырехмерное пространство языкового сознания // Вопр. лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. Ижевск, 2006. С. 146–162.
12. Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996. 187 с.

13. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980. 148 с.
14. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2002. 347 с.
15. Лихачев, Д. С. **Арготические слова профессиональной речи** // Развитие грамматики и лексики современного литературного языка. М., 1964. С. 311–359.
16. Лотман, Ю. М. Семиосфера. СПб., 2001. 704 с.
17. Маслова, В. А. Лингвокультурология. М., 2001. 208 с.
18. Молчанова, Г. Г. **Когнитивная лингвистика и стилистическая типология** // Вестн. Моск. ун-та. 2001. № 3. С. 60–72.
19. Новиков, А. И. Семантические состояния в языке и тексте / А. И. Новиков, Е. И. Ярославцева. М., 1990. 238 с.
20. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М., 2001. 710 с.
21. Юнг, К. Г. Архетип и символ. М., 1991. 297 с.
22. **Якобсон, Р. О. В поисках сущности языка** // Семиотика. М., 2001. С. 102–117.
23. Thomas, Dylan. Collected Poems. N.-Y., 1995. 203 p.
24. Fauconnier, G. Mappings in Thought and Language. Cambridge, 2002. 235 p.
25. Collins Cobuild Essential Dictionary. London, 1995. 948 p.

References

1. Apresian, Y. D. (1995) “Leksicheskaya semantika” [=Lexical semantics], in: *Izbrannie trudi* [=Chosen works], Volume 1. Moscow, 472 p. (in Russ.).
2. Arnold, I. V. (1990) *Stilistika sovremenno-go angliyskogo yazika (stilistika decodirovaniya)* [=Stylistics of modern English (decoding stylistics)], Moscow, 300 p. (in Russ.).
3. Babenko, L. G., Vasilyev, I. E. and Kazarin, Y. V. (2000) *Linguisticheskii analiz hudodgestvennogo teksta* [=Linguistic analysis of the art text], Ekateringurg, 530 p. (in Russ.).
4. Bolotnova, N. S. (1989) *Hudodgestvennyi tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyi analiz edinits leksicheskogo urovnya* [=The art text in communicative aspect and the complex analysis of units of lexical level], Tomsk, 181 p. (in Russ.).
5. Borkhes, X. L. (2001) *Rassledovania* [=Investigations], SPb.: Amphora. 479 p. (in Russ.).
6. Vedgbitskaya, A. (1997) *Yazik, Kultura, Poznanie* [=Language. Culture. Knowledge], Moscow, 416 p. (in Russ.).
7. Zikova, I. V. (2012) “Semiotika muziki v postroenii phraseologicheskogo znacheniya (lingvokulturologicheskii podhod)” [=Semiotics of music in creation of phraseological value (lingvocultural approach)], in: *Voprosi kognitivnoi lingvistiki* [=Questions cognitive linguistics], Tambov, pp. 108–118. (in Russ.).
8. Kazarin, Y. V. (2004) *Philologicheskii analiz poeticheskogo teksta* [=Philological analysis of the poetic text], Moscow, 432 p. (in Russ.).
9. *Kak nashe slovo otzovetsya* (1986) [=As our word will respond] *Izbrannaya lirika*. Moscow, 704 p. (in Russ.).
10. Karaulov, Y. N. and Petrov, V. V. (1989) “Ot grammatiki teksta k kognitivnoi teorii diskursa” [=From grammar of the text to the cognitive theory of a discourse], in: Deik, N. A. van. *Yazik. Poznanie. Kommunikation* [=Language. Knowledge. Communication], Moscow, pp. 3–9. (in Russ.).
11. Karaulov, Y. N. (2006) “Yazikovaya lichnost i chetirehmernoe prostranstvo yazikovogo soznaniya” [=Language personality and four-dimensional space of language consciousness], in: *Voprosi lingvistiki, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazikov* [=Questions of linguistics, pedagogics and technique of teaching foreign languages], Izhevsk, pp. 146–162. (in Russ.).
12. Kasevich, V. B. (1996) *Buddizm. Kartina mira. Yazik* [=Buddhism. World picture. Language], St. Petersburg, 187 p. (in Russ.).
13. Kolshanskiy, G. V. (1980) *Kontekstnaya semantika* [=Contextual semantics], Moscow, 148 p. (in Russ.).
14. Kornilov, O. A. (2002) *Yazikovie kartini mira kak proizvodnie natsionalnykh mentalitetov* [=Language pictures of the world as derivatives of national mentalities], Moscow, 347 p. (in Russ.).
15. Lihachev, D. S. (1964) “Argoticheskie slova professionalnoi rechi” [=Argotic words of the professional speech], in: *Razvitie grammatiki i leksiki sovremennogo literaturnogo yazika*. Moscow, pp. 311–359. (in Russ.).
16. Lotman, Y. M. (2001) *Semiosfera* [=Semiosphere], St. Petersburg, 704 p. (in Russ.).
17. Maslova, V. A. (2001) *Lingvokulturologia* [=Lingvocultural science], Moscow, 208 p. (in Russ.).
18. Molchanova, G. G. (2001) “Kognitivnaya lingvistika i stilisticheskaya topologiya” [=Language pictures of the world as derivatives of na-

tional mentalities], in: *Vestnik Moskovskogo universiteta* [=Bulletin of Mosow university], № 3, pp. 60–72.

19. Novikov, A. I. and Yaroslavtseva, E. I. *Semanticheskie rasstoyaniya v yazike I tekste* [=Semantic distances in language and the text], Moscow, 238 p. (in Russ.).

20. Stepanov, Y. S. (2001) *Konstanti. Slovar russkoi kulturi: opit issledovaniya* [=Constants. Dictionary of the Russian culture: experience of research], Moscow, 710 p. (in Russ.).

21. Yung, K. G. (1991) *Arhetip i simvol* [=Arkhetip and symbol], Moscow, 297 p. (in Russ.).

22. Yakobson, R. O. (2001) “V poiskah suschnosti yazika”, in: *Semiotika*. Moscow, pp. 102–117. (in Russ.).

23. Thomas, Dylan (1995) *Collected Poems*. N.-Y., 203 p.

24. Fauconnier, G. (2002) *Mappings in Thought and Language*. Cambridge, 235 p.

25. *Collins Cobuild Essential Dictionary* (1995), London, 948 p.

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДА

Рассматривается вопрос о сущности теоретического моделирования перевода и его эффективности при учете когнитивной сущности переводческого процесса. Рассуждая с позиции смежных дисциплин, автор описывает функциональные особенности модели как таковой относительно упорядочивания знаний о мире и структуризации познавательных структур человеческого сознания. Последующий анализ существующих моделей в зарубежной научной литературе позволяет прийти к выводу об ограниченности построения моделей в переводе, но в то же время необходимости развития моделирования с целью поиска ответов на вопросы, связанных с сущностью переводческого мышления.

Ключевые слова: модель, процесс перевода, когнитивный процесс, познание, мышление.

1. Модель как структурная система познания и перевода

Моделирование занимает главенствующую роль в нашей повседневной и профессиональной жизни. Моделирующие системы окружают нас повсюду. Все, что создано вокруг с применением инженерных технологий и компьютерных систем для жизни, является результатом работы моделирующей функции сознания человека, созерцающего и создающего этот мир.

В современной действительности, в условиях многообразия и многоаспектности жизненного пространства и выполняемых задач, мы вынуждены мыслить системно и уметь моделировать этот мир по-особенному, сообразно существующему мироустройству и миропорядку, вырабатывая навыки стратегического планирования и мышления вперед, предвосхищая последующие шаги. Таким образом, возникает необходимость развития модельного мышления с целью упорядочения и систематизации как внешних факторов, так и внутренних познавательных систем.

Сознание человека устроено таким образом, что моделирование происходит постоянно в процессе познания мира путем «подстраивания» этого мира под свои мироощущения и восприятие. Мы адаптируем новое к устоявшейся в нас самих системе норм и правил, которые выстраиваются в определенном порядке и иерархии для активации необходимых знаний с целью правильного понимания настоящего и освоения нового. Таким образом, эмпирическое моделирование является необходимым инструментом, который априори позволяет нам «упаковывать», архивировать данные о мире и

находить возможности для их открытия доступа к ним в любой необходимый момент.

Моделирование помогает упорядочить то, что кажется скрытым и непонятным, найти объяснение неопознанным элементам, выявить структурные закономерности логики познания и «упаковывания» данных. Именно данное свойство модели представляется нам привлекательным и функционально полезным для ее применения в раскрытии сущности переводческого процесса, представляющего «черный ящик». Модель не может стать универсальным уравнением к решению всех переводческих задач, но она может определить вектор развития переводческого сознания и выявить закономерности мышления посредством частотности происходящих явлений или используемых стратегий. Посредством моделирования в лингвистике и переводе ученый отходит от зависимости от языковых структур и поднимается на уровень мышления, отталкиваясь от способностей человека как мыслящего субъекта, управляющего языком и знаниями, а не от языка, как основного регулятора картины мира.

Модель познания и модель перевода являются субстанционально и структурно схожими конструктами, с развитой внутренней структурой иерархических единиц и отношений. Возникает вопрос о том, что первично: накопление данных и сбор материала и построение модели на их основе или модель как гипотетический конструкт предполагаемой систематизации данных. Любая модель «строится» или «создается» на основе чего-либо и ради выполнения определенной научной или научно-технической задачи. Так, в конструкторской или стро-

ительной области модель представляет собой праобраз будущего строительного или технического элемента, то есть отражением, антиципацией планируемого объекта действительности, который разрабатывается на основе функциональных и структурных элементов (модель автомобиля, модель робота). В то же время модель может означать эталон, образ уже существующий и являющийся одним из ярких представителей в какой-либо области (модель для подражания, модель поведения).

В данном случае важен прагматический аспект моделирования, его целеполагание, в котором стоит выделить две его природы:

1. Объяснительная. Моделирование может быть использовано для упорядочивания и логического выстраивания научной теории, что приводит к формированию модели как научно-теоретического конструкта, созданного на основе собранного практического и экспериментального материала для выработки стройной, логически непротиворечивой теории. Здесь модель несет в себе объяснительную силу, указывая на последовательность и закономерность сбора материала и его внутренней классификации.

2. Предсказывающая. Моделирование приобретает более функциональный смысл, когда мы получаем «рабочую модель» в действии, что позволяет использовать ее как «скелет», который наполняется содержимым в зависимости от рассматриваемой области. В данном случае модель является своеобразным руководством к действию, раскрывая некоторые схемы внутренних процессов и стратегий в действии.

Согласно профессору медицины в области неотложной медицинской помощи, Джошуа М. Эпштейна¹, можно выделить причины для создания моделей, среди которых стоит отметить следующие:

- 1) объяснить (что в корне отличается от предвидения или предположения);
- 2) отслеживать сбор научных данных;
- 3) отразить динамику;
- 4) предложить динамические аналогии;
- 5) выявить новые проблемы;
- 6) развивать научный склад мышления;
- 7) очертить пределы разумного в получении результатов;
- 8) **выявить вопросы, вызывающие сомнения;**
- 9) **предложить наиболее эффективное, компромиссное решение;**

10) проверить надежность, эффективность выдвинутой теории подводя гипотезу под сомнение;

11) **поставить разумный подход выше неподходящих или не имеющих отношения к делу данных;**

12) **упорядочить полемику в выбранной научной отрасли;**

13) доказать, что очевидно простое является комплексно простым.

Указанные пункты можно отнести к научному моделированию в целом, что подчеркивает их универсальный характер. Особенно хотелось бы отметить то, что автор четко показывает и обосновывает объяснительный характер модели, что позволяет развивать научные предположения, проводить аналогии, и отслеживать стройность выдвигаемой научной теории, а также видеть многое в очевидном и проводить научно-теоретическую верификацию используемых данных.

Зачастую возникает вопрос о том, что же первично: модель или экспериментальные данные исследования и наблюдения, на основе которых строится модель? В данном случае мы придерживаемся той точки зрения, что модель первична, как предварительный теоретический конструкт, используемый для последующей верификации данных с возможностью коррекции в процессе ее дальнейшего использования на практике.

2. Анализ основных видов теоретических моделей в переводе

Применительно к процессу перевода, теоретические модели, созданные зарубежными исследователями за период конца XX – начала XXI в., можно подразделить на три группы:

- 1) интерпретационные модели перевода;
- 2) психолингвистические и когнитивно-психологические;
- 3) когнитивно-прагматические.

Когнитивный подход в переводе одними из первых используют в своих исследованиях Seleskovitch² и Lederer³, развивая идею интерпретационной теории перевода в виде модели, состоящей из трех этапов перевода: понимание, девербализация и репрезентация. Девербализация, как отказ от слов, которые породили смысл, то есть отказ от лингвистической опоры, может быть сравним с одноязычной коммуникацией. Транскодирование, заложенное в данной теории, является основным процессом, передающим смысл, а не слова. Генерация смысла осуществляется на основе аккумуля-

ции знаний лингвистического (контекстуального) и экстралингвистического (энциклопедического) характера, и установления эквивалентного соответствия между языками.

Междисциплинарность в области переводческих исследований, во многом ссылающихся на теоретические постулаты смежных наук, таких, как психолингвистика, нейролингвистика, теория искусственного интеллекта и когнитивная психология, привела к их неизбежной интеграции и выработки нового видения в отношении сущности переводческого процесса. Так возникает гипотеза, получившая свое развитие, в частности, в работах Bell⁴, суть которой состоит в декодировании текста на языке источнике и его записи на языке перевода. Являясь аналогом модели анализ-синтез данная гипотеза раскрывает основную философию теории искусственного интеллекта, затрагивая, в том числе, такие вопросы, как сущность познавательных способностей человека и роль знания, как эпистемологическая характеристика познавательного процесса, а также возможность машинного моделирования перевода. Так, согласно логике ученого, на этапе анализа при переводе происходит узнавание слов в языке-источнике в сочетании с анализом структуры, обработкой семантической и прагматической составляющей и итоговой семантической репрезентацией. На этапе синтеза семантическая репрезентация подвергается повторной обработке для кодирования на языке перевода.

Социальная и когнитивная модели, предложенные Kiraly⁵, представляют собой переводческий процесс как особую речемыслительную деятельность переводчика в трех взаимосвязанных ситуационных контекстах, а именно, текст источника, текст перевода и переводческий контекст, который не является очевидным и относится к «внутреннему концепту» переводчика. Согласно когнитивной концепции ученого, мышление переводчика представляет собой «систему обработки информации, в которой перевод является результатом взаимодействия интуитивных и контролируемых процессов с привлечением лингвистической и экстралингвистической информации».

В исследовании Kiraly контролируемая зона обработки информации включается в работу в случае если интуитивно-подсознательный этап обработки информации дал сбой и возникла переводческая проблема, для решения которой необходимо обратиться к определенной переводческой стратегии. В том случае, если

использование стратегии не приводит к желаемому результату, интуитивная зона мышления вновь вступает в силу и цикл повторяется. При отрицательном результате переводчик выдает неправильный вариант перевода⁶, что в российских исследованиях часто выражается термином «неадекватный» и переводческая проблема остается нерешенной.

Стоит отметить, что вопрос решения переводческих проблем рассматривается достаточно остро в переводоведении, в том числе с когнитивной точки зрения. Так, например, в работах Wills⁷ проблема поиска решений в переводе несет когнитивно-психологический оттенок при учете интеллектуально-познавательной активности мышления и особой организации знания в виде «схем». При этом, решая проблему, переводчик использует как декларативное так и процессуальное представление знаний в рамках шести этапов: идентификация проблемы, уточнение, поиск необходимой информации, использование стратегий, выбор решения и итоговый этап его применения и анализа.

Наконец, теория релевантности Gutt⁸ становится, на наш взгляд, ключевым переходом к новому пониманию переводческого процесса и смещению акцентов в сторону изучения мыслительных свойств самого переводчика, а не внутренних свойств объекта, то есть перевода. В силу недостаточности результатов в случае описания процесса перевода, требуется описание действий переводчика через инференциальные свойства его мышления, особенностей принятия решений в действии. В своих работах Gutt использует ряд ключевых для когнитивной транслатологии понятий, такие как «контекст», «допущения», «импликатуры» и «пропозиции», что раскрывает новые грани коммуникативной сущности перевода, как способности к инференции, выведению смысла речевых высказываний за счет выстраивания когнитивной цепочки стимул-контекст-интерпретация, где стимулом служит языковая высказывание, контекст состоит из определенного числа допущений (совокупных знаний коммуникантов), а интерпретация выражается в форме пропозиций, то есть мыслей. Идея релевантности в переводе заложила основу рассмотрения эвристической природы переводческого процесса, которая нашла отклик в том числе и в современных исследованиях российских ученых, в частности А. Г. Минченкова⁹.

3. Выводы

Вопрос о недостатках теоретических моделей перевода можно свести к мысли о том, что их описательный или объяснительный характер основан по большей части на умозрительных наблюдениях или интроспекции и является крайне ограниченным в случае практического применения. По сути, описание процесса перевода как мыслительной деятельности переводчика изначально обречено на выстраивание предположений и догадок в части его внутренних структурных и системных составляющих.

В то же время модель перевода как теоретический конструкт, созданная на основе теорий смежных наук, дает возможность во многом превзойти ограниченность чисто лингвистических теорий и увидеть нечто большее, позволяющее развивать теорию перевода в новом антропоцентрическом направлении, раскрывая глубины переводческого мышления, что способно привести к более глубокому пониманию переводческого процесса.

Среди основных фундаментальных особенностей переводческого процесса, выраженных в рассмотренных теоретических моделях стоит отметить следующие:

1) перевод представляет собой когнитивный процесс, обладающий динамической, интерактивной и нелинейной сущностью;

2) перевод предполагает функционирование контролируемых и неконтролируемых, автоматических и неавтоматических процессов;

3) перевод основан на решении проблем и выработке решений;

4) важной частью переводческого процесса является использование информационных ресурсов (знаний), внутренних и внешних, работа краткосрочной и долгосрочной памяти;

Экспериментальная верификация основных принципов перевода на основе того или иного модельного конструкта создает более эффективные условия для оценки адекватности развития теоретических постулатов и позволяет теории перевода двигаться вперед на пути к познанию сущности переводческого мышления.

Примечания

¹ Epstein, J. M. Why Model? // J. of Artificial Societies and Social simulation. 2008. № 11 (4) 12.

² Seleskovitch, D. L'interprète dans les conférences internationales: problèmes de langage et de communication. Paris, 1968.

³ Lederer, M. La Traduction Simultanée. Paris, 1981.

⁴ Bell, R. Translation and Translating: Theory and Practice. L. ; N.-Y., 1991.

⁵ Kiraly, Donald. Pathways to Translation: Pedagogy and Process. Kent, 1995. P. 102.

⁶ Там же. P. 101.

⁷ Wilss, W. Knowledge and Skills in Translator Behaviour. Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins. 1996.

⁸ Gutt, E.-A. Translation and Relevance: Cognition and Context. Oxford, 1991.

⁹ Минченков, А. Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб., 2007. 256 с.

References

¹ См: Epstein, Joshua M. (2008) "Why Model?", in: *Journal of Artificial Societies and Social simulation*, № 11 (4) 12.

² См: Seleskovitch, D. (1978) *L'interprète dans les conférences internationales: problèmes de langage et de communication* [=Interpreting for International Conferences], Paris.

³ См: Lederer, M. (1981) *La Traduction Simultanée*. Paris.

⁴ См: Bell, Roger. (1991) *Translation and Translating: Theory and Practice*. London and New York.

⁵ См: Kiraly, D. (1995) *Pathways to Translation: Pedagogy and Process*. Kent, P. 102.

⁶ См: Ibid. P. 101.

⁷ См: Wilss, Wolf. (1996) *Knowledge and Skills in Translator Behaviour*, Amsterdam and Philadelphia.

⁸ См: Gutt, Ernst-August (1991). *Translation and Relevance: Cognition and Context*. Oxford.

⁹ Minchenkov, A. G. (2007) *Kognicija i jevrstika v processe perevodcheskoj dejatel'nosti* [=Cognition and heuristics in the course of translation activity] St. Petersburg, 256 p. (in Russ.).

Р. А. Султангареева

МАГИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР БАШКИР: СПЕЦИФИКА И МИФОРИТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПЕРТУАРА

Рассматривается место, функции жанров магического фольклора в системе традиционной культуры; история изучения. Выявляются основные семантические, функциональные, мифологические особенности таких древних жанров, как харнау, арбау, теляк и др., предлагается наиболее универсальная метода анализа, которая позволяет раскрыть древнейшие пласты сознания и миросозерцательности предков.

Ключевые слова: *магический фольклор, заговоры, заклички, приговоры, шаман, баксы, комплексность, синкретичность, миф, обряд.*

Искусство народной словесности целиком и полностью основано на магических верованиях в силу и могущество слова. Человек древности знал и ценил меру, время, возможности особых потенциалов этого кода, к помощи которого прибегал, глубоко веруя, что сказать – это совершить. Слово являлось главным инструментом всей жизнедеятельности, включая получение, охрану здоровья, а также достижение удачи и развитие творческих дарований. Магия слова приобрела художественные функции в эпосе, сказках, легендах, песнях, преданиях, пословицах, байтах, мунаджатах, отвечая эстетическим, духовным потребностям народа. Имеющие практические цели, особые функции и цели воздействия слова формируют заговорно-заклинательный репертуар обращений как сакральных способов контактов с божествами, сверхъестественными силами и стихиями Природы. Творцами и передатчиками поколениям этих тайных знаний являлись особо одаренные, обладающие экстраординарными способностями владения Словом, действием, напевами, телодвижениями и системой древних учений избранники, то есть шаманы, у башкир – баксы, как и у казахов, кыргызов, туркмен¹. Созданное в течение многовекового служения соплеменникам, уникальное творчество баксы предусматривает синкретичное единство мифологических, культовых, тотемистических представлений о времени, месте, пространстве, а также четкую логику причинно-следственных ориентиров и практических целей достижения желаемого результата. На этом фоне обнаруживается главное предназначение башкирского баксы – установление контактов с высшими, небесными силами, умиловление божеств, покровительство которых способствует исцелению больных, благоприят-

ным изменениям погоды, изгнанию духа беды и призыванию сил добра. В системе аналогичных традиций (сибирское, тюрко-монгольское шаманство) башкирский институт баксы, как показывает анализ материалов, отличает выработанное разумно-интеллектуальное начало, доминанта природопоклонческих мотивов, степенность и соразмерность действий, слов.

Жанры народного творчества, основанные на сакрализации слова, телодвижений, стихий, предметов, также целевых использований мифологических, сверхъестественных знаний, направленных во имя обеспечения благополучия и защиты физиологических, духовных сил этноса, представляют собой магический фольклор. В широком смысле магическое начало содержится во всех жанрах фольклора, потому как создание мифов, праздников, обрядов, сказок, эпоса и так далее, предусматривает влияние на волю божеств, сил Природы, умиловление духов предков, батыров (демиургов) и приобретение благополучия. Процесс передачи древних знаний как родовых ценностей имел свои строгие нормативы и предписания. Так, рассказывание сказок (экиэт), кархуз (миф, эпос у башкир) днем или летом провоцирует очень холодную и затяжную зиму (Белорецкий р-н, с. Зуяк), чревато гневом могучих духов, сильной засухой (Хайбуллинский р-н, с. Акъяр; Белорецкий р-н с. Бирдигулово), неверное проведение обряда (йола) – затяжными дождями вплоть до потопов или эпизоотий (Абзелиловский р-н, с. Аскарково; Кугарчинский р-н, с. Худайбердино). Вербализованные миф и ритуал по своей бытности действуют как праформы регулирования жизненных событий, здоровья и искусства. В свое время рассказыванием кархуза-мифа «Урал-батыр» лечили припадочных (еннэнгэн), потерявших рассу-

док или обессиленных (Записано в Аскинском, Белорецком, Зианчуринском р-нах) и пр. Таким образом, магия и магическое присутствие во всех моделях народных знаний, форм творчества и этикете в силу вложенных в них факторов времени, многовековой непрерывной культурной традиции и могучего интеллектуального потенциала поколений.

Магический фольклор в узком, «специализированном» его понимании представляют жанры и жанровые формы, функционально связанные с их целевым использованием в ритуалах, лечебных, сакральных актах. Например, в состоянии глубокого стресса потерявших дар речи женщин выводили в поле и били по щекам, заставляя кричать, произнося при этом специальные слова, проделывая телодвижения (Зианчуринский р-н, 1998 г.); речитативно-напевным словом заговаривали сглаз, укусы змеи, порчу и пр. Этот фонд архаичных знаний, открестившись от обрядовых комплексов, сохранился во времени и практике пользования в силу формульности словоформ и мыслеформ, долгой необходимости в практическом применении и преемственности творчества народных профессионалов – целителей, провидцев, баксы. В состав этого репертуара входят прозаические и стихотворные заговоры (арбау), заклички (сакрыу) дождя, ветра, кут, солнца и др., харнау (обращения к духам предков, силам Природы, божествам). Особую часть магического фольклора составляют приговоры (эйтемсэ), присказки (эйтем), приметы (ырым), толкования снов и событий, гадания-хынау (по костям, звездам, камням) способы народного лечения (им-том), преимущественно функционирующие в единстве слов, действий и напевов. Природу и замыслы этих форм творчества возможно расшифровывать только при комплексном и многопрофильном подходе, когда сугубо филологические или этнографические или антропологические аспекты изучения, помимо описательных, не могут предоставить объективные научные обобщения.

Классические формы исполнения заговорно-заклинательного репертуара соединяют миф + слово + действие + отчасти напев; каждый из компонентов связан с архаичными реалиями, обусловившими особенности функций, лексики, способов отправления. Для заговора опухоли, например, необходимо соблюдение ряда условий: яйцо курицы, необходимое для лечения, должно быть снесено в среду, вода взята перед рассветом на убывающей луне,

больной одет в старые одежды, приходит на «сеансы» голодным, до и после никому не говорить о цели (результатах исцеления тем более) своего визита. В комплексе действуют манипуляции с предметами, проецируя яркое ассоциативное, миросозерцательное мышление целителей: болезнь «переносится» на четное число ненужных вещей, как то: ломаные расческа, иголка, выпавшие волосы, ногти, битые стекла, ржавые гвозди и пр.; выбрасывая болезнь где-либо на перепутье, уходят, не оглядываясь и за собой бросая поперек дороги семь (по тяжести хвори девять) прутьев, предварительно освящая их молитвой – так прокладывается невидимая граница между миром этим и другим. Примечательны знания о духе: так, части тела (ногти, волосы и пр.), являющиеся хранителями парциальной души, «уносят» с собой болезни, а смертоносная символика ломаных вещей провоцирует, по логике магии подобия, такой же эффект; среда в народных верованиях считается благоприятным днем для целительных актов. Семантический мир лечебной культуры, таким образом, вбирает древнейшие знания, реалии, за время многовековой практики приобретшие результативный опыт. Заговорный характер имеют алгыши (благопожелания) и каргыши (проклятия), в истоках предусматривающие функции особого воздействия магизма слова, также подчинение и призывание добрых (алгыш) или злых (каргыш) сил. Телак (теляк) как благопожелание сосемантичен с алгыш с тем отличием, что условие произношения теляк в прошлом был связан с жертвоприношениями и даже заменял его. У северо-восточных, восточных башкир поныне сохраняется обычай «теляк салыу».

Идеологический замысел императивных обращений всех форм (заговоры, заклинания, алгыши и др.) восходит к представлениям о наличии «хозяина» сфер, болезней, природных стихий и так далее. Эйэ (хозяин, владелец) у башкир созвучен, сосемантичен с алтайским, калмыцким «эзи», бурятским «эжин», якутским «иччи»². Успех в достижении цели (заговор болезни, промысел, охота, заклинания животных, заклички стихий и пр.) зависит от умения и искусства умиловителения «хозяев» и установления с ними «договоров», требующих специальных жертвоприношений и правильного использования предметов, действия, слова с учетом родовых, местных традиций.

Алгыш – магического назначения тексты, произносимые в заклинательной форме, восхо-

дят к древнетюркскому аліа «благословлять»³ и направлены на увеличение производительных сил, снятие страха и решение определенных задач.

Идейно-функциональные замыслы полезной магии предопределяются глубиной знаний, уровнем природного или наследственного дарования, умением человека включаться в движения мира, вызывать покровительство божеств. В обращениях к небесному Тэнгри, духам-хозяевам лесов, полей, рек, четырем стихиям – воде, огню, земле, воздуху – и в пожеланиях используется магия дорого слова. В посевной работе произносится алгыш – благопожелание, призывается урожай:

Ер! Ер! Ер! Земля! Земля! Земля!

Көсөң бир! Силы дай!

Алтмыш арба арпа бир, Шестьдесят телег ячменя дай,

Етмеш арба етен бир, Семьдесят телег льна дай,

Бир! Бир! Дай! Дай!

Алгыши, единые по замыслу и различные по функциональному назначению, содержат благопожелания, просьбы о содействии в успешной охоте, путешествии, промысле и пр. (произносятся перед дорогой, работой, заключением брачного союза). Однако в алгыш, в отличие от арбау, харнау нет обращенности к божествам, духам болезней и желания подчинить своей воле. Как и в якутских, казахских алгыс, эвенкийских алга⁴ в башкирском алгыш поэтизируются благопожелания, общими являются отсутствие гиперболизации и идеализации, изображения результата (Донъяң матур булһын! Котло булһын йортоң!).

Творчество, связанное с магией слова, пронизывает всю жизнь башкира, основные принципы жизневедения которого испокон веков связывались с поклонением живой природе, одухотворением неземных и земных сфер. Отсюда многообразие словесно-поэтического творчества, восходящего к сакрализации слова, действ, также звука. Произносимые в определенном времени, пространстве и месте в целях получения желаемых результатов и умиловствления высших сил, созданные при участии творчества особого человека рода, баксы (имсе, һынсы, арбаусы), произведения сформировались как культурные тексты магического назначения. Истоки создания и функционирования восходят в глубокую древность традиций, в центре которых фигурирует баксы (шаман) и его дарование и предназначение.

Объектом научного внимания жанры магического фольклора башкир (заговоры, заклинания) стали в XIX в. В трудах А. Инана описаны заговоры змей, хищных птиц⁵. Классифицируя эти жанры башкирского народного творчества, один из первых фольклористов Г. Вильданов относит их к «им-том» (народное лечение) и «ышаныу» (верования), дает образцы заговоров болезней ушных раковин (татран), упоминает о призывании кот (благополучия) и лечении тредушия (өйсән)⁶.

Многообразием болезней, недугов, случающихся бед или необходимостью регулирования трудовых, жизненных забот обусловлен многосоставный репертуар заговоров, закличек, пожеланий, что предопределило их систематизацию в контексте обрядового фольклора⁷. Магический фольклор традиционно классифицируется по функциональному признаку и формам болезней (заговоры змеи, собаки, сглаза, лихорадки и пр.), необходимости восстановления здоровья (по уходу за ребенком при отсутствии речи, хождения, болезней и так далее), улаживания трудовых и хозяйственных забот. В наибольшей системности, полноте описаний многообразного репертуара заговоры представлены в работе Ф. Г. Хисамитдиновой «Башкорттарзың им-том китабы» («Книга башкирских заговоров»)⁸. Магический фольклор, связанный с традиционными нормами здравоохранения, разделен на две большие части: 1) заговоры детских болезней; 2) заговоры болезней взрослых. Производится внутрижанровое разделение по видам болезней (заговоры сердечных, костных, кожных недугов; заговоры, связанные с влиянием козней нечистых сил). В исследованиях, фрагментарно охватывающих вопросы магического фольклора, отмечается место и отражение заговоров в сказках⁹, запретах¹⁰, а также особенности бытования во времени и сохранности в фольклорной памяти¹¹.

Научно-теоретический аспект изучения и освещения специфики заговорного репертуара имеется в многочисленных трудах фольклористов, языковедов, этнографов, соответственно профилям наук раскрывающих особенности сложного вида традиционной культуры. Дается классификация заговоров по функциональной направленности с охватом мировоззренческой основы, определяется место в системе жанров и их основные свойства как единство слов и действ, ритмичность строф, обращенность к высшим силам, духам предков¹². Под-

ходы к классификации, систематизации жанра в основном едины, с различных точек зрения раскрываются лексические, тематико-структурные¹³, культово-мифологические¹⁴ особенности. Лексика лечебной магии прочитывается в аспекте практической системы конкретных знаний предков по физиологии, анатомии и средств оздоровления¹⁵. В контексте шаманских, обрядовых комплексов исследованы древние истоки, функции, семантика, раскрыты особенности мифопоэтики заговоров¹⁶. Изучены некоторые поэтико-стилевые, функционально-тематические особенности заговоров, формы творчества баксы (шаманов)¹⁷, раскрыты принципы и основные мотивации, функциональные особенности магических текстов¹⁸. В многочисленных трудах этнографа З. И. Минибаевой, многие годы целенаправленно исследующей данную проблему, система этих знаний восстанавливается в ракурсе комплексной историко-этнографической, типологической характеристики деятельности знахарей, народная медицина реконструируется как первородная школа здравоохранения. На большом фактологическом материале широко освещены такие проблемы, как народная медицинская терминология, виды врачевания (пульсовая диагностика, банная, растительная, водная терапии), даются наиболее полные вербально-акциональные описания заболеваний и способы лечения в их региональной, атрибутивной специфике¹⁹.

Краткий экскурс показывает, что комплексное исследование магического фольклора во взаимосвязи и синкретичном единстве антропологических, этнографических, лингвофольклористических систем с охватом обрядовой целостности и специфики архитектоники лечебных актов еще не сделано. Потому как заговорно-заклинательный репертуар – сложнейший код знаний, объективное раскрытие замысла которого невозможно с сугубо филологической или этнографической точек зрения. Современный фольклористический подход предусматривает комплексность, когда ни один компонент не изучается в отрыве от другого или только с одной (лексикологической, этнографической, хореологической) точки зрения. Этот метод позволяет полно и объемно раскрыть закодированные в текстах духовные, интеллектуальные потенциалы и разумные познания предков не только по физиологии, психологии и анатомии человека, но и представления о времени, пространстве, месте и живой Природе в целом.

Основной символ в расшифровке сакральных кодовых текстов и идей – Слово. В свете ностратических истоков примечательна глубокая архаичность основного в магическом фольклоре жанра арбау (заговор), «восходящего к общему и главному значению “колдовать”»²⁰. Функциональная направленность арбау в алтайских, индоевропейских, уральских языках связывается с идеей магического влияния, имеет цели «замыслить зло против кого-либо, быть в засаде, применять магические силы»²¹. В таком контексте проявляется основная, отличительная от других жанров магического фольклора особенность заговора – волевое психотропное влияние на объект, исключение зла путем умилоствления покровителей-духов и привлечения особых тайных знаний и исключительных слов.

Заговор – башкирский арбау, ритуально-магический текст, созданный в процессе многовекового творчества в целях подавления воли кого-либо и подчинения, изменения хода событий, приводимый в действие при непосредственном присутствии объекта или на расстоянии. Различаются целительские, любовные, хозяйственно-бытовые, трудовые, охотничьи и другие заговоры. Арбау являет собой сакральный обрядовый акт с участием самых разных функциональных компонентов, действующих в единстве и обнаруживает сходства с харнау – архаичными формами обращений к духам предков, Природе и соединяющих слово, действие, напев. В отличие от арбау, направленных на ослабление воли и влияния враждебных, болезнетворных, также невидимых и видимых сил, харнау имеет в дополнение и обращенность к духам предков, природным силам. «Сарн» в тюркоязычной сфере означает песнь шамана, заговоры порчи, змей, заклички ветра²² и созвучен с башкирским харнау, проводя идеи сходства жанра. Структуры построения текста в арбау и харнау близки, потому имеют одинаково функциональные ключевые моменты, выраженные вербально.

Традиционная структура и архитектоника арбау, всех заговоров (отчасти закличек) представляются таким образом: 1. Обращение к помощнику-духу и созывание по имени: «Эй дух! Дух воды!» Или: «Коркот ата! Помоги!». 2. Предоставление сведений о себе (баксы заявляет о своей личности, возможностях): «Я Иртыш переплыл! Я Идель переплыл!» или «Ты змея, сильнее тебя я змея!» 3. Волеизъявление причин, вынудивших обратиться к боже-

ствам или описание болезни. «От того (имярек) человека душа улетела» или «На том (имярек) сглаз есть. Надо лечить его». 4. Просьба и конкретное описание цели обращения: «Верни кут! Верни силы!» или «Вылечи грыжу!», «Татрана прогони». 5. Волевое воздействие в целях погони злого: «Откуда пришла – туда иди!», «Кто насрал – тому вернись!» 6. Ожидаемый результат дается как свершившийся факт: «Исцеляется, исцеляется!», «Вон, убежал, убежал! В поле исчез, в воде утонул». 7. Заключительное слово «Не я исцелил – Аллах» и возблагодарение духов, стихий, «Тебе – платок, мне здоровье!». В такой структуре в основном строится арбау, а также все заговоры, варьируя в зависимости от целей акта и полноты знаний целителя. Большая часть заговоров бытует уже в усеченной форме, так как ввиду ослабления верований в духов, магию слова (телодвижений, дыхания, предметов и пр.) заговорные акты выпадают из практики или переживают внедрение исламских элементов. Так, формулы обращения к духам, божествам заменяет просьба-получение благословения Аллаха на проведение лечебных, целительских процедур. «О Аллах, с твоего ведома и разрешения начинаю лечение (Йэ, Аллам, hineң ризальғындан им итэм)»; «Человек-причина, Ты – целитель, помоги мне! (Бәндә-сәбәпсе, Аллаһ-сихәтсе! Ярзам ит!)» (Записи автора в Хайбуллинском, Зианчуринском, Янаульском районах РБ). В текстах выпадают обращения к покровителям рода и зачастую действуют исламские святые. Очень редки в заговорах мотивы «знакомства» имсе и представления себя, своих возможностей. Идея жертвоприношения вмещается в короткие формулировки, типа «Тебе – платок, мне – здоровье!». Сократились дискурсы магического восхваления (заманивания) заговариваемого объекта («Текучей реки быстрее змея!») или они вообще отсутствуют. Таковые особенности маркируют деятельность и особенности творчества сельских целительниц имсе, арбаусы, которые есть еще почти в каждой местности.

«Профессиональные» целители ныне соблюдают правила лечебной магии: сообщают больному время, место лечения и правила (придти голодным, не есть мяса в течение 3 дней и т. п.): придерживаются необходимого этикета, просят помощи у «хозяев» воды, огня, земной почвы, соблюдают избегание бытового разговора, обращаются за помощью Аллаху, покровителям рода, импровизируют функциональные речитации в соответствии с народными

традициями. Обругивания недуга заканчиваются словами изгнания злых сил, а по окончании сеанса благодарят Всевышнего и получая хаир, посвящают его воле Аллаха, прося пользы лечения. По словам информаторов, «Древний человек заговаривал все, что имеет душу. Но не всякому этот дар-ремесло дается. Это могли проводить только баксы» (с. Юмаш, Баймакского района А. Барлыбаев, 1914 г. р., Зап. 1993 г.). «Раньше были могучие баксы. Вот они сотрясали мир! Слова говорили иногда непонятные и с мелодиями, и с напевами, прыгали, танцевали!» (с. Лагерево Салаватского района, 1994). Башкирские баксы (бакшы, бағыусы, бағымсы) – шаманы являются творцами харнау и арбау, они обладали недюжинной силой воли, голосом, экстраординарными способностями, дарованными им по наследству. (Ввиду ограниченного объема статьи эти свидетельства, собранные автором в течение многих лет, упоминаются лишь фрагментарно). Творчество башкирских баксы (шаманов) восходит к глубокой древности, связано с природопоклончеством, языческими традициями и умением устанавливать контакты со стихиями при помощи Слова. Архаичные формы контактов с высшими силами и способы влияния на волю живых существ, природы, совершаемых баксы, запечатлены в репертуаре магического фольклора: это заговоры животных, змей, заклички Солнца, радуги, дождей и так далее. С раскрытием и расшифровкой семантического мира этого кодового репертуара связано приобретение наиболее полных и объективных свидетельств об архаичных реалиях, причинно-следственных связях и артефактах, которые в других культурных текстах давно утрачены.

Примечания

¹ Токарев, С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

² Фольклор монгольских народов. М., 2011. 204 с.

³ Сравнительный словарь тунгуско-маньчжурских языков / отв. ред В. И. Цинциус. Т. 1. Л., 1975.

⁴ Эртюков, В. И. Эпоха палеометаллов в Северо-Восточной Арктике и её роль в генезисе малочисленных народов Севера // Языки, культура и будущее народов Арктики. Якутск, 1993. С. 82–84.

⁵ Инан, А. Шаманизм тарихта һәм бөгөн. Уфа, 1998. 210 с.

⁶ Вилданов, Ф. Төрөк халыктарының донъяға боронго дини карашы // Башкорт аймағы. 1926. № 2. Б. 27–38 (ғәр. гр.).

⁷ Башкорт халык ижады. Йола фольклоры / Төз., баш һүз, аңлатмалар авт-ры. Ә. М. Сөләймәнов, Р. Ә. Солтангәрәева. Өфө, 1995. 223 б.

⁸ Хисамитдинова, Ф. Г. Башкорттарзың им-том китабы. Өфө, 2006.

⁹ Хусаинова, Г. Г. Современный фольклор северных башкир // Экспедиция материалдары – 2006: Бураевский район. Уфа, 2008. 239 с.

¹⁰ Гайсина, Ф. Ф. Запреты как фольклорный жанр в традиционной культуре башкир : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 27 с.

¹¹ Юлдыбаева, Г. В. Хәзерге башкорт халык ижадында им-том // Башкорт фольклорының хәзерге торошо. Өфө, 2012. С. 156–163.

¹² Галин, С. А. Башкирский народный эпос. Уфа, 2004. 320 с.

¹³ Исхакова, Г. Г. Ритм как основной принцип организации заговорного текста // Урал-батыр и духовное наследие народов мира. Уфа, 2011. С. 203–204.

¹⁴ Хусаинов, Г. Б. Древние башкирские письменные памятники // История башкирской литературы. Уфа, 1990. Т. 1 (на башк. яз.).

¹⁵ Кәримова, Р. Н. Халыктың донъяға карашын күрһәтеүсе сығанак буларак халык медицинаһы лексикаһы // Урал-батыр и духовное наследие народов мира. Уфа, 2011. С. 208–210.

¹⁶ См.: Султангареева, Р. А. 1) Обрядовый фольклор как предмет реконструкции личности, функций и творчества багымсы. Уфа, 1999. С. 84–107; 2) Арбаузар // Башкирский фольклор. Исследования и материалы. V вып. Уфа, 2004. С. 199–215.

¹⁷ Баимов, Б. С. Творчество баксы // Шонкар, 1993. № 1. С. 28. (на башк. яз.).

¹⁸ Сөләймәнов, Ә. М. Башкорт халкының им-том һәм мөззәти йола фольклоры // Башкирский фольклор. Исследования и материалы. Уфа, 1995.

¹⁹ Минибаева, З. И. Ислам и демонологические представления о болезнях в народной медицине башкир (на материале Курганской области) // Этногенез. История. Культура. Уфа, 2011. С. 162–168; Лечебные заговоры в народной медицине курганских башкир и алтайских народов // Урал-Алтай: через века в будущее. Уфа, 2008. С. 149–153.

²⁰ Нафиков, Ш. В. Тамыры уғата боронго башкорт. Мәкәләләр йыйынтығы. Өфө, 2009. 418 б.

²¹ Dolgopolskiy, A. B. *Nostratik dictionariy*. Cambridge, 2008.

²² Абылкасымов, Б. Ш. Жауын шакыру // Известия АН РК (Казахстан). Филология. 1992. № 3. С. 50–54.

References

¹ Tokarev, S. A. (1964) *Rannie formy religii i ih razvitie* [=Early forms of religion and their development], Moscow. (in Russ.).

² *Fol'klor mongol'skih narodov* (2011) [=Folklore of the Mongolian people], Moscow, 204 p. (in Russ.).

³ *Sravnitel'nyj slovar' tungusko-manchzhurskih jazykov* (1975) [=Comparative dictionary Tungus-Manchzhur], Volume 1, Leningrad. (in Russ.).

⁴ Jertjukov, V. I. (1993) “Jepoha paleometallov v Severo-Vostochnoj Arktike i ejo rol' v genezise malochislennyh narodov Severa” [=Epoch of paleometal in the Northeast Arctic and its role in genesis of small peoples of the North], in: *Jazyki, kul'tura i budushhee narodov Arktiki* [=Languages, culture and the future of the people of the Arctic], Yakutsk, pp. 82–84. (in Russ.).

⁵ Inan, A. (1998) *Shamanizm tarihta һәм бөгөн*, Ufa, 210 p. (in Bashk.).

⁶ Vildanov, F. (1926) *Tөрөк халыктарының донъяға боронго дини карашы*, in: *Bashkort aймағы*, № 2, pp. 27–38 (ғәр. гр.) (in Bashk.).

⁷ *Bashkort halyk izhady. Jola fol'klory*. (1995), Өфө, 23 p. (in Bashk.).

⁸ Hisamitdinova, F. G. (2006) *Bashkorttarзың им-том китабы*, Өфө. (in Bashk.).

⁹ Husainova, G. G. (2008) “Sovremennyj fol'klor severnyh bashkir” [=Modern folklore of northern Bashkirs], in *Jekspedicija materialdary – 2006: Buraevskij rajon* [=Materials of the expedition], Ufa, 239 p. (in Russ.).

¹⁰ Gajsina, F. F. (2013) *Zaprety kak fol'klornyj zhanr v tradicionnoj kul'ture bashkir* [=Ban as a folklore genre in traditional culture the Bashkir], Kazan', 27 p. (in Russ.).

¹¹ Juldybaeva, G. V. (2012) “Hәzerge bashkort halyk izhadynda im-tom”, in *Bashkort fol'kloryның hәzerge torosho*, Өфө, pp. 156–163 (in Bashk.).

¹² Galin, S. A. *Bashkirskij narodnyj jepos* [=Bashkirsky national epos], Ufa, 2004. 320 p. (in Russ.).

¹³ Ishakova, G. G. (2011) “Ritm kak osnovnoj princip organizacii zagovornogo teksta” [=A rhythm as the basic principle of the organization of the zagovorny text], in: *Ural- batyr i duhovnoe nasledie narodov mira* [=Urals - the batyr and spiritual heritage of people of the world], Ufa, pp. 203–204. (in Russ.).

- ¹⁴ Husainov, G. B. (1990) “Drevnie bashkirskie pis'mennye pamjatniki” [=Ancient Bashkir written monuments], in: *Istorija bashkirskoj literatury* [=History of the Bashkir literature], Ufa, Volume 1 (in Russ.).
- ¹⁵ Kərimova, R. N. (2011) “Halыkтың donjara qarashyn kyrhəteyse syfanak bularak halыk medicinahы leksikahы”, in: *Ural-batyr i duhovnoe nasledie narodov mira* [=Ural-batyr and spiritual heritage of the peoples of the world], Ufa, pp. 208–210. (in Bashk.).
- ¹⁶ Sm.: Sultangareeva, R. A. (1999) *Obrjadovyy fol'klor kak predmet rekonstrukcii lichnosti, funktsij i tvorchestva bagymsy* [=Ceremonial folklore as subject of reconstruction of the personality, functions and creativity of a bagymysa], Ufa, pp. 84–107; Sultangareeva, R. A. (2004) “Arbauzar”, in: *Bashkirskij fol'klor. Issledovanija i materialy* [=Bashkir folklore. Researches and materials], Issue 5, Ufa, pp. 199–215 (in Russ.).
- ¹⁷ Baimov, B. S. (1993) “Tvorchestvo baksy”, in: *Shonkar*, № 1. p. 28 (in Russ.).
- ¹⁸ Sələjmənov, Ə. M. (1995) “Bashkort halkynun im-tom həm məzzəti jola fol'klory” // *Bashkirskij fol'klor. Issledovanija i materialy* [=Bashkir folklore. Researches and materials], Ufa. (in Bashk.).
- ¹⁹ Minibaeva, Z. I. (2011) “Islam i demonologicheskie predstavlenija o boleznyah v narodnoj medicine bashkir (na materiale Kurganskoj oblasti)” [=Islam and demonological ideas of diseases in traditional medicine the Bashkir (on material of the Kurgan region)], in: *Jetnogenez. Istorija. Kul'tura* [=Ethnogenesis. History. Culture], Ufa, S. 162–168; Minibaeva, Z. I. (2008) Lechebnye zagovory v narodnoj medicine kurganskij bashkir i altajskij narodov [=Medical plots in traditional medicine Kurgan the Bashkir and the Altai people], in: *Ural-Altaj: cherez veka v budushhee* [=The Urals-Altai: in centuries in the future], Ufa, pp. 149–153 (in Russ.).
- ²⁰ Nafikov, Sh. V. (2009) *Tamyry uzata boronzo bashkort. Məkalələr jyjyntygy*. Əfə, 418 p. (in Bashk.).
- ²¹ Dolgopolskiy, A. B. (2008) *Nostratik dictionariy*. Cambridge.
- ²² Abylkasymov, B. Sh. (1992) “Zhauyn shakyr”, in: *Izvestija AN RK* (Kazakhstan). Filologija, № 3, pp. 50–54. (in Bashk.).

ВАРИАТИВНОСТЬ В НЕМЕЦКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Предпринимается попытка изучения базовой лингвистической категории вариативности на основе юридического текста; выявлена ее сущность и основные типы, установлена ее значимость в организации текстов в сфере юрисдикции, а также определено место в системе понятий, описывающих языковую вариативность. Кроме того, установлены ведущие и факультативные лингвистические и паралингвистические средства, задействованные в процессе актуализации вариативности в текстах законов.

Ключевые слова: категория вариативности, юридическая лингвистика, закон как вид текста, внутренняя вариативность, внешняя вариативность текста, паралингвистические явления, средства современного немецкого языка.

Одним из ведущих понятий в современном языкознании является понятие вариантности (вариативности). Область лингвистических знаний, складывающаяся вокруг этого понятия, постоянно пополняется новыми данными, которые позволяют расширить и уточнить представления о вариативных свойствах языка и речи.

Языковая вариантность как определенная научная задача первоначально возникла при выделении и исследовании фонем пражскими лингвистами, которые описывали фонемы как совокупности вариантов (аллофонов). Представители пражской лингвистической школы (В. Матезиус, Й. Вахек, Л. Новак) выдвинули не только идею разграничения языковой нормы и ее кодификации, определили признаки литературной нормы с учетом ее динамического характера, функционально-стилевой дифференциации, но и обосновали существование в пределах литературной нормы ее отдельных вариантов.

Анализ показывает, что интерес к понятийному содержанию категории вариативности, начиная с работ пражских лингвистов, как в отечественной, так и зарубежной лингвистике неизменно возрастает (ср. Б. А. Абрамов, В. Г. Адмони, Е. Е. Анисимова, Н. С. Бабенко, Т. Г. Винокур, В. Г. Гак, В. Д. Девкин, А. И. Домашнев, Г. А. Золотова, О. И. Москальская, Т. А. Расторгуева, Е. А. Реферовская, Э. Ризель, Н. Н. Семенюк, В. М. Солнцев, Г. В. Степанов, Ю. С. Степанов, А. Д. Швейцер, Е. И. Шендельс, В. Н. Ярцева, U. Ammon, A. Betten, P. Braun, K.-D. Bünting, R. P. E. Coseriu, R. P. Ebert, W. Eichler, U. Engel, U. Fix, G. Fritz, H. Löffler, K.-J. Mattheier, D. Nerijs, P. Suchsland, H. Vater, H. Weinrich).

Следует заметить, что «по мере развития общей теории языка формировались разные подходы к изучению вариативности, поскольку она пронизывает всю языковую систему и ее функционирование. Особенно осложняется понятие варьирования при переходе исследований на текстовый уровень, который является сферой действия коммуникативно-прагматической вариативности» [7. С. 88].

В настоящей статье специфика варьирования анализируется на материале текстов законов, относящихся к сфере юридической лингвистики. В целом совокупность современных юридических текстов формируется за счет таких видов, как законы, постановления, указы и так далее, которые могут быть предметом рассмотрения и анализа не только в качестве источника права, но и в качестве специальных текстов с характерными особенностями употребления в них лексических, морфологических и синтаксических средств языка, а также варьирования этих средств.

На стыке языка и права находится довольно новая область языкознания – юридическая лингвистика или юрислингвистика. Терминологический аппарат данной научной области еще во многом не сложился, о чем свидетельствует, например, разнообразие терминов, ее обозначающих: «юрислингвистика», «судебное речеведение», «лингвоюристика», «судебная лингвистика», «грамматика права», «лингвокриминалистика», «юридическая лингвистика», «лингвистическая экспертиза» и др. Вместе с тем, как показывает проведенный анализ, остается нерешенным вопрос о соотношении данных терминов по объему и содержанию. Несомненным является, на наш взгляд, тот факт, что юрислингвистика как об-

ласть языкознания лежит на стыке языка и права и вследствие этого носит междисциплинарный характер.

В Германии исследование проблем взаимоотношения языка и права привело в 80–90 гг. XX в. к появлению и развитию самостоятельного научного раздела – правовой, или юридической лингвистики (*Rechtslinguistik*), которая представляет собой область междисциплинарных исследований языка права по многим направлениям. Начало изучения данной проблематики в лингвистическом и правовом аспектах было положено в исследованиях Е. Лампе, А. Подлеха, Т. Сайберга, К. Киркхова и В. Отто (E. Lampe, A. Podlech, K. Kirchhof, T. Seibert, W. Otto).

В настоящее время на материале немецкого языка язык права (*Rechtssprache*) или специальный юридический язык (*juristische Fachsprache*), используемый в юридических текстах, является предметом всестороннего изучения лингвистов и правоведов. Можно выделить следующие основные направления в исследовании языка права: судебная коммуникация, судебная лингвистика, юридическая аргументация, языковые нормы в праве, правовая сила языковых действий, критерии трактовки текстов, языковые требования к юридическим формулировкам и др.

Вместе с тем, справедливо подчеркивается, текст, который стал объектом разнопланового лингвистического изучения лишь в последней трети XX в., не имеет к настоящему времени однозначного определения. Значительную роль играет в данном случае отсутствие устоявшегося мнения в отношении состава и понимания текстовых категорий и признаков [8]. Что касается термина «категория» (гр. *kategoria* – доказательство, показание), то в энциклопедических работах данный термин трактуется как с точки зрения философии, так и с позиции лингвистики. В первом случае категория представляет собой общие понятия, отражающие наиболее существенные свойства и отношения предметов, явлений объективного мира (материя, время, пространство, движение, причинность, качество, количество так далее), либо это разряд, группа предметов, явлений, лиц, объединенных общностью каких-либо признаков. С точки зрения лингвистики под категорией понимается совокупность ряда противопоставленных друг другу грамматических значений (напр., категория падежа образуется совокупностью всех падежей данного языка)

[6. С. 221]. В широком плане под категорией понимается «одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [3. С. 45].

Применительно к тексту категории определяются либо как «специфические признаки речевого целого, отличающие это целое (текст) от других языковых явлений» [2. С. 36], либо как «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [4. С. 53]. Кроме того, под категориями текста понимают «текстовые качества, важнейшие признаки текста, имеющие типизированный и обобщающий характер» [1. С. 161]. Текстообразующие категории являются универсалиями в том плане, что представлены в связном тексте независимо от языка, на котором создан текст, а также независимо от его жанра и вида [9].

Относительно категории вариативности следует заметить, что вариантно-инвариантный подход к явлениям языка, утвердившийся первоначально в фонологии после выхода в свет работ представителей Пражского лингвистического кружка [5], постепенно был перенесен на изучение других уровней языковой системы. Распространение понятия варианта на другие уровни языковой системы оказалось весьма продуктивным.

На текстовом уровне представлена вариативность двух типов [7]. Во-первых, вариативность, действующая в текстах, приводит к образованию разных видов (подвидов) текстов, которые используются в различных дискурсах: официально-деловом, научном, научно-популярном, научно-техническом, публицистическом, юридическом, медицинском, политическом, обиходно-бытовом и др. В данном случае представлен первый тип коммуникативно-прагматической вариативности – «внешняя» вариативность, благодаря которой создаются и разграничиваются разные виды (подвиды) текстов, являющиеся моделями речевого поведения коммуникантов в социуме.

Второй тип коммуникативно-прагматической вариативности можно считать «внутренней» вариативностью, поскольку она действует в самих текстах и реализуется при помощи использования либо неиспользования в них как средств различных языковых уровней, так

и некоторых экстралингвистических явлений. На основе внутренней вариативности достигается известное многообразие изложения информации в каждом отдельном виде (подвиде) текста.

Рассмотрим специфику внутренней вариативности в законе, являющемся одним из видов юридических текстов. Закон (лат. *lex*) представляет собой постановление государственной власти, нормативный акт, принятый высшим органом государственной власти в установленном конституцией порядке. Закон входит в группу административно-правовых текстов и является их основным видом, поскольку обладает высшей нормативной силой по отношению к другим нормативным актам (указам, постановлениям, инструкциям, предписаниям и др.). Кроме того, обращается внимание на то, что закон – это «необходимая, внутренне присущая природе явлений реального мира тенденция изменения, движения, развития, определяющая общие этапы и формы процесса становления и самоорганизации конкретных развивающихся систем явлений природы, общества и духовной культуры человечества» [11. С. 119].

С текстами законов обращаются иначе, чем с любым другим видом текстов [12]. Законы являются особым способом организации информации, свойственным деятельности юриста, разработанным юристами и имеющим свою собственную текстовую модель. Не структура текста как таковая, а принципы работы с текстами определяют языковую форму законов. Несомненно, юридический текст должен быть точным по своему содержанию и вместе с тем понятным.

На выполнение той или иной коммуникативной функции текста в определенной коммуникативной ситуации направлены как языковые, так и неязыковые средства, задействованные в его организации. В целом, для организации текста определяющими оказываются внешние факторы. Именно стимулы извне, как зависимость от прагматических установок определенной культурной общности, задают тексту некоторые свойства и функции (Е. Анисимова, О. И. Таюпова), при этом существование различных классов, видов и подвидов текстов является результатом целенаправленной деятельности адресанта в ответ на эти стимулы.

В энциклопедической литературе подчеркивается, что «закон выражает определенный порядок причинной, необходимой и устойчи-

вой связи между явлениями или свойствами материальных объектов» [10. С. 133].

В настоящее время коммуникативно-прагматическая норма законов, имеющих очень длительное существование – уже после перехода от первобытнообщинного строя к родовому возникла необходимость в регулировании семейных отношений – не только с позиции языковой реализации, но и внешнего оформления претерпели весьма существенные изменения. Так, например, более раннее издание закона о штрафах Германии имеет следующую экстралингвистическую организацию:

§14 *Strafgesetzbuch (alte Fassung)*

Wer sich nach einem Verkehrsunfall der Feststellung seiner Person, seines Fahrzeugs oder der Art seiner Beteiligung an dem Unfall vorsätzlich durch Flucht entzieht, obwohl nach den Umständen in Frage kommt, dass sein Verhalten zur Verursachung des Unfalls beigetragen hat, wird mit Gefängnis bis zu zwei Jahren oder mit Haft und mit Geldstrafe oder mit einer dieser Strafen bestraft (Strafgesetzbuch, alte Fassung).

И если сравнить приведенный выше текст более раннего издания закона о штрафах с его новым изложением, то второй вариант характеризуется более широким применением таких вневлигвистических средств, как цифровая нумерация, «красная» строка, использование которых делает все содержание текста более обозримым и способствует его наиболее адекватному декодированию, ср.:

§142 *Unerlaubtes Entfernen vom Unfallort*

Ein Unfallbeteiligter, der sich nach einem Unfall im Strassenverkehr vom Unfallort entfernt, bevor er

1) zugunsten der anderen Unfallbeteiligten und der Geschädigten die Feststellung seiner Person, seines Fahrzeugs und der Art seiner Beteiligung durch die Angabe, dass er an dem Unfall beteiligt ist, ermöglicht hat oder

2) eine nach den Umständen angemessene Zeit gewartet hat, ohne dass jemand bereit war, die Feststellung zu treffen, wird mit Freiheitsstrafe bis zu zwei Jahren oder mit Geldstrafe bestraft (Strafgesetzbuch von 1975).

С паралингвистической точки зрения для современных текстов законов характерна весьма жесткая структура, которая обеспечивается, в том числе, и четким параграфированием. Помимо этого композиционная четкость законов достигается также при помощи подразделения параграфа на отдельные пункты (подпункты).

В отношении языковой организации обсуждаемого вида юридического текста следует заметить, что в данном случае имеются также весьма значительные изменения, связанные как с его лексической организацией, так и с грамматическими особенностями. Как видно из приведенного выше примера, в языковом плане изменения коммуникативно-прагматической нормы законодательных положений связаны с использованием в них распространенных определений, инфинитивных групп, различных структурных типов предложений, а также специфических словообразовательных приемов и терминологии, ср.: *Beteiligung an dem Unfall* → *Unfallbeteiligter*; *Gefängnis bis zu zwei Jahren* → *Freiheitsstrafe bis zu zwei Jahren*.

В целом приведенное выше законодательное положение является сложноподчиненным предложением с разветвленной и многоступенчатой системой придаточных предложений. Для кодирования одного и того же содержания в первом случае используются придаточные с подчинительными союзами *obwohl* и *dass*, во втором – с подчинительными союзами *bevor*, *dass*, *der*. Таким образом, вариативность в диахронии наблюдается не только при паралингвистическом оформлении текстов законов, но и при их кодировании в языке.

Наиболее сильную позицию в этом виде текста представляет собой заголовок, который может быть не только основным и располагаться до текста, но и выполнять функцию подзаголовка. В этом случае он стоит (ср. текст закона о суде) внутри самого текста:

Gesetz über das Bundesverfassungsgericht
§ 37 Stellung und Sitz des Gerichtes

(1) Das Bundesverfassungsgericht ist ein allen übrigen Verfassungsorganen gegenüber selbständiger und unabhängiger Gerichtshof des Bundes.
 (2) Der Sitz des Bundesverfassungsgerichtes ist Karlsruhe.

1. Senate, Wahl der Richter

(1) Das Bundesverfassungsgericht besteht aus zwei Senaten. (2) In jedem Senat werden acht Richter gewählt. (3) Die Richter jedes Senats werden aus der Zahl der Richter an den obersten Gerichtshöfen des Bundes gewählt. Gewählt werden sollen nur Richter, die wenigstens 3 Jahre an einem obersten Gerichtshof des Bundes tätig gewesen sind.

2. Qualifikation für das Richteramt

Die Richter müssen das 40. Lebensjahr vollendet haben, zum Bundestag wählbar sein und sich schriftlich bereit erklärt haben, Mitglied des

Bundesverfassungsgerichtes zu werden (GBVG).

Для выделения заголовков и подзаголовков в отдельных законодательных положениях используются и другие внелингвистические средства, а именно: шрифт, его цвет, цифровая нумерация, расположение текста.

Исходя из эмпирического материала, можно сделать вывод о том, что ведущими языковыми признаками законодательных положений являются простые повествовательные предложения, распространенные определения, причастия в определительной функции, инфинитивные группы, презенс, юридические термины, сложные слова, в том числе с полусуффиксами *-mässig*, *-gemäss*, *-recht*. К факультативным признакам с грамматической точки зрения относятся паратактико-гипотактические комплексы, гипотаксис и презенс пассив с модальными глаголами. Категория вариативности имеет полевою структуру, поскольку она актуализируется, как показывают примеры, разноразными текстовыми единицами.

Таким образом, в паралингвистическом плане современные тексты законов характеризуются известным единообразием: абсолютно ведущим внеязыковым признаком здесь является параграфирование. Но при анализе с позиции диахронии наблюдается известное варьирование не только лингвистических, но и паралингвистических средств. С точки зрения синхронии вариативность представлена только при употреблении языковых средств.

Список литературы

1. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста. М., 2009. 520 с.
2. Ильенко, С. Г. Русистика : избр. тр. СПб., 2003. 674 с.
3. Кубрякова, Е. С. Категория // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Ю. Г. Панкрац. М., 1997. С. 45–47.
4. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990. 134 с.
5. Пражский лингвистический кружок. М., 1967. 558с.
6. Словарь иностранных слов. М., 1988. 608 с.
7. Таюпова, О. И. Типы коммуникативно-прагматической вариативности в малоформатных текстах // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. 2005. № 2. Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 87–92.

8. Таюпова, О. И. Категории и признаки текста // Вестн. Башк. ун-та. 2011. Вып. 19. № 4.

9. Таюпова, О.И. Категории текста как лингвистические универсалии / О. И. Таюпова, Ф. У. Жаббарова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 20 (311). Филология. Искусствоведение. Вып. 79. С. 98–100.

10. Философский словарь. М., 1972. 495 с.

11. Философский словарь / сост. С. Я. Подопригора, А. С. Подопригора. 2-е изд. Ростов н/Д, 2013. 562 с.

12. Busse, D. Juristische Semantik. Grundfragen der juristischen Interpretationstheorie in sprachwissenschaftlicher Sicht. 2 Aufl. Berlin, 2010. 318 S. (Schriften zur Rechtstheorie. Heft 157).

Список источников

1. Strafgesetzbuch von 1975 [Электронный ресурс]. URL: www.recht.germany.

2. Strafgesetzbuch (alte Fassung) [Электронный ресурс]. URL: www.recht.germany.

3. Gesetz über das Bundesverfassungsgericht [Электронный ресурс]. URL: www.1000dokumente.de/index.html/index.

References

1. Bolotnova, N. S. (2009) *Filologicheskij analiz teksta* [=Philological analysis of the text], Moscow, 520 p. (in Russ.).

2. Il'enko, S. G. (2003) *Rusistika: Izbrannye trudy* [=Russian Studies: selectas], St. Petersburg, 674 p. (in Russ.).

3. Kubryakova, E. S. (1997) *Kategoriya* [=Category], in: *Kratkij slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms], pod red. E. S. Kubryakovej, V. Z. Dem'yankova, Yu. G. Pankrats, Moscow, pp. 45–47 (in Russ.).

4. Matveeva, T. V. (1990) *Funktional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorij* [=Functional styles in the aspect of text categories], Sverdlovsk, 134 p.

5. *Prazhskij lingvisticheskij kruzhok* [=Prague linguistic circle] (1967). Moscow, 558 p. (in Russ.).

6. *Slovar' inostrannykh slov* [=The dictionary of foreign words] (1988). Moscow, 608 p. (in Russ.).

7. Tayupova, O. I. (2005) *Tipy kommunikativno-pragmaticheskoy variativnosti v maloformatnykh tekstakh* [=Types of communicative-pragmatic variation in small texts], in: *Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [=Bulletin of Voronezh State University. Series "Linguistics and intercultural communication"], № 2, pp. 87–92. (in Russ.).

8. Tayupova, O. I. (2011) *Kategorii i priznaki teksta* [=Categories and characteristics of text], in: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [=Bulletin of Bashkir University"], № 4 (in Russ.).

9. Tayupova, O. I. and Zhabbarova, F. U. (2013) *Kategorii teksta kak lingvisticheskie universalii* [=The categories of the text as linguistic universals], in: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of Chelyabinsk State University], № 20, pp. 98–100 (in Russ.).

10. *Filosofskij slovar'* (1972) [=Philosophical dictionary]. Moscow, 495 p. (in Russ.).

11. *Filosofskij slovar'* (2013) [=Philosophical dictionary], sost. S. Ya. Podoprigora, A. S. Podoprigora, 2nd edition, Rostov-on-Don, 562 p. (in Russ.).

12. Busse, D. (2010) *Juristische Semantik. Grundfragen der juristischen Interpretations theorie in sprachwissenschaftlicher Sicht*. Berlin, 318 p. (Schriften zur Rechtstheorie. Heft 157).

Р. Д. Хуснуллина

ВОЛК КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ-АРХЕТИП В СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРСКОЙ ПРОЗЕ

Анализируются произведения башкирских писателей, маркированные темой волков. Корпус текстов делится на две группы: произведения, в которых описывается архетипический образ Волка, связанный с менталитетом башкирского народа, с образом древнего Небесного Волка, и произведения, в которых изображается архетип «плохого Волка», отражающий жестокость и злость людей.

Ключевые слова: современная башкирская проза, образная система, образ-архетип волка.

Многие прозаические произведения современной башкирской литературы проанализированы такими учеными, как А. Вахитов¹, Р. Баимов², Г. Гареева³ и др., с точки зрения идейно-тематического содержания, сюжетно-композиционной структуры, стилевых особенностей, однако остается актуальной проблема архетипа, в частности, малоизученным остается архетип животного. «Под архетипом мы понимаем изначальные, фундаментальные образы и мотивы, лежащие в основе общечеловеческой символики мифов, сказок и других продуктов художественного воображения. Архетипический образ – это образ художественного произведения, в котором архетип получает конкретное воплощение»⁴. Архетип может до неузнаваемости изменяться, воплощаясь в творчестве разных авторов, но при этом он сохраняет «некое ценностно-смысловое ядро, в своей неизменности обеспечивающее высокую устойчивость архетипической модели»⁵. По мнению А. Большаковой, одно из значений «архетипа» – «...основная ситуация, характер или образ, который постоянно появляется в жизни и, следовательно, в литературе»⁵. Наша задача – проанализировать архетипический образ волка в башкирской литературе, так как волк является тотемным животным башкирского народа. Теоретическим обоснованием исследования являются труды Е. Мелетинского «О литературных архетипах», где он проследил трансформацию фольклорного архетипа в литературный⁶, А. Большаковой «Теория архетипа на рубеже XX–XXI вв.: теоретические проблемы литературоведения»⁷, Ю. Хазанкович «Образ волка в фольклоре и литературе: к проблеме архетипа»⁸.

Архетип волка существует и в славянском фольклоре, где, например, упоминаются оборотни «плохие», которые убивали людей и по-

хищали скот, и оборотни «хорошие». Аналогом «добротного» оборотня в русском фольклоре следует считать волка в русской народной «Сказке об Иван-царевиче, Жар-птице и сером волке»⁹. В мифологии индоевропейцев идеальных воинов сравнивали с волками¹⁰. У ранних христиан волк представлен символом ереси. В античности волк предстает священным животным¹¹.

В фольклоре башкирского народа возникновение башкирских родов и племен связывают с образом волка¹¹. Легенда «Откуда произошло слово “башкорт”» повествует о том, как далекие предки башкир, идя за волком, очутились в прекрасных местах, где и живут по сей день. Поэтому они себя назвали «людьми, пришедшими за главным волком» (*баш* «главный», *корт* – «волк»). Отсюда и название народа – *башкорт*¹². Профессор А. М. Сулейманов утверждает, что «известно восемь вариантов этой версии»¹³. С давних пор волк для башкир является особым животным. Во многих случаях волк рассматривается как священное животное, приносящее человеку добро, и содержит в себе идеи нравственности, духовной чистоты. У башкир Бураевского района есть «род волка», на флаге этого района изображен Небесный Волк (Күк-Бүре). Этот символ, единый для всех тюркских народов, олицетворяет многовековую народную память, мудрость, отвагу, жертвенность и верность своей родине. Образ волка перешел из фольклора в литературу и отражается в современной башкирской поэзии, прозе и драматургии как архетипический образ.

Предметом нашего исследования стал архетипический образ волка в башкирской прозе. Произведение И. Дикката «Небесные волки» отличается тем, что оно опирается на архетип Волка. Название племени *Бурзен*, *Бурзян* (*Бөрйән*) исходит от слов *бүре*, *йән* «волк»,

«душа», «волчья душа». Их предки действительно были смелыми, выносливыми, крепкими, как волки. Архетип волка появляется и в романе-эпопее Т. Гариповой «Буренушка». В произведении предводительница племени Тыумэрэс, превратившись в волчицу, уводит за собой стаю волков, тем самым спасает свой род. Этот архетипический мотив лег в основу романа «Буренушка». Г. Хусаинов отмечает, что «в романе в композиционном плане выделяются особенные, контрастные две сюжетные линии. Одна из них связана с миром людей, другая – с миром животных»¹⁴. Сюжетная линия, связанная с Күк бүре (Небесной волчицей), выросшей во дворе у Барсынбики-Фаузии, переплетаясь с основной сюжетной линией, усиливает ее значение. Небесная волчица – это прообраз древнего Небесного волка, приведшего башкир на Урал; она является символом удачи всего рода Барсынбики. Образ Күк бүре связан с образами Барсынбики, Ихсанбая и Мадина. Когда Күк бүре, услышав зов лесного богатыря – сильного волка Узамана – уходит в лес, Ихсанбая покидают удача и счастье. Ихсанбай остается без моральной поддержки своей матери. Всё зло, сделанное им, возвращается к нему, и он погибает в окружении тех же волков. Связь Барсынбики и Күк бүре показывается и в эпизоде, когда Мадина, заблудившись во время пурги, оказывается в окружении стаи волков. Барсынбика чувствует, что с ее внучкой случилась беда, и просит помощи у Всевышнего, чтобы он помог единственному духовно чистому человеку ее рода. Күк бүре, словно услышав мольбу Барсынбики, спасает Мадину, расплатившись своей жизнью. Такие параллели создают особенную композицию романа. Таким образом, в романе «Буренушка» автор мифологически насыщает образ волчицы: волчица Күк бүре олицетворяет род человеческий, род Барсынбики, чье предназначение – оставить после себя доброе, нравственно чистое поколение, приносящее радость и счастье окружающим.

Зачин повести А. Хакимова «Хромая волчица» также маркирован темой волков, где волк также рассматривается как положительный персонаж. Произведение начинается с изображения обыденного мирного дня волчицы с двумя детенышами. Но с первых дней войны волчица понимает, что «в этот тихий мир ворвалась какая-то очень страшная беда». Волчица олицетворяет Родину-мать. Время от времени появляющаяся перед советскими воинами вол-

чица выступает в качестве покровителя солдат, «душой осиротевшей земли». Для фашистов она является «страшным существом, увидев которое, они начинают божиться и стрелять в нее, но не могут попасть». Хромая волчица символизирует и гуманизм. Она против войны. Ее горе подается параллельно человеческому горю: «Волчица, подойдя поближе к стогу сена, поискала, и, внезапно, остановившись, осторожно двинула мордой маленький бугорок. Полуобгоревший клубок, с запахом паленой кожи, оказывается ее родным щенком. Мать, невольно, отшатывается, садится на задние лапы, и, больше не в силах удержать горе, начала выть»¹⁵. Рядом с волчицей убивается жещина, качая в руках своего мертвого младенца. Этот композиционный прием углубляет трагизм происходящего.

Удивительно умным животным показывается волк, прообраз древнего Небесного волка (Күк бүре), «за которым пришли и поселились на Урале наши далекие предки»¹⁶ в рассказе И. Нугуманова «Мечь». Волк представляет собой род древних волчьих стай, которые из поколения в поколение жили на этой земле и стали символом удачи. О волках старик Ахтям говорит, что их можно разделить на две группы: «на волков, которые переселяются из одной местности в другую, при этом истребляют все на своем пути, и на волков, которые родились и выросли здесь». И этих вторых он называет самыми умными: «Каким бы голодным не был, этот волк не тронет скот, находящийся рядом с его логовом, не допустит чужих порочных волков на свою территорию»¹⁶. Охотник Салим сделал им зло, украв из логова шестерых детенышей волка, убив волчицу. Этим своим поступком он нарушил гармонию с природой. Автор показывает трагизм случившегося через безудержное горе малышей-волчат, которые «скуля, пытались сосать молоко убитой матери», «плакали, проклиная кого-то», а волк, идущий следом за своей семьей, «выл с тоской», отчего раздиралась душа. С этого дня Салим преследует волка. Дед Ахтям предупреждает Салима, что «мечь Небесного волка тяжела, но Салим продолжает свои поиски. Душераздирающе описывается день расплаты: Салим становится на колени перед волком, который стоит гордо над головой его маленькой дочери, и произносит слова: «Сонай! Не губи мое дитя! Иди своей дорогой, прошу!.. Пожалуйста... Не трону вас... Обещаю, даю слово... Слово мужчины...». В эту наприя-

женную минуту волк поступает гуманно: он не трогает беззащитное человеческое дитя, отступает. Свое слово не держит только человек: Салим стреляет в волка. Слова дочери: «Зачем ты стрелял? Он ведь был хорошей собакой», – как будто пробуждают отца. Он идет за убитым волком, но волк оказался жив и мстит человеку за всю боль, которую тот ему причинил. Волк в данном случае выступает в качестве посланника природы, природа как бы говорит людям через образ волка: не истребляй меня, береги меня, и тогда ты будешь жить в мире и согласии.

Архетип волка отражается и в других тюркских литературах. Роман Ч. Айтматова «Плаха» также маркирован темой волков¹⁷ и перекликается с рассказом башкирского писателя И. Нугуманова «Мечь». В обоих произведениях человек идет против природы и истребляет самого себя. В романе против человечества противопоставляются волчица Акбара и волк Ташчайнар, олицетворяющие природу. Люди истребляют их род, чем навлекают на себя беду, ибо «Несчастье, постигшее ее род – есть несчастье, постигшее природу в целом...»¹⁸. В отличие от романа «Плаха» рассказ И. Нугуманова заканчивается установлением гармонии между человеком и природой: отомстив человеку, волк продолжил свой род. Встретив однажды волка со своим новым семейством, старик Ахтям произносит слова: «Эй, умный хищник!.. Предок Небесного волка! Не обижайся на человека, не держи зла! Отомстил своему врагу Салиму, этим и примирился. Давай жить в согласии», – чем ставит точку в этой истории.

Архетип волка встречается и в татарской литературе. В повести Н. Гиматдиновой «На хуторе» судьба волка и человека сопоставляются. Хаят – одинокая женщина, живущая в лесу, люди сторонятся ее. Однако она и сама, как природа честна и чиста нравственно. Параллельно изображается и одинокий волк Серый. Хаят, спасая Серого от смерти, становится его другом. Позже волк находит себе белую волчицу. Их любовь сопоставляется с любовью Хаята и Рустама, которого Хаят спасла от смерти. Но белую волчицу не принимает волчья стая и загрызает ее. Так же и люди сравнивали с землей хутор – они не приняли в свой круг духовно чистую Хаят. В данном случае люди сравниваются со волчьей стаей. Как в башкирской, так и в татарской литературе встречается образ волка и «волчьей стаи», которые несут в себе глубокий смысл.

В произведении А. Гареева «Морской волк» описывается человек, вобравший в себя все

лучшие качества волка¹⁹. Писатель посвящает это произведение известному американскому писателю Джеку Лондону. Морской волк – это сам Джек Лондон: такой же справедливый, сильный, крепкий, гордый, выносливый. Тема волков занимает значительное место в творчестве американского писателя. В романах «Сын волка»²⁰, «Морской волк»²¹, рассказах «Бурый волк», повести «Белый клык»²² волки описываются положительно. Отсюда, можно сделать вывод о том, что и в американской литературе существует некий положительный архетип волка.

Таким образом, в первой группе собраны произведения, где отражен архетип Небесного волка, который вобрал в себе силу, мощь предков. Это наиболее распространенный архетип волка в башкирской литературе, который часто используется авторами для того, чтобы предупредить человечество, предостеречь от безнравственных поступков.

Во вторую группу относим архетипический образ Волка, характеризующий отрицательных персонажей, несущих зло простому народу или отдельным личностям. В повести «Вернусь перед зарей» Ф. Исаковой и в романе Т. Гариповой «Буренушка» описываются женщины, попавшие зимой в лапы стаи волков. Это архетипическая ситуация, которая часто повторяется в произведениях. В рассказе Ф. Исаковой «Охота на волка» волк бросается на людей. Этим волком-оборотнем оказалась жена Гиндуллы Настя²³. В рассказе А. Аминева «Волчата»²⁴ Сакина рождает мальчика от Ивана, который уехал, обманув девушку. В рассказе отчетливо прослеживаются две сюжетные линии: одна из которых связана с судьбой Сакины и ее ребенка, другая с ее собакой Актырнак и щенков, родившихся от волка. Стая волков, изранив Актырнак, уводит в лес ее щенков, а мать Ивана увозит с собой сына Сакины. Писатель этим своим произведением предостерегает людей от необдуманных действий, которые могут привести к трагическим ситуациям.

Таким образом, в башкирской литературе архетипический образ Волка можно разделить на две группы:

– в первую группу входят произведения, в которых описывается архетипический образ волка, связанный с менталитетом народа, с образом древнего Небесного волка. Это хикаят И. Дикката «Небесные волки», повесть А. Хакимова «Хромая волчица», И. Нугуманова «Мечь», роман-диалогия

Т. Гариповой «Буренушка». В них описывается архетип древнего Небесного волка, духовного предводителя башкир, несущего отпечатки древности, нравственной чистоты;

– во вторую группу можно отнести произведения, в которых изображается архетип «плохого волка», отражающий жестокость и злость людей. Это рассказы А. Аминова «Волчата», Ф. Исаковой «Охота на волка», повесть Ф. Исаковой «Вернусь перед рассветом».

Однако в большинстве башкирских произведений встречается архетип гордого, сильного волка – Небесного волка, содержащий в себе черты башкирского менталитета. Архетипический образ волка углубляет содержание башкирских прозаических произведений. Его применяют для того чтобы показать смелые, сильные характеры. Эти стороны связаны с легендами и мифами башкир.

Примечания

¹ См.: Вахитов, А. Х. Закономерности жанрово-стилевого развития башкирской прозы. Уфа, 2007. 464 с. (на башк. яз.).

² См.: Баимов, Р. Н. Судьба жанра. Взаимодействие и развитие жанровых форм башкирской прозы. Уфа, 1984. 320 с.

³ См.: Гареева, Г. Н. Особенности современной прозы. Уфа, 2009. 224 с. (на башк. яз.).

⁴ Проблема архетипов и архетипических образов в литературоведении [Электронный ресурс]. URL: <http://Alcyone.ucoz.ru/blog/2009-05-14-29>.

⁵ Большакова, А. Литературный архетип // Литератур. учеба. 2001. № 6.

⁶ См.: Мелетинский, Е. О литературных архетипах. М., 1994. 136 с.

⁷ Большакова, А. Теория архетипа на рубеже XX–XXI вв. Теоретические проблемы литературоведения // Вопр. филологии. 2003. № 1 (13). С. 25.

⁸ Хазанкович, Ю. Г. Образ «волка» в фольклоре и литературе: к проблеме архетипа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elibrary.finesc.ru>.

⁹ См.: Литературная хрестоматия. Лукоморье. Тюмень, 1997. 325 с.

¹⁰ Тресиддер, Д. Словарь символов. М., 1999. С. 16.

¹¹ Хазанкович, Ю. Г. Образ «волка» в фольклоре и литературе: к проблеме архетипа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elibrary.finesc.ru>.

¹² Башкирское народное творчество. Легенды, предания. Уфа, 1980. С. 63–83. (на башк. яз.).

¹³ Анализирование легенд и преданий: методич. указания / сост. А. М. Сулейманов, редактор М. А. Мамбетов. Уфа, 1983. С. 6.

¹⁴ Хусаинов, Г. Б. Поэтика башкирской литературы. Ч. I. Теоретическая поэтика. Уфа, 2006. С. 345. (на башк. яз.).

¹⁵ Хаким, А. Хромая волчица : повести, роман. Уфа, 1999. С. 24. (на башк. яз.).

¹⁶ Нугуманов, Р. М. Сакмарбап : роман, рассказы. Уфа, 2013. С. 388. (на башк. яз.).

¹⁷ Хазанкович, Ю. Г. Образ «волка» в фольклоре и литературе: к проблеме архетипа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elibrary.finesc.ru>.

¹⁸ Айтматов, Ч. Т. Плаха. М., 2011. С. 45.

¹⁹ Гареев, А. Морской волк и другие рассказы. Уфа, 2003. С. 3. (на башк. яз.).

²⁰ Лондон, Дж. Морской волк : рассказы // Лондон, Дж. Собр. соч. : в 8 т. Т. I. М., 1993. С. 218–230.

²¹ Там же. С. 231.

²² Лондон, Дж. Белый клык; Зов предков / пер. с англ. Н. Волжиной, М. Абкиной. М., 2004. С. 5–238.

²³ Исакова, Ф. Человек-отражение. Уфа, 1996. С. 352. (на башк. яз.).

²⁴ Аминов, А. Сөңгөл. Уфа, 2001. С. 112. (на башк. яз.).

References

¹ Vakhitov, A. Kh. (2007) *Zakonomernosti zhanrovo-stilevogo razvitiya bashkirskoy prozy* [=Regularities of genre and style development of the Bashkir prose], Ufa, 464 p. (in Bashk.).

² Baimov, R. N. (1984) *Sud'ba zhanra. Vzaimodeystvie i razvitie zhanrovyykh form bashkirskoy prozy* [=Sudba of a genre. Interaction and development of genre forms of the Bashkir prose], Ufa, 320 p. (in Russ.).

³ Gareeva, G. N. (2009) *Osobennosti sovremennoy prozy* [=Features of modern prose], Ufa, 224 p.

⁴ *Problema arkhetipov i arkhetipicheskikh obrazov v literaturovedenii* [=A problem of archetypes and archetypic images in literary criticism], available at: <http://Alcyone.ucoz.ru/blog/2009-05-14-29> (in Russ.)

⁵ Bol'shakova, A. (2001) *Literaturnyy arkhetip* [=Literary archetype], in: *Literaturnaya ucheba* [=Literary study], № 6 (in Russ.).

⁶ Meletinskiy, E. (1994) *O literaturnykh arkhetipakh* [=About literary archetypes], Moscow, 136 p. (in Russ.).

- ⁷ Bol'shakova, A. (2003) "Teoriya arkheta na rubezhe XX–XXI vv. Teoreticheskie problemy literaturovedeniya" [=The theory of an archetype at a boundary of the XX–XXI centuries. Theoretical problems of literary criticism], in: *Voprosy filologii* [=Philology questions], № 1 (13), P. 25 (in Russ.).
- ⁸ Khazankovich, Yu. G. *Obraz «volka» v fol'klore i literature: k probleme arkheta* [=Obraz of «wolf» in folklore and literature: to an archetype problem], available at: <http://www.elibrary.finec.ru>.
- ⁹ *Literaturnaya khrestomatiya. Lukomor'ye* (1997) [=Literary anthology. Curved seashore], Tyumen, 325 p. (in Russ.).
- ¹⁰ Tresidder, D. (1999) *Slovar' simvolov* [=Dictionary of symbols], Moscow, P. 16 (in Russ.).
- ¹¹ Khazankovich, Yu. G. *Obraz «volka» v fol'klore i literature: k probleme arkheta* [=Obraz of «wolf» in folklore and literature: to an archetype problem], available at: <http://www.elibrary.finec.ru>. (in Russ.)
- ¹² *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Legendy, predaniya* (1980) [=Bashkir national creativity. Legends], Ufa, pp. 63–83 (in Bashk.).
- ¹³ *Analizirovanie legend i predaniy* (1983) [=Analysis of legends and legends : metodich. Instructions], sost. A. M. Suleymanov, redaktor M. A. Mambetov. Ufa, P. 6 (in Russ.).
- ¹⁴ Khusainov, G. B. (2006) *Poetika bashkirskoy literatury* [=Poetika of the Bashkir literature], Part I, Ufa, P. 345 (in Bashk.).
- ¹⁵ Khakim, A. (1999) *Khromaya volchitsa* [=Lame she-wolf], Ufa, P. 24 (in Bashk.).
- ¹⁶ Nugumanov, R. M. (2013) *Sakmarbash* [=Sakmarbash], Ufa, P. 388 (in Bashk.).
- ¹⁷ Khazankovich, Yu. G. *Obraz «volka» v fol'klore i literature: k probleme arkheta* [=Obraz of «wolf» in folklore and literature: to an archetype problem], available at: <http://www.elibrary.finec.ru>. (in Russ.)
- ¹⁸ Aytmatov, Ch. T. (2011) *Plakha* [=Plakh], Moscow, P. 45 (in Russ.).
- ¹⁹ Gareev, A. (2003) *Morskoy volk i drugie rasskazy* [=Old salt and other stories], Ufa, P. 3 (in Bashk.).
- ²⁰ London, Dzh. (1993) "Morskoy volk" [=Old salt], in: London, Dzh. *Sobranie sochinenij* [=Collected works], T. I. Moscow, pp. 218–230 (in Russ.).
- ²¹ Ibid. P. 231 .
- ²² London, Dzh. (2004) *Belyy klyk; Zov predkov* [=White Fang; Call of ancestors] / per. s angl. N. Volzhinoy, M. Abkinoy, Moscow, pp. 5–238.
- ²³ Iskhakova, F. (1996) *Chelovek-otrazhenie* [=Person reflection], Ufa, P. 352 (in Bashk.).
- ²⁴ Aminev, A. (2001) *Vodovorot* [=Whirlpool], Ufa, P. 112 (in Bashk.).

О ТРАКТОВКАХ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ КРИТИКИ, ПОДЛИННОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ В ЛЕКСИКОГРАФИИ

Рассматривается несколько трактовок противопоставления внутренней и внешней критики применительно к практике оценки лексикографических источников, а также связанные понятия достоверности и подлинности.

Ключевые слова: источниковедение, внутренняя и внешняя критика словаря, достоверность и подлинность.

Критика источников и источниковедение как особая научная дисциплина за несколько столетий обросли терминологией, которую нельзя не принимать во внимание и при обсуждении специфики лингвистического источниковедения и, в частности, критики словарей. Можно обнаружить несколько трактовок различения *внешней критики* и *внутренней критики*, при том что отмечается принципиальная трудность описания терминологических пар с прилагательными *внутренний – внешний* [6. С. 65].

Первое различие, которое часто актуализируется в представлении наших современников, – это противопоставление между «внешней» критикой и самокритикой, совпадающее с различием «внешних» и «внутренних отзывов» или словарных рецензий [8. С. 8, 9]. Надо отметить практическую важность этого различения: авторский коллектив владеет более мощными ресурсами для верификации описания отдельных слов, чем сторонний критик, и может использовать их до издания словаря.

Если обратиться к традиции исторического (а на этапе возникновения и развития – общегуманитарного) источниковедения, то обнаруживается несколько иное содержание пары *внутренняя критика – внешняя критика*. Историк акцентирует текстологические аспекты критики источников: «принцип сличения и систематизации списков с их внешней и внутренней критикой в XIX в. вполне прижился в России» [1. С. 342]. Под внешней критикой понимается атрибуция (определение места и времени создания, авторства) документа или памятника и оценка степени его сохранности. Внутренняя критика дает интерпретацию сообщения и оценивает его достоверность, учитывая исторический контекст, жанр и намерения автора. В филологии задачи, которые обеспечивает *внешняя критика*, решаются в рамках палеографии,

графологии, частные вопросы – в рамках ряда других технических дисциплин. *Внутренняя критика* – в рамках археографии, текстологии, истории текста и т. п. Иногда справедливо говорят, что она близка по задачам к интерпретации источника. Можно вспомнить в связи с этим и антитезу, более привычную для филологов: *памятник/документ* как физическая копия и *источник* как текст.

Важно и различие этих двух аспектов критики по целям: 1) *подлинность* источника как материального памятника доказывает *внешняя критика*; 2) содержательную *достоверность* источника – *внутренняя критика*. Критика словаря тоже направлена на достижение этой двойной цели.

Рассмотрим пример. Ряд жаргонных словарей включает лексическую единицу: «**Небуди** (м<жду>н<ародное>.) – кровный враг» [4. С. 177]. *Подлинность* материального свидетельства о наличии слова в русских словарях жаргона можно доказать обращением к ответственному изданию 1992 г., оформленному в виде книги в твердой обложке, не имеющей следов замены страниц, подчисток и вклеек. Однако *достоверность* данного свидетельства о том, что такое слово существует, находится под вопросом. Проведенный нами источниковедческий (или текстологический, в данном случае их различие неважно) анализ позволяет установить немецкий прототип: «*Nebudy Blutsfreunde*» – *побратимы* [13. S. 61] и, следовательно, зафиксировать превращение толкования *побратимы* в толкование *кровный враг* – то есть констатировать наличие ошибки в процессе работы с толкованием. Исследование всех искажений данного лексикографического казуса позволило нам в свое время привлечь внимание реконструировать гипотетическую запись *Nebudy* = *+Národy* – *друзья цыгана из местных* [9. С. 52]. **Попутно заметим, что зна-**

чительное количество уникальных ошибок в немецком источнике и копиях его русско-го перевода с большой степенью надежности позволяет определить путь письменного заимствования данного слова. Позднее удалось подтвердить точность реконструкции обращением к вероятному промежуточному источнику: «*Nebudy Blutsfreunde*» – *побратимы* [9. С. 49–77; 10. С. 55–61], связав его с формой ед. ч.: «*Narodos Freund*» – *друг* [13. С. 61].

Как видим, источниковедческий анализ позволил установить, что запись «**Небуди** (*м<ежду>н<ародное>*.) – кровный враг» в жаргонном словаре возникла в результате нескольких этапов ошибочного переосмысления чешского слова со значением *народ*, бытовавшего в локальном цыганском диалекте в значении *друг*. Таким образом, подлинность того или иного свидетельства не гарантирует его достоверности.

«Внутренняя» критика может пониматься и иначе. Для критики словаря в целом и его отдельных словарных статей иногда релевантно разделение привлекаемых данных, в свою очередь, на «внутренние» (обнаруживаемые в том же словаре) и «внешние» (взятые из других словарей). Кавычки специально поставлены, чтобы не получить отповедь на такое еретическое терминопотребление со стороны источниковедов. Это противопоставление позволяет различать внутренние содержательные противоречия и разнотрактовки в разных лексикографических источниках. Противоречие внутри словаря может устраняться при опоре на внутренний анализ. Противоречие между словарями – на основании каких-то третьих «внешних» источников.

Этот вид критического анализа (при опоре на данные того же словаря) также может именоваться *внутренним* (пусть и не в строго терминологическом смысле) в противоположность *внешнему*, когда обнаруживаются и анализируются противоречия между разными словарями. Ошибки словаря, обнаруживаемые и исправляемые на основе внутренних противоречий, удается обосновать обычно с большей степенью надежности. Рассмотрим примеры:

а) Разные источники дают сходную, но противоречивую информацию: «**Страусить** [?], *несов., неперех.* *Страусить над собой.* Беречь себя. *Вы не страусите над собой.* Жиздр. **Калуж.**, Добровольский, 1898» и «**2. Стражить над собой.** Беречься, остерегаться. *Вы не стражите над собой.* Жиздр. **Калуж.**, 1905–1921»

[7. Вып. 41. С. 290, 278]. Видимо, следует принять только вариант написания *стражить*, а изолированное *страусить* считать призрачным словом. (О разложении *ж* с продленной вниз центральной мачтой в *ус* и *гр* при чтении записей В. Н. Добровольского говорит: *обвагивать* <+*обваживать* – обвешивать, *васьминуса* <+*восьминжа* – восемь [11. С. 679–681]. На *-жа* указывают и параллель из условного языка шаповалов: *семжа* – 7; *восемжа* – 8; *девьянжа* – 9 [5. С. 128].)

б) Один источник дает наряду с обычным *лупить* еще и уникальный вариант слова: «**Лупать**, *аю, аешь, несов., сов., перех.* Снимать кожицу с плодов. **Яросл.**, 1929» [7. Вып. 17. С. 199]. Есть глагол *колупать*, но глагол *лупать* слабо документирован. В единственном источнике *лупать* выглядит как возможная опечатка, в составе словарного гнезда с описанием *лупить*, и вслед за ним идет иллюстративное речение с *лупить* (расстановка кавычек в издании дополнительно дает представление о качестве корректуры):

Лу́пи'ть – 1. **снимать кожу.** **Водога** <с. Колудино>, Югск<ой>. в<олости>. ; Серед<ина>. Дан<иловского>. у<езда>. – лупать картофель; не почем не лупится; **Корега** Буйск<ого>. у. – о картошке; 2. **Яросл<авской губернии>.** Вят<ская>. в<олость>. – бить; в городе: пропиши ему лу'пку; **Мышк<инский уезд>.** В<ерхнее>. Куб<енское>. – колотить. «Отлупи его» [3. С. 138]. Во втором примере *лупать картофель* видно, что внутренние противоречия словарной статьи позволяют заподозрить неточность, но в то же время нельзя исключить однократно зафиксированный вариант *лупать*. Как видим, достоверность лексикографических описаний глаголов может быть подвергнута сомнению: *страусить* с большей надежностью и установлением прототипа *стражить*, а *лупать* с колебаниями (в пределах доступных источников). Но это лучше, чем некритичное принятие сомнительного материала.

Например, однократно зафиксированное шулейское *метатка* – рубаха, весьма вероятно, возникло как неверное прочтение более известного слова *манатка* – рубашка [2. С. 348], в результате переразложения *ан* – *ет*. Характерно, что оба слова описаны в одном и том же словаре на одной странице, что позволяет обосновать предлагаемое исправление без конъектур.

Ниже компактно показано, какие существенные различия в понимании терминологических сочетаний *внутренняя критика* и *внеш-*

няя критика обнаруживаются в исследовательской практике.

1. В традиции исторического источниковедения *внутренняя критика* определяет смысл и достоверность данного сообщения с учетом контекста, жанра и намерения автора, а *внешняя критика* определяет место и время создания, авторство документа и степень его сохранности, а также подлинность.

2. В практике отечественной лексикографии начала XXI в. *внутренняя критика* развивается внутри авторского лексикографического коллектива, а *внешняя критика* представляет реакцию на завершённый словарь со стороны научного сообщества.

3. При верификации отдельной словарной статьи условно *внутренняя критика* опирается только на данные анализируемого словаря, а *внешняя критика* привлекает данные других словарей и иных источников.

Эти различия представлены в слабо пересекающихся сферах исследовательской деятельности (источниковедение и историческая лексикография), но должны учитываться в словарной критике, которая оказывается междисциплинарным мостом, призванным соединить эти искусственно разделённые области познания.

Список литературы

1. Бердинских, В. А. Ремесло историка в России. М., 2009. 604 с.
2. Добровольский, В. Н. О дорогобужских мещанах // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. СПб., 1897. Т. II. Кн. 1–2. С. 320–352.
3. Копорский, С. А. О говоре севера Пошехонско-Володарского уезда. Ярославль, 1929. 129 с.
4. Мильяненко, Л. А. По ту сторону закона. СПб., 1992. 320 с.
5. Николайчик, Ф. Отголосок лирницкого языка // Киевская старина. Т. XXIX. Апрель. Киев, 1889. С. 121–130.
6. Падучева, Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Рус. яз. в науч. освещении. 2001. № 1. С. 52–79.
7. Словарь русских народных говоров. Вып. 17. М.–Л., 1981. 384 с.; Вып. 41. СПб., 2007. 343 с.
8. Чернышёва, М. И. Параметры лексикографической критики // *Vocabulum et vocabularium*. Вып. 12. Харьков, 2011. С. 7–10.

9. Шаповал, В. В. Новые «цыганизмы» в русских жаргонных словарях // Вопр. языкознания. 2008. № 6. С. 49–77.

10. Шаповал, В. В. О некоторых ошибках в современных жаргонных словарях // Вопр. филологии. 2007. № 1 (25). С. 55–61.

11. Шаповал, В. В. Переразложение элементов букв при копировании как причина ошибок в словаре // Вспомогательные исторические дисциплины, источниковедение, методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX Междунар. конф. М., 2008. Ч. 2. С. 679–681.

12. Шаповал, В. В. Графические дубликаты в словарях // Рус. язык в науч. освещении. 2010. № 1 (19). С. 158–168.

13. Polzer, W. Gauner-Wörterbuch für den Kriminalpraktiker. München, 1922. 100 S.

References

1. Berdinskikh, V. A. (2009) *Remeslo istorika v Rossii* [=The craft of the historian in Russia], Moscow, 604 p. (in Russ.).
2. Dobrovolskiy, V. N. (1897) “O dorogobuzhskikh meshchanakh” [=On Dorogobuzh burghers], in: *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti IAN* [=Proceedings of the Department of Russian language and literature of Imperial Academy of Sciences], Saint Petersburg, v. II, pp. 1-2, pp. 320–352 (in Russ.).
3. Koperskiy, S. A. (1929) *O govore severa Poshekhonsko-Volodarskogo uezda* [=On the dialect of the North Poshekhonsk-Volodarsky district], Yaroslavl’, 129 p. (in Russ.).
4. Mil’yanenkov, L. A. (1992) *Po tu storonu zakona* [=Beyond the law], Saint Petersburg, 320 p. (in Russ.).
5. Nikolaychik, F. (1889) “Otgolosok lirnitskogo yazyka” [=A relic of the *lyrniks*-musicians’ language], in: *Kievskaya starina* [=Kievan antiquity], T. XXIX. April. Kiev, pp. 121–130 (in Russ.).
6. Paducheva, E. V. (2001) “Kauzativnyy glagol i dekauzativ v russkom yazyke” [=The causative verb and decausative in Russian language], in: *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [=Russian language in scientific lighting], Moscow, № 1, pp. 52–79 (in Russ.).
7. *Slovar’ russkikh narodnykh govorov* (1981, 2007) [=Dictionary of Russian folk dialects], Volume 17, Moscow; Leningrad, 384 s.; Volume 41. Saint Petersburg, 343 s. (in Russ.).
8. Chernysheva, M. I. (2011) “Parametry leksikograficheskoy kritiki” [=Parameters of lexicographic criticism]

graphic criticism], in: *Vocabulum et vocabularium* [=The word and the dictionary], Volume 12, Kharkov, pp. 7–10 (in Russ.).

9. Shapoval, V. V. (2008) “Novye «tsyganizmy» v russkikh zhargonnykh slovaryakh” [=New “borrowings” from Romani in Russian slang dictionaries], in: *Voprosy yazykoznaniiya* [=Problems of Linguistics], № 6, pp. 49–77 (in Russ.).

10. Shapoval, V. V. (2007) “O nekotorykh oshibkakh v sovremennykh zhargonnykh slovaryakh” [=On some errors in modern slang dictionaries], in: *Voprosy filologii* [=Problems of Philology], № 1 (25), pp. 55–61 (in Russ.).

11. Shapoval, V. V. (2008) “Pererazlozhenie elementov bukvy pri kopirovanii kak prichina oshibok v slovare” [=Reintegration of letters and

their elements as a cause of errors in dictionaries], in: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny, istochnikovedenie, metodologiya istorii v sisteme gumanitarnogo znaniya* [=Auxiliary sciences of history, sources, methodology of history in the system of humanitarian knowledge], Proceedings of the XX Intern. conf. Moscow, v. 2, pp. 679–681 (in Russ.).

12. Shapoval, V. V. (2010) “Graficheskie dublety v slovaryakh” [=Graphic doublets in dictionaries], in: *Russkiy yazyk v nauchnom osvещenii* [=Russian language in scientific lighting], № 1 (19), pp. 158–168 (in Russ.).

13. Polzer, W. (1922) *Gauner-Wörterbuch für den Kriminalpraktiker* [=Theeves' dictionary for the practical detectives]. München, 100 p.

Д. В. Шапочкин

КОМПЛЕКСНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Исследуется политическая языковая личность, реализующаяся в борьбе за власть, с позиции комплексного лингвистического подхода. Выявляются и поясняются конкретные уровни языка (лингвопрагматический, лингвостилистический, когнитивно-семантический, лингвориторический и психолингвистический), способствующие формированию целостного представления о политической языковой личности и расширению спектра ее многостороннего описания.

Ключевые слова: лингвистический подход, языковой уровень, политическая языковая личность, политический дискурс.

Политический дискурс является объектом исследования многих отечественных [1; 2; 6; 10; 13] и зарубежных ученых [5; 15; 16; 17]. Существует множество методов его интерпретации в зависимости от той или иной научной области исследования: политологии, социологии, лингвистики, психологии, культурологии.

Политический дискурс в нашем понимании представляет собой сложное коммуникативное явление, рассматриваемое сквозь призму антропоцентрического подхода и включающее в себя как лингвистические (языковая норма, грамотная речь, языковой этикет), так и экстралингвистические факторы (знания политиков о глобальном мире, их мнения и целевые установки, направленные воздействовать на адресата) [11. С. 52].

Соответственно, целью данной статьи является представление комплексного лингвистического подхода к исследованию языковой личности политического деятеля, имеющего прямое отношение к политической коммуникации. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: дать определение политической языковой личности, установить конкретные уровни языка и комплексно в соответствии с ними наметить пути исследования политической языковой личности.

Само представление о языковой личности берет свое начало уже в эпоху античности, но как самостоятельный и независимый термин «языковая личность» в современной лингвистике вызывает много противоречий и поводов для дискуссий в среде ученых. В лингвистику данный термин вошел благодаря В. В. Виноградову [3. С. 56]. Проблемы языковой личности с разных позиций освещают в своих трудах отечественные и зарубежные ученые: Г. И. Богин, И. А. Бодуэн де

Куртенэ, Й. Л. Вайсгербер, С. Г. Воркачев, В. В. Воробьев, В. Гумбольдт, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, А. М. Пешковский, Э. Сепир, Ф. де Соссюр, Т. Н. Ушакова.

В рамках данной работы под политической языковой личностью понимается политическая фигура, соблюдающая языковую норму и владеющая грамотной речью, активно использующая в политическом дискурсе когнитивно-речевые стратегии, а также обладающая такой универсальной ценностью, как толерантность, проявляющейся на психолингвистическом уровне.

Политическая языковая личность реализуется в борьбе за власть. Думается, что в политической коммуникации борьба за власть наиболее ярко проявляется в таких жанрах политического дискурса, как парламентские дебаты, предвыборные речи политических деятелей, пресс-конференциях и интервью, публичных выступлениях, инаугурационных речах, партийных гимнах.

Применительно к вышеупомянутым жанрам политического дискурса видится целесообразным, на наш взгляд, определить и пояснить конкретные уровни языка, способствующие исследованию политической языковой личности:

- 1) лингвопрагматический уровень;
- 2) лингвостилистический уровень;
- 3) когнитивно-семантический уровень;
- 4) лингвориторический уровень;
- 5) психолингвистический уровень.

1. На лингвопрагматическом уровне политическая языковая личность может быть представлена исходя из описания целевых установок речевого поведения политика, его эксплицитных и имплицитных интенций в политической коммуникации, призванных воздействовать на слушающего с целью манипулирования его сознанием [11. С. 80].

В лингвистических трудах под интенцией, как правило, понимают коммуникативное, речевое намерение, цель высказывания коммуникантов. «Речевая интенция, или коммуникативное намерение, – это намерение, замысел сделать нечто с помощью такого инструмента, как язык – речь – высказывание». Понятия «интенция» и «иллокуция» взаимосвязаны. Интенция, по мнению Н. И. Формановской, относится к иллокуции как значение к функции. И далее: «Речевая интенция как психический субстрат значения речеактивного высказывания отражает в его семантике один из содержательных моментов внутреннего мира человека, одну из сторон модусной пропозиции» [9. С. 42].

Интенциональный компонент, или речевое намерение, возникает в дискурсе политической языковой личности и формируется как стратегический замысел еще до реализации высказывания. Это программа речевых действий, которые связаны с воздействием, манипулированием и информированием собеседника, уговариванием, побуждением, получением информации и так далее. В соответствии с этим говорящий в политическом дискурсе, который обычно выступает как инициатор общения, заранее планирует и организует ход речевого взаимодействия с адресатом. Он целенаправленно выбирает такие языковые средства, которые с максимальной точностью выразили бы его интенцию. В зависимости от своей стратегии говорящий выбирает прямые или же косвенные способы языковой манифестации интенции.

2. На лингвостилистическом уровне политическая языковая личность маркируется элементами языковой системы (просторечные слова, термины, специализированная лексика). Рассматриваются положительные и отрицательные коннотации лексических единиц, используемых политической языковой личностью. Особый акцент делается на исследование аксиологического аспекта политической языковой личности, а именно категории оценки. Категория оценки предстает в качестве сложного и многопланового явления [12. С. 39].

В целом, категория оценки имеет собственную структуру [4. С. 95–96]: *субъект оценки*, *объект оценки* и *оценочный предикат* (или *основание оценки*).

Субъект оценки – это эксплицитный или имплицитный компонент оценочной конструкции, представляющий человека или социум, со стороны которого дается оценка.

Объектом оценки принято считать компо-

нент оценочного высказывания, представляющий собой фрагмент окружающей среды, который оценивается. Особенностью объекта оценки является его способность обозначать не только конкретный предмет, но и целую ситуацию, действие или факт. Каждый объект действительности (вещь или положение дел, человек или событие) обладает неопределенным по числу и составу набором аксиологически релевантных свойств: в одном отношении объект может характеризоваться положительными свойствами, в другом – отрицательными.

Оценочный предикат, или *основание оценки*, – это компонент высказывания, который выражает суть оценки и является реальной основой оценочной конструкции.

Установление и выражение определенного отношения между субъектом и объектом составляет содержание или характер оценки.

3. На когнитивно-семантическом уровне политическая языковая личность рассматривается как объект реализации собственных представлений в конкретных языковых средствах. В этом плане справедливо утверждение А. Р. Лурия: «... кодирование речевого сообщения проходит сложный путь от мысли к сложному высказыванию. Он начинается с возникновения мотива, рождающего потребность что-то передать другому человеку; потребность воплощается в замысле, или мысли, которая представляет собой лишь самую общую схему сообщения. С помощью механизма внутренней речи мысль и ее внутреннее построение перекодирована в глубинно-синтаксическую структуру будущего высказывания, которая далее превращается в поверхностно-синтаксическую структуру и, наконец, в линейно упорядоченное развернутое высказывание» [7. С. 28].

В целом, на когнитивно-семантическом уровне происходит соотношение концептосферы политической языковой личности с семантикой языка. В данном случае очень важным является формирование умений точно выражать свои мысли посредством правильно выбранных структурных форм предложения и необходимых языковых средств, а также понимать смысл высказывания, предложения, порожденных собеседником.

4. На лингвориторическом уровне политическая языковая личность реализуется в большей степени через систему используемой аргументации. Риторика – это система разнообразных элементов, в своей целостности ведущих к убедительности речевого взаимодействия.

К таким элементам относятся: 1) индивидуальная способность аргументировать; 2) индивидуальная готовность аргументировать; 3) социокультурная необходимость аргументирования; 4) ситуативная потребность в аргументации [14. С. 175].

Базовым основанием риторики является также традиционный античный риторический канон. Он задает своего рода идеальное направление на пути от мысли к речевому действию и включает в себя пять этапов: *изобретение, расположение, выражение, запоминание и произнесение* [8. С. 50].

Рассмотрим далее вышеперечисленные этапы:

1. *Изобретение* (инвенция) – это момент новизны, открытия, запрет на создание нетворческой речи. Субъекта общения должны отличать в данном случае его уникальность, особенность, неповторимость и свобода действий.

2. *Расположение* (диспозиция) означает организацию, построение политической речи как целостного произведения, достижение пропорциональности и законченности. Именно на этом этапе происходит упорядочение частей в целом. Совершенная форма становится таковой, если ее качествами являются точность, логичность, легкость, гармоничность, отсутствие хаотичности, случайности.

3. *Выражение* (элокуция) – это словесное оформление речи: отбор слов и грамматических конструкций, украшение речи тропами и фигурами. Элокутивные нормы представляют собой совокупность наиболее устойчивых традиций, унифицированных языковых средств и правил использования языковой системы. Владение языковой культурой подразумевает умение правильно организовать свою речь с точки зрения грамматики, лексики, стилистики.

4. *Запоминание* (память) – способность воспроизводить прошлое. Память как этическая категория позволяет овладеть общественно-историческим опытом человечества. Память связывает элементы жизненного опыта человека в единое целое.

5. *Произнесение* (акция/исполнение) – это последний этап античного риторического канона. При произнесении используется вся палитра невербальных выразительных средств, прежде всего интонация. Акустическими знаками, обозначающими определенные человеческие состояния и действия, являются ритмические, тембральные, мелодические изменения. Немаловажное значение для оживления

смыслов имеет «язык» тела, его возможность быть «убедительным».

5. На психолингвистическом уровне политическая языковая личность рассматривается комплексно. Изучение ее сложнейшего феномена, многообразных дискурсивных практик возможно только в рамках комплексного подхода, и психолингвистика, как наука интегративного типа, в наибольшей степени соответствует этому.

Следует отметить, что исследование структуры политического дискурса с позиций психолингвистики предполагает подход к общению как к речемыслительной деятельности людей, которая:

а) ориентирована на реализацию основной цели политической коммуникации, достигаемой / не достигаемой в процессе «обмена» знаниями и образами, входящими в содержание их языковых сознаний;

б) происходит в ситуации, характеризующейся определенными специфическими чертами.

Таким образом, исследование политической языковой личности с точки зрения лингвистического подхода должно осуществляться комплексно, затрагивая конкретные взаимосвязанные уровни языка: лингвопрагматический, лингвостилистический, когнитивно-семантический, лингвориторический и психолингвистический. Следует отметить, что данные уровни языка задают единый вектор исследования политической языковой личности.

Список литературы

1. Базылев, В. Н. Языковые императивы «политической корректности» // Полит. лингвистика. 2007. № 23. С. 8–10.
2. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. 474 с.
3. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы : избр. тр. М., 1980.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 228 с.
5. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. 344 с.
6. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации. М., 2008. С. 374–393.
7. Лурия, А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д., 1998. 416 с.
8. Марченко, О. И. Риторика как явление культуры // РАЦИО.ru. 2010. № 4. С. 43–56.

9. Формановская, Н. И. Соотношение интенционального и пропозиционального компонентов в высказывании // Рус. язык за рубежом. 1996. № 1-2-3. С. 42–47.

10. Чудинов, А. П. Принципы Уральской школы политической метафорологии // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та. 2013. №1 (23). С. 66–72.

11. Шапочкин, Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект : монография. Тюмень, 2012. 260 с.

12. Шапочкин, Д. В. Эколингвистический аспект категории оценки партийного гимна «Интернационал» в переводе А. Я. Коца // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2013. № 1. Филология. С. 38–45.

13. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.

14. Юдина, Т. В. Дискурсивное пространство политической речи // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. СПб., 2004. С. 172–185.

15. Fairclough, N. Critical discourse analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. P. 258–284.

16. Lakoff, G. The political mind. N.-Y., 2008. 297 p.

17. Wodak, R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA // Discourse and society. 2006. № 8. P. 181.

References

1. Bazylev, V. N. (2007) “Yazykovye imperativy «politicheskoy korrektnosti»” [=Language imperatives of “political correctness”], in: *Politicheskaya lingvistika* [=Political linguistics], № 23, pp. 8–10 (in Russ.).

2. Budaev, E. V. (2010) *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [=Comparative political theory of metaphor], Ekaterinburg, 474 p. (in Russ.).

3. Vinogradov, V. V. (1980) *O yazyke khudozhestvennoj prozy* [=About the language of the fiction], poslesl. A. P. Chudakov, komment. E. V. Dushechkina, Moscow. (in Russ.).

4. Vol'f, E. M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* [=Functional semantics of the assessment], Moscow, 228 p. (in Russ.).

5. Dejk, T. A. van. (2013) *Diskurs i vlast'. Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i komunikatsii* [=Discourse and power. Representation of dominance in language and communication], per. s angl., Moscow, 344 p. (in Russ.).

6. Dem'yankov, V. Z. (2008) “Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI” [=The interpretation of the political discourse in the media], in: *Yazyk sredstv massovoj informatsii* [=Language of the media], Moscow, pp. 374–393 (in Russ.).

7. Luriya, A. R. (1998) *Yazyk i soznanie* [=Language and consciousness], Rostov n/D, 416 p. (in Russ.).

8. Marchenko, O. I. (2010) “Ritorika kak yavlenie kul'tury” [=Rhetoric as a cultural phenomenon], in: *RATSIO.ru* [=RACIO.ru], № 4, pp. 43–56 (in Russ.).

9. Formanovskaya, N. I. (1996) “Sootnoshenie intentsional'nogo i propozitsional'nogo komponentov v vyskazyvanii” [=The ratio of the intentional and propositional components in the statement], in: *Russkij yazyk za rubezhom* [=Russian language abroad], № 1–2–3, pp. 42–47 (in Russ.).

10. Chudinov, A. P. (2013) “Printsipy Ural'skoj shkoly politicheskoy metaforologii” [=The principles of the Ural school of the political theory of metaphor], in: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [=Herald of the Krasnoyarsk State Pedagogical university by V. P. Astaf'ev], № 1 (23), pp. 66–72 (in Russ.).

11. Shapochkin, D. V. (2012) *Politicheskij diskurs: kognitivnyj aspekt* [=Political Discourse: the cognitive aspect. Monograph], Tyumen', 260 p. (in Russ.).

12. Shapochkin, D. V. (2013) “Ekolingvisticheskij aspekt kategorii otsenki partijnogo gimna «Internatsional» v perevode A. Ya. Kotsa” [=An ecolinguistic aspect of the assessment category in the party anthem «The Internationale», translated by A. J. Kotz], in: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Herald of Tyumen State University], № 1, Seriya «Filologiya», pp. 38–45 (in Russ.).

13. Shejgal, E. I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [=Semiotics of the political discourse], Volgograd, 431 p. (in Russ.).

14. Yudina, T. V. (2004) “Diskursivnoe prostranstvo politicheskoy rechi” [=Discursive space of the political speech], in: *Aktual'nye problemy teorii komunikatsii* [=Actual problems of the theory of communication], St. Petersburg, pp. 172–185 (in Russ.).

15. Fairclough, N. (1995) “Critical discourse analysis”, in: *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, Volume 2, London, pp. 258–284.

16. Lakoff, G. (2008) *The political mind*, N.-Y., 297 p.

17. Wodak, R. (2006) “Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA”, in: *Discourse and society*, № 8. P. 181.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОНСЕНСУСНОГО РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рассматриваются понятия консенсуса и консенсусной коммуникации. Сопоставляется семантическая структура понятий консенсуса и компромисса. Анализируются факторы консенсусной коммуникации. Среди мотивационно-психологических факторов выделяются готовность к диалогу; серьезный и честный подход к обсуждению проблемы; эмпатичность; понимание установок, мотивов и намерений собеседника; допущение возможности компромисса; соблюдение статусного соотношения, процедурного сценария и правил этикета; уместная эмоциональность или снятие эмоциональности и др. Среди вербально-когнитивных факторов выделяются сходство тезаурусов коммуникантов, сходный ментальный и вербальный лексикон; одинаковое или близкое понимание значений слов и терминов, устранение неясностей и двусмысленностей; близость пресуппозиций собеседников, при несовпадении – выяснение их и попытка сближения; верное понимание импликаций и инференций из сказанного; сближение контекстов (либо деконтекстуализация), выработка общего контекста и схожей оценки ситуации и др.

Ключевые слова: коммуникация, консенсус, консенсусная коммуникация, компромисс, мотивационно-психологические факторы, вербально-когнитивные факторы.

Консенсус (лат. consensus, от лат. com, cum – «с», «совместно» и sentire – «мыслить», «чувствовать»; церк.-сл. *съмсл, *съмыслие, *съчувствие; тж. рус. согласование, согласие, соглашение) – в широком смысле слова – общее согласие при отсутствии возражений по существенным вопросам; как более узкое и относительно недавно сформировавшееся понятие – способ принятия решений при отсутствии принципиальных возражений у большинства заинтересованных лиц, на основе общего согласия, без проведения голосования или при его второстепенной роли, при исключении мнения немногих несогласных участников. Понятие «консенсус» близко по смыслу понятию «компромисс» – соглашение между сторонами, разрешение некой конфликтной ситуации путем взаимных уступок, – восходящего к лат. compromittere «давать взаимное обещание» (следовать решению арбитра), от com – «с», «совместно» и promittere «обещать, обязываться, обеспечивать». Заметим, что современное значение слова «компромисс» – «соглашение между сторонами» – появилось сравнительно недавно (конец XV в.) в результате метонимического переноса оригинального значения «судебное (арбитражное) урегулирование» [12].

Исходя из дефиниций и описания этих понятий в литературе [11 и др.], можно констатировать, что семантическая структура слова «консенсус» содержит следующие компоненты: «наличие двух или более заинтересован-

ных сторон», «согласование мнений», «второстепенная роль голосования», «возможность заблокировать решение одним и более (основным) участником переговоров», «отсутствие принципиальных возражений основных сторон или большинства», «принятие наилучшего, наиболее приемлемого для всех решения»; семантическая структура слова «компромисс» – «наличие двух или более заинтересованных сторон», «разногласия либо конфликт», «согласование (обсуждение или переговоры)», «(взаимные) уступки», «согласие на основе уступок», «принятие решения, предполагающего уступки». Как можно видеть, понятия «консенсус» и «компромисс» предполагают две или несколько заинтересованных сторон, согласование мнений и итоговое решение. Вместе с тем, компромисс предполагает наличие конфликтующих позиций и приход к согласию на основе уступок, консенсус же – приход к согласию в ходе согласования при учете мнений всех членов группы и выборе из них лучшего из возможных, приемлемого для всех, либо при усреднении всех мнений. Сферы употребления этих слов могут несколько отличаться: термин «компромисс» обычно (хотя и не исключительно) используется в сферах этики и права, а «консенсус» – права, политики, дипломатии, деловых переговоров. С логической точки зрения, эти понятия отличаются по степени обобщенности: консенсус касается мнений как смысловых единиц в целом, ком-

промисс же – отдельных их аспектов; консенсус может включать компромисс (уступки), а может и не включать его, например, при учете всех мнений в итоговом решении, при согласии всех участников переговоров в результате убеждения. Таким образом, логически эти понятия соотносятся как целое и часть, общее и частное. Компромисс предполагает консенсус, а консенсус не обязательно предполагает компромисс.

Поскольку предмет нашей статьи составляет консенсусная коммуникация (ее определение дано ниже), остановимся на понятии консенсуса в том виде, как оно трактуется в качестве способа и процедуры принятия решений. Отмечают, что консенсус использовался с древних времен, в частности, на древнерусских вече (И. Я. Фроянов), на советах ирокезов и так далее, его принципы и технология развиваются в религиозных группах (квакеры), органах экономической политики (Ганзейский союз, Polder Model), анархистские организации («Еда вместо бомб», инфошопы) и др.

В отличие от голосования, в котором определяющим для решения является большинство голосов, консенсус предполагает равный учет мнений меньшинств. Критика принятия решения голосованием, согласно статье в Википедии, указывает, что «критерий большинства часто представляется неполномочным и отчужденным, вынуждающим меньшинство подчиниться. Сторонники консенсуса утверждают, что такая «тирания большинства» нарушает сплоченность сообщества, способствует расколу и снижает его эффективность... Результатом же “редуцированной причастности” становится меньшая готовность защищать решение и действовать в соответствии с ним... Консенсус может быть определен как вариант решения, наиболее приемлемый для всех, решение, максимально удовлетворяющее максимальное число предпочтений».

В практике и теории принятия решений разработан ряд функций, способствующих повышению эффективности процесса принятия решения методом консенсуса: фасилитатор, тайм-кипер, эмпат, секретарь (ноут-тейкер). Процесс принятия решения методом консенсуса не так формализован, как другие (например, Roberts Rules of Order), его основная схема включает: формулировку повестки; оговаривание общих правил ведения собрания; обсуждение пункта (во время этого обсуждения часто выявляются основные настроения группы и по-

тенциальные предложения); формулирование предложения; призыв к консенсусу (каждый член группы должен четко обозначить свое согласие с предложением, например, поднятием руки или цветной карточки, чтобы избежать ситуации, в которой молчание или бездействие будут расценены как согласие); исследование отношений к предложению; если консенсус не достигнут, высказывание несогласных своего отношения к этому предложению, чтобы передать свои сомнения другим или развеять их; изменение предложения (корректировка, перефразирование, дополнение, исходя из отношения к нему принимающих решение); возврат к призыву к консенсусу; повторение цикла, до тех пор, пока удовлетворяющее всех решение не будет найдено.

На наш взгляд, в современном мире возвышение консенсуса как метода принятия решения объясняется, в том числе, принципиальным уравниванием в правах большинства и меньшинства и их мнений. Это удовлетворяет, с одной стороны, условию либерально-индивидуалистической инициативы, с другой, – демократичности и толерантности и, с третьей, – неизбежности неравенства образования, опыта и знаний, социальных функций и пр., а следовательно – неизбежности неравенства статуса и «веса» голоса отдельного члена в «толпо-элитарном» обществе.

Нашим объектом исследования является психолингвистическая сторона консенсусной коммуникации. Консенсусная коммуникация – это эффективное взаимодействие собеседников, приводящее к выравниванию (согласованию) их концептуальных структур, к сходному образу мира, сходным личностным смыслам. Если однонаправленное речевое воздействие влияет лишь на одну из сторон, перестраивая ее концептуальные структуры и личностные смыслы, то в процессе консенсусного общения происходит выравнивание концептуальных структур и личностных смыслов обеих (всех) сторон. Такое выравнивание может быть в большей или меньшей степени равноценным и обоюдным – в зависимости от социально-статусных ролей собеседников, их авторитета, знаний и опыта, особенностей коммуникативной ситуации и др.

В данной статье мы хотели бы остановиться на факторах, способствующих консенсусной коммуникации. При этом нас интересуют преимущественно мотивационно-психологический и вербально-когнитивный аспекты проблемы.

Мы учитываем прагмалингвистическую сторону речевой коммуникации, имеющую отношение к консенсусному взаимодействию, в частности, постулаты сотрудничества Г. П. Грайса (количества, качества, способа, отношения) и вежливости Дж. Лича (такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии), а также выбор соответствующих речевых стратегий, тактик и языковых средств в оформлении речи, однако считаем, что анализ и прогноз коммуникации лишь с прагмалингвистической точки зрения в отношении консенсуса будет поверхностным. Этот подход применим, например, в коммерческой коммуникации, цель которой стандартна – осуществление сделки и получение выгоды, а коммуниканты однородны в ролевом отношении (это продавцы и покупатели), хотя и весьма неоднородны в личностном аспекте. В большинстве же жизненных ситуаций прагмалингвистика является лишь отражением глубинного, «сущностного» аспекта коммуникации (Т. М. Дридзе). Поверхностные речевые явления мотивированы и обусловлены целями коммуникативной деятельности, диалогом индивидуальных образов мира коммуникантов в их стремлении получить ответ на тот или иной вопрос, решить ту или иную жизненную проблему и так далее. Прагмалингвистические установки сотрудничества и вежливости, а также специальные речевые стратегии и тактики, разумеется, важны, но мы, учитывая их, будем рассматривать более глубинные речемыслительные факторы, стоящие за ними. В данной статье мы также не будем касаться физических факторов коммуникации, таких как, скажем, правильно выбранный канал связи, адекватное сочетание вербальных и невербальных кодов, отсутствие помех в коммуникации и так далее.

Рассмотрим исследуемые группы факторов консенсусной коммуникации по отдельности.

Мотивационно-психологические факторы. Собственно желание общения, совместного решения тех или иных проблем, вероятно, является первоочередным («глобальным») фактором консенсусной коммуникации. Причины нежелания общаться могут быть разными: целеобусловленные, такие как преследование эгоцентрических целей, интересов, выгод без учета факта интересов другой стороны (других сторон); нацеленность на агрессивное подавление другой стороны (других сторон) и силовое решение проблем; нецелеобусловленные, «реактивные», такие как значительное несо-

впадение жизненного опыта и взглядов (концептуальных структур, личностных смыслов) и нежелание воспринимать противоположные; избегание рассмотрения насущной ситуации в иной перспективе, чем это привычно делает каждая их сторон; уверенность в «нечестной игре» партнера; иногда – значительное несоответствие когнитивной организации сторон; нежелание менять статусно-ролевое соотношение, боязнь личностного контакта; предшествующий конфликт; внешние причины (давление третьей стороны, внешние обстоятельства) и так далее.

Однако и в случае нежелания коммуникации бывает так, что люди обязаны общаться по долгу службы или постольку, поскольку некоторые вопросы несмотря ни на что требуют обязательного решения, следовательно, необходимо так или иначе приходиться к компромиссу. В этом отношении, на наш взгляд, для достижения консенсуса важно попытаться понять причины нежелания коммуникации со стороны другого, выяснить его позицию, обсудить важность коммуникации как таковой и принять решение о том, что она должна состояться. Важно создать положительную установку к коммуникации, обсудив причины, по которым коммуникация необходима, ее цели, а также условия, при которых другая сторона будет согласна на коммуникацию.

Важны честность и серьезность намерения обсуждать проблему. Если одна сторона, якобы соглашаясь на коммуникацию, на деле манипулирует другой, лишь делая вид, что желает консенсуса, коммуникация не состоится. Кроме того, стороны могут пойти на сговор, имитируя переговоры и консенсус для манипуляции некой третьей стороной. Для того, чтобы состоялось честная, серьезная коммуникация, следует изменить навязываемый манипулятивный сценарий, дабы выйти на сущностное обсуждение вопросов.

Готовность почувствовать эмпатию (если понимать ее как умение поставить себя на место собеседника, то есть, **выражаясь психологическим языком, мысленно наложить Я-образ на воображаемый образ «иного»** [10]), а также понимание и учет установок, мотивов и намерений собеседника следует рассматривать как важнейший фактор коммуникации. Если стороны неправильно понимают установки друг друга или, шире, руководствуются ложными образами друг друга (ср. в этой связи «образ врага»), то коммуникация едва ли увен-

чается успехом. Так же, если собеседники неправильно понимают мотивы друг друга или приписывают другой стороне ложные мотивы, их аргументация будет вестись в неверном ключе. Во избежание этого желательно правильно понимать установки собеседника и его вероятную мотивацию, которые можно узнать заранее либо выяснить непосредственно в ходе общения.

Важнейшим фактором консенсусной коммуникации является также обоюдная готовность скорректировать имеющиеся противоречия в компромиссном ключе или принять чужую интерпретацию, если она убедительна. Возможно, эта готовность отступает перед желанием убедить или переубедить оппонента, однако компромисс или согласие с чужим мнением должны допускаться в принципе.

Важнейшим фактором консенсусной коммуникации является также обоюдная готовность скорректировать имеющиеся противоречия в компромиссном ключе или принять чужую интерпретацию, если она убедительна. Возможно, эта готовность отступает перед желанием убедить или переубедить оппонента, однако компромисс или согласие с чужим мнением должны допускаться в принципе.

Весомым фактором консенсусного взаимодействия является принятие, учет и позитивное использование собеседниками этнокультурно обусловленных когнитивных и коммуникативных стилей друг друга, совместимость их когнитивных и коммуникативных стратегий для выработки сходных интерпретаций.

Когнитивный стиль – устойчивые характеристики обработки информации и предпочтительные способы решения проблем. Это понятие включает в себя такие признаки, как полнезависимость/полезависимость; импульсивность/рефлексивность; рациональность/аффективность; аналитичность/синтетичность; ригидный/гибкий познавательный контроль; когнитивная простота/сложность; диапазон эквивалентности (обобщенность/суженность, детализированность категоризации); конкретность/абстрактность; сглаживание/заострение (стремление к различению либо к слиянию сходных событий) и др. [1; 5].

Коммуникативный стиль – характерная, повторяющаяся манера общения. Существенным параметром когнитивного стиля в нашем случае представляется адекватная соотношенность полнезависимости и полнезависимости (ригидности и гибкости), то есть фоновое влияние на

цели субъекта ранее сформированных установок и принципов и, в то же время, достаточная гибкость мышления, восприимчивость к насущным контекстам и способность, синтезируя их с прежним опытом и знаниями, ставить новые задачи и находить новые решения. В отношении коммуникативного стиля важнейшими представляются такие признаки, как адекватные ситуации тональность (серьезность/несерьезность, обиходность/ритуальность, содержательность/фатичность, информативность/фасцинативность, конструктивность/конфликтность, открытое (прямое)/завуалированное (косвенное) выражение интенций [4]), психологическая дистанция и пристройка, их и следует продумывать прежде всего.

При оценке когнитивного и коммуникативного стилей желательно иметь в виду этнокультурно обусловленные ценностные ориентации коммуникантов и их различия (в то же время не абсолютизируя их как догму), например, разное отношение к природе, времени, обществу, природе человека, жизни и деятельности (А. Клухноп, Ф. Стродтбек); различие «дистанции» между властью и подчиненными (авторитетной личностью и гражданами, старшим и младшим и так далее), преобладание «мужского» либо «женского» способа договариваться, индивидуализм или коллективизм в качестве мировоззренческой доминанты, разные стратегии в ситуации неопределенности, долгосрочная/краткосрочная ориентация в отношении целей (Г. Хофстеде). Полезно в практическом аспекте обсуждаемой здесь проблемы учитывать и даже брать на вооружение релевантные этнокультурные модели поведения, такие как, например, китайская стратегическая модель «обходного пути», высокий либо низкий социальный «контекст» культур коммуникантов (Э. Холл). Стратегия «обходного пути» позволяет достигать замысла, используя потенциал ситуации и развивая ее в нужном направлении. Концепция эффективности, в том числе коммуникации, в Европе предполагает намечание целей, составление плана действий и его реализацию; для нее важны отношения между средством и целью, между теорией и практикой. Китайцы же исходят из того, какие условия нужны для получения эффекта: суть дела не в том, чтобы прямо и непосредственно добиваться результата как заранее поставленной цели, а постепенно создать условия, как следствие каковых он не смог бы не появиться. Другими словами, речь идет не о том, чтобы

«преследовать» какой-то эффект, а о том, чтобы дождаться – и не мешать ему наступить. Для этого достаточно научиться извлекать пользу из развития ситуации, действовать так, как она сама «несет» нас. Основу этого образа мысли, не породившего внутри себя противопоставления теории и практики, составляет проникновение в обычный ход вещей и важность стратегии как таковой. «Обходной путь» также позволяет побеждать, держа оппонента в неведении относительно своих намерений, в ситуации неопределенности, не давая ему «разглядеть себя» и выработать линию противодействия [2; 3].

Немаловажным мотивационно-психологическим фактором консенсусной коммуникации является истинность пресуппозиций собеседников относительно статусов друг друга, а также относительно процедурного сценария и этикета. Если одна из сторон воспринимает собеседника как неравного себе по статусу и обращается к нему соответственно, а другая воспринимает статусы как равные и ведет коммуникацию на равных, то коммуникация может быть нарушена. Случается также, что внешние или психосоциальные параметры человека противоречат статусно-ролевому стереотипу (к примеру, на ритуальное мероприятие человек приходит несоответствующе одетым, неподобающе себя ведет; директор крупной компании оказывается необязательным, ненадежным), или поведение одной из сторон коммуникации противоречит этикету (молодой человек настойчиво навязывает свое мнение более опытному и сведущим коллегам). Все это также может негативно сказаться на коммуникации. При этом если неверные пресуппозиции относительно статусов собеседников, этикета и процедурного сценария являются простой ошибкой, ситуация достаточно легко может быть скорректирована. Если же пресуппозиции верны, а указанные параметры нарушаются умышленно, то это можно расценивать как преднамеренную помеху продуктивной коммуникации. В любом случае, во имя коммуникации и достижения консенсуса, вероятно, следует сосредоточиться на предмете обсуждения, отбросив личностный модус, статусные, процедурные и этикетные формы, и игнорируя их всякий раз, когда собеседник их нарушает.

В отношении консенсусной коммуникации также полезен учет индивидуальных психосоциальных черт собеседника, таких как темперамент и характер, установки, связанные

с гендерными, возрастными и социальными, национальными характеристиками, общая направленность личности, индивидуальные интересы, привычки, убеждения, ценности, значимые жизненные цели и др.

Среди мотивационно-психологических факторов консенсусной коммуникации мы отдельную роль отвели бы эмоциональности. Уместная, адекватная, тактичная эмоциональность и снятие конфликтной эмоциональности в обсуждении могут сыграть значительную роль в достижении консенсуса. Первое важно для выделения наиболее существенных моментов и более живого представления информации, для того, чтобы заинтересовать собеседника. Второе очень важно в условиях конфликтной коммуникации сторон, видящих ситуацию по-разному.

Таким образом, мы выделяем следующие мотивационно-психологические факторы консенсусной коммуникации: готовность к диалогу, принятие решения о коммуникации; серьезность и честность в обсуждении проблемы; эмпатичность; понимание установок, мотивов и намерений собеседника; допущение возможности компромисса или согласия с другой стороной; учет этнокультурных особенностей, когнитивного и коммуникативного стилей, ценностных ориентаций собеседника; соблюдение статусного соотношения себя и собеседника, процедурного сценария и правил этикета, в случае нарочитого их несоблюдения – игнорирование нарушений, сосредоточение на предмете обсуждения; учет психосоциальных черт личности собеседника; уместная эмоциональность или снятие эмоциональности.

Вербально-когнитивные факторы. Мы объединили когнитивные и вербальные факторы консенсусной коммуникации в одну группу, поскольку в речемыслительной деятельности человека они неразрывно связаны. Прежде всего, сюда следует отнести общие факторы, обусловленные когнитивной развитостью и языковой компетенцией коммуникантов, такие как собственно способность к пониманию речи и владению ею; развитой интеллект, обеспечивающий понимание смысла сообщения; четкое изложение собственной мысли, понимание адекватности того или иного речевого поведения; способность к когнитивному диалогу, то есть к продуктивной переработке своих и чужих смысловых структур в зависимости от когнитивных задач и пр.

Кроме того, в эту группу входят частные, но важные когнитивно-лингвистические фак-

торы, которым мы уделим больше внимания: это достаточное для коммуникации совпадение (пересечение, наложение) тезаурусов собеседников, сходный ментальный (и вербальный) лексикон; это одинаковое или близкое понимание коммуникантами значений слов и терминов; это достаточное совпадение пресуппозиций, знаний относительно предмета обсуждения, контекстов, в которые включен предмет обсуждения, наконец, это способность верно понять импликации (побочные смыслы) и инференции (подразумеваемый вывод) сказанного.

Фактор совпадения тезаурусов коммуникантов, схожий «ментальный лексикон», очевидно, весьма важен для консенсуса. Продолжая мысль Е. Ф. Тарасова о том, что важной предпосылкой успеха речевого общения является изначальное сходство структур сознания у адресанта и адресата [10. С. 13], можно сказать, что консенсус, то есть выравнивание концептуальных структур коммуникантов, возможен на основе схожих компонентов их тезауруса, интерпретируемых в более или менее единообразном ключе. Эти компоненты в совокупности с относящимся к ним вербальным оформлением, образуют те «опорные точки», вокруг которых происходит коммуникация, выравнивание смысловых структур собеседников в процессе их взаимодействия, взаимного информирования и коррекции. При этом в ходе коммуникации представления собеседников подвергаются разнообразным преобразованиям, результатом которых может быть концептуализация (реконцептуализация) и категоризация (рекатегоризация): ассоциация и диссоциация, идентификация и растождествление, контекстуализация и деконтекстуализация, отнесение к классу и исключение из класса, атрибуция признаков и отрицание атрибуции, сверка с эталоном и заполнение смысловых пустот, центрация и децентрация, стереотипизация и дестереотипизация, генерализация и конкретизация, метафоризация, сравнение, метонимия, проведение аналогий, аксиологизация (реаксиологизация) и др.

Говоря о термине «тезаурус», следует отметить, что на национально-культурном уровне тезаурус понимается как мнемоническая структура вербально-концептуальных единиц, организованная ассоциативно-образными и ассоциативно-признаковыми связями между словами и концептами и отражающая языковое сознание народа. Индивидуальный же тезаурус представляет собой мнемоническую

вербально-концептуальную структуру, воплощенную в индивидуальном лексическом запасе, синтагматических и парадигматических ассоциациях, устойчивых сочетаниях слов. Индивидуальный тезаурус характеризует неполнота по сравнению с реальным фондом культуры, его субъективное переосмысление, ценностно-иерархический характер, родство с другими индивидуальными тезаурусами, вариативность и изменчивость, ориентирующий и воспитывающий (социализирующий) характер и другие особенности. Тезаурус субъекта строится от «своего» к «чужому», причем «свое» выступает в структуре тезауруса заместителем общего, «чужое» же занимает место частного. Чтобы стать своим, общим, «чужое» должно быть осмыслено, интериоризировано (усвоено) и воспринято как «свое» [7].

Тезаурус как культурно и социально обусловленный набор имен и устойчивых фраз, номинирующих концепты, имеет интертекстуальную природу, это цитатный фонд (Б. М. Гаспаров), «словарь усвоенных текстов» (И. В. Толочин). В аспекте речепроизводства тезаурус, имеющийся на момент речи у индивида, активизируется и порождает речевые произведения, когда к этому побуждают те или иные стимулы или мотивы. В аспекте восприятия речи, интертекстуальное взаимодействие тезаурусов читателя/слушателя и пишущего/говорящего ведет к интерпретации, пониманию и осмыслению содержания сообщений. Любой произведенный и воспринятый текст является частью интертекста – совокупности текстов, производимых той или иной социальной и культурной средой, вобравших в себя ментальные представления, культуру и идеологию ее носителей и, в свою очередь, оказывающих воздействие на эту среду. В результате коммуникации имеющиеся у коммуникантов концептуальные структуры, как формы отражения и существования некоего интертекста, видоизменяются, видоизменяя и сам интертекст.

В лингвистической традиции тезаурус понимается как структура парадигматических (ассоциативно-признаковых, ассоциативно-образных) связей вокруг имен концептов. Но нельзя не учитывать и линейные синтагматические связи между словами. А. Р. Лурия, соотносящий парадигматические связи с «выражением отношений», а синтагматические – с «описанием событий», подчеркивает: «каждая речь, являющаяся средством общения, яв-

ляется не столько комплексом лексических единиц (слов), сколько системой синтагм» (цит. по [6. С. 111]). Современный исследователь С. А. Осокина, исходя из концепции И. Е. Аничкова, предлагает свою методику тезаурусного исследования, основанную на выявлении в текстах наиболее частотных устойчивых словосочетаний. При этом, по ее утверждению, свидетельством возможности достижения договоренности между собеседниками может являться факт сходства или совпадения словосочетаний в репликах собеседников более чем на 50 % [9] Вероятно, к устойчивым элементам тезауруса можно отнести и целые повторяющиеся высказывания-диктемы, то есть элементарные тематические (тематизирующие, топикальные) единицы связной речи (М. Я. Блох). Их наличие в речевых произведениях собеседников может свидетельствовать о сходном понимании ситуации и являться показателем достижимости консенсуса. Можно сказать, что сходство тезаурусов – более или менее одинаковые слова, устойчивые словосочетания и фразы, используемые коммуникантами – обеспечивает «узнавание» в речи собеседников знакомых смыслов, сигнализирует о сходстве их концептов и тем самым является важной предпосылкой консенсуса.

Далее, важным вербально-когнитивным фактором консенсусной коммуникации является одинаковое или близкое понимание коммуникантами значения слов и смысла терминов. Как отмечает Е. Ф. Тарасов, для успешного речевого воздействия нужно говорить на языке, понятном аудитории, употреблять слова, доступные аудитории. Значения используемых коммуникантами слов могут обладать разной степенью четкости и нечеткости (*exactness and fuzziness*). Факты и события на уровне *modus operandi* могут обсуждаться с помощью конкретных слов, как правило, обладающих четким, структурированным значением. Однако и здесь может возникнуть коммуникативный диссонанс, чему способствуют непонимание терминов, двусмысленность, неясность или некорректность формулировок. При более абстрактной, рефлексивной коммуникации, включение соответствующих концептов в смысловые структуры требует использования более отвлеченных слов, которые как правило имеют нечеткое значение. Обладая широким, общим содержанием и объемом, соответствующие понятия допускают разнообразие контекстов и интерпретаций, смещение акцентов с

одних сем на другие, наполнение дополнительной семантикой.

Некоторые абстрактные концепты/понятия, несмотря кажущуюся простоту и устойчивость, могут быть соотнесены с референтами, схожими с соответствующими гештальтами, но с выхолащенным содержанием и извращенной сущностью. Это может касаться понятий, относящихся к эмоциональным состояниям, психологическим характеристикам, отношениям и социальному поведению (любовь, успех, честность, насилие, свобода и др.). Например, понятие «любовь» и ее формальное проявление зачастую эксплуатируется в сектах (ср. «Свидетели Иеговы объединены во всемирное братство неразрывными узами любви») или в социоинжиниринговых манипуляциях, где оно представляет собой ни что иное, как симуляцию, имитацию реальности.

Большую нечеткость (размытость) проявляют также социально-философские, духовные, этические категории (либерализм, консерватизм, демократия, тоталитаризм; благо и зло, мораль и аморальность и т. п.), в значительной степени зависящие от культурно-исторического контекста, их породившего, а также от наличия или отсутствия у оперирующих ими коммуникантов той или иной социально обусловленной метафизики – системы ценностных взглядов о первоосновах бытия, которая выстраивает концептуальные структуры личности и этноса в систему и обосновывает духовные и моральные принципы. В этом отношении показательны понятия демократии и свободы, которые весьма различаются в зависимости от экономического и политического устройства общества (античная, буржуазная, советский «демократический централизм»), и которые стали в буквальном смысле «пустыми понятиями», жупелами для политического деления на «своих» и «чужих». Например, при утверждении о том, что в России нет свободы и демократии, мы испытываем определенный когнитивный диссонанс между этим заявлением и реальностью, данной нам в ощущениях. А изучение фактов углубляет сомнения в том, что прав и свобод в России меньше, нежели, скажем, в европейских монархиях или «демократиях». Такое несоответствие обыденного знания и объективных фактов обусловлено длительной манипуляцией понятиями «свободы» и «демократии» западным политическим дискурсом: выхолащиванием их сути и применением их и их противоположностей как

симулякров с целью навешивания ярлыков. При этом, Россия часто предстает в нем как в большей или меньшей степени «тоталитарное общество», а русские – как привыкшие подчиняться люди, народ с «тоталитарным сознанием» или даже «рабы». Жупел «рабство», «рабы» в отношении российской политической системы и русских, вероятно, существовал в западном политическом дискурсе уже давно. В XX в. он использовался в отношении советского строя и граждан, в том числе во многих речах и документах. Например, в Директиве СНБ 68 (NSC 68) 1950 г. США в отношении сущности СССР и целей «Кремля» неоднократно упоминается термин “slavery”, с другой стороны, свобода провозглашается источником силы и жизнеспособности американского общества, ср. “The Kremlin regards the United States as the only major threat to the conflict between idea of slavery under the grim oligarchy of the Kremlin, which has come to a crisis with the polarization of power described in Section I, and the exclusive possession of atomic weapons by the two protagonists. The idea of freedom, moreover, is peculiarly and intolerably subversive of the idea of slavery. But the converse is not true. The implacable purpose of the slave state to eliminate the challenge of freedom has placed the two great powers at opposite poles. It is this fact which gives the present polarization of power the quality of crisis», и то, что должно быть поддержано любой ценой (NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security, 14 April 1950, URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm>)

Более или менее одинаковое понимание значений слов, схожее отражение в представлениях коммуникантов соответствующих понятий, близость индивидуальных гештальтов общепринятым (эталонным) представлениям, например, о демократии, тирании и так далее, способствует консенсусному взаимодействию. Если же такой близости нет, следует выяснять, в каком смысле и контексте собеседник рассматривает то или иное слово, что имеет в виду под той или иной характеристикой или свойством, приписываемым объекту обсуждения.

Помимо понятийно-номинативных сложностей, существенно учитывать двусмысленности, возникающие непосредственно в речи, скажем, когда собеседник допускает в высказываниях вербальные манипуляции, которые призваны скрыть или затушевать по какой-либо причине неудобные или неясные моменты,

прибегает к эвфемизации и перефразированию, чрезмерно обобщая смысл, например, «необходимо вывести организацию на качественно новый этап развития». Двусмысленность возникает также, когда собеседник, не вербализуя какое-либо отношение, эмоцию или мысль, намекает на них, создает определенный подтекст, тем самым приращивая дополнительный смысл, например, «когда, наконец, мы создадим четкую структуру, организация заработает как следует», «я не могу работать, поскольку у нас ничего нет».

Прояснению значений незнакомых терминов, нечетких или амбивалентных понятий, а также обсуждению слишком общих, неконкретных высказываний должно уделяться достаточно внимания собеседниками, если они хотят достичь консенсусного взаимодействия в коммуникации. Например, касательно упомянутых выше фраз, уместно предложить дать разъяснение: «Что Вы имеете в виду под “вывести на качественно новый этап развития”? Какой Вы видите новую структуру и как ее, по Вашему мнению, следует налаживать? Что Вы имеете в виду под “как следует”, “у нас ничего нет”? Что Вы лично могли бы сделать для налаживания организации и создания структуры управления? Как предлагаете регулировать, контролировать, корректировать работу?» и так далее.

Наличие двух упомянутых вербально-когнитивных факторов – сходство тезаурусов, сходство понимания значений слов и смысла фраз – является минимальным условием консенсусного взаимодействия. Оно обеспечивается выравниванием (согласованием) смыслов слов и вербально-когнитивных структур коммуникантов через информирование, дискуссии, проясняющие вопросы и изложение своего представления о предмете обсуждения, о центральных понятиях и терминах, объяснение неоднозначно понимаемых фраз.

Не менее важным вербально-когнитивным фактором консенсусной коммуникации является близость пресуппозиций – знаний о референте – и контекстов, связанных с референтом. Соответствие пресуппозиций собеседников требуется для равнозначной компетентности в обсуждаемом вопросе, знания предмета, обоюдного понимания когнитивных структур и личностных смыслов (отношений), которые стоят за теми или иными единицами тезауруса собеседника. В этом отношении представляется существенным, что монадой языкового

опыта является не просто значимое слово (словосочетание, фраза), но сопряженный с ними «коммуникативный фрагмент» (Б. М. Гаспаров) и «ситуативный фрагмент» (А. А. Леонтьев) – контекст, с которым ассоциируется слово / группа слов, ситуация, на фоне которой «высвечивается» обозначаемый этим словом / группой слов референт. Таким образом, не просто слово (сочетание слов), но ассоциативный комплекс, состоящий из объекта (референта), соответствующего понятия, образа, слова (словосочетания, фразы), вербально-ситуативного контекста, указывает на знания и личностные смыслы говорящих, весь этот комплекс и следует учитывать в качественном анализе тезауруса.

Возьмем в качестве примера эволюцию идеологического концепта «левизна», предопределившую разницу пресуппозиций левых на Западе и в России. Если еще 50 лет тому назад левое движение предполагало борьбу за права трудящихся, обобществление средств производства, имущественное равенство и социальную справедливость, то современные умеренные левые на Западе ратуют за идею государства с развитой социальной системой (welfare state), социальный договор между имущими и неимущими, а маргинальные левые сместили круг актуальных вопросов до отставания прав меньшинств (расовых, этнических, сексуальных и пр.), проведения антиглобалистских митингов, выступлений за легализацию легких наркотиков и так далее. Что касается постсоветских российских левых, то они разделяют «устаревшее» понимание левой идеологии как борьбы за права трудящихся, обобществления средств производства и пр., однако, в отличие от западных коллег, выступают за сильную государственную власть, крепкое российское государство, традиционные религии и традиционные ценности («консервативный социализм»). Разная эволюция этого идеологического концепта на Западе и в России предопределяет разницу пресуппозиций между западными и российскими левыми и может явиться источником непонимания и неприятия в коммуникации.

Если объем и нюансировка знания о референте и референтной ситуации у собеседников недостаточны, коммуникация может не иметь успеха. Например, в целесообразности перехода расчетов на рубли можно убедить тех, кто имеет хотя бы какое-то представление о том, как работает современная финансовая система, знает о существовании в России режима «карренси борд», о привязке рубля к доллару

и, следовательно, привязке экономики РФ к добывающей промышленности (Россия продает за доллары сырье), о зависимости Центробанка от МВФ, о запрете кредитования Центробанком государства и, соответственно, невозможности долгосрочных инвестиций в реальную экономику, о весьма высокой, по сравнению с западными странами, ставке кредитования бизнеса и т. п.

Равным образом, если различаются перспективы и ракурсы рассмотрения объекта, это затрудняет коммуникацию. Например, если одна из сторон в руководящих органах некой партии считает первейшими условиями функционирования партии с целью прихода во власть финансирование и спонсирование, оплачиваемые должности, знакомство с влиятельными людьми, а другая – работу с широкими массами на общественных началах, популяризацию соответствующих политических взглядов, регулярные общественные мероприятия, то деятельность партии будет пробуксовывать. Для налаживания работы следует договориться об общих приоритетах, разделить сферы ответственности, распределить обязанности и работать в соответствии с решениями.

Для успеха коммуникации при несходстве пресуппозиций следует их «выровнять» с помощью обмена важными аспектами знаний о референте, чтения информационных материалов о нем, дискуссий. В ходе коммуникации также требуется выяснение индивидуальных контекстов коммуникантов и попытка их сближения, выработка общего контекста, а также выработка сходной оценки ситуации. Если же противоречия слишком велики и сближение невозможно, необходима деаксиологизация и деконтекстуализация предмета обсуждения, то есть снятие оценочности и сведение описания ситуации до тезисов, по которым стороны не имеют противоречий. Идеалом должна стать выработка непротиворечивых суждений о предмете разговора, принятие совместного решения и выстраивание деятельности в соответствующем ключе.

Помимо пресуппозиций, следует анализировать собственно смыслы, которые выражает собеседник, верно понимать и осмысливать импликации (побочные смыслы) и инференции (подразумеваемый вывод) из сказанного. Приведем пример такого осмысления, не связанный непосредственно с темой консенсусного взаимодействия, но достаточно показательный. Евгений Супер проанализировал

высказывание министра экономического развития РФ А. В. Улюкаева, в котором тот признает необходимость экстраординарных мер по преобразованию российской экономики, хотя и поясняет, что имеет в виду не мобилизацию, а «разумную либерализацию» [13]. Эта либерализация предполагает «не ухудшение налоговых условий»: мораторий на повышение ставок налогов и на введение новых налоговых сборов, изменение условий налогового администрирования, оптимизацию надзорной деятельности, переход к рискоориентированному способу контроля, ограничение тарифов («Все это необходимые условия того, чтобы сама наша экономическая политика, наше регулирование приглашало бизнес к тому, чтобы активно работать, а не заставляло его...»). В ходе анализа журналист отмечает, что тем самым: «министр признает, что за 20 лет условия для бизнеса так и не были созданы (что рождает вопрос – кто за это ответит?); г-н министр по-прежнему верит, что бизнес сможет исправить копившиеся десятилетиями «косяки» экономической власти; в нынешней ситуации он не имеет других предложений, кроме <...> либеральных мантр» [14]. Анализ и интерпретация неявных смыслов и подразумеваемых выводов из высказываний позволяет выявить установки и мотивы говорящего, сделать прогноз о качестве коммуникации и заключение о выборе стратегий в переговорах для достижения консенсуса.

Итак, среди вербально-когнитивных факторов консенсусного взаимодействия мы выделяем: собственно способность к пониманию и изложению собственной мысли; способность к когнитивному диалогу; достаточное пересечение (наложение) тезаурусов коммуникантов, схожий ментальный и вербальный лексикон; одинаковое или близкое понимание значений слов и терминов, устранение неясностей и двусмысленностей понимания; близость presupпозиций собеседников, как ситуативных, так и константных (фреймы и сценарии, прецедентные тексты, специальные знания и так далее), при несовпадении – выяснение их и попытка сближения; сближение контекстов или выработка общего контекста и схожей оценки ситуации; деконтекстуализация и деаксиологизация предмета обсуждения, если это поможет снять противоречие; принятие совместного решения о предмете обсуждения, выработка компромиссных решений, выстраивание деятельности в соответствующем ключе; верное

понимание импликаций (побочных смыслов) и инференций (выводов) из сказанного собеседником.

Список литературы

1. Гордон Олпорт. Становление личности: избранные труды [Электронный ресурс] / под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М., 2002. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1989/896/896140.htm>.
2. Жюльен, Ф. Путь к цели: в обход или напрямик? Стратегия смысла в Китае и Греции. М., 2001. 360 с.
3. Жюльен, Ф. Трактат об эффективности. М. ; СПб., 1999. 235 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
5. Корнилова, Т. В. Подходы к изучению когнитивных стилей: двадцать лет спустя / Т. В. Корнилова, Г. В. Парамей // *Вопр. психологии*. 1989. № 6. С. 140–146.
6. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики. М., 1997. 287 с.
7. Луков, Вал. А. Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания / Вал. А. Луков, Вал. А. Луков. М., 2008. 784 с.
8. Осокина, С. А. К построению лингвистической теории тезауруса // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2010. № 21 (202). Филология. Искусствоведение. Вып. 21. С. 86–90.
9. Слово о человеке [Электронный ресурс] : энцикл. слов. URL: <http://www.slovochel.ru/empatija.htm>.
10. Тарасов, Е. Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // *Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации* / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. М., 1990. С. 3–14.
11. Seeds for Change. Настольная книга по консенсусу [Электронный ресурс]. М., 2014. 248 с. URL: http://www.seedsforchange.org.uk/translations/conshandbook_russian.pdf.
12. URL: <http://etymonline.com>.
13. URL: <http://ria.ru/economy/20141126/1035247033.html>.
14. URL: <http://www.odnako.org/blogs/inache-nas-somnut-etu-elitu-nado-zamenit-mobilizacii>.

References

1. Allport, G. (2002) *Stanovleniye lichnosti. Izbrannyye trudy* [=The formation of personality. Selected Works], Moscow, 462 p., available at:

<http://www.voppsy.ru/issues/1989/896/896140.htm> (in Russ.).

2. Julien, F. (2001) *Put' k tseli: v obkhod ili napryamik? Strategiya smysla v Kitaye i Gretsii* [=The path to the goal: bypass or straight. Strategy of meaning in China and Greece], Moscow, 360 p. (in Russ.).

3. Julien, F. (1999) *Traktat ob effektivnosti* [=Treatise on efficiency], Moscow, Saint Petersburg, 235 p. (in Russ.).

4. Karasik, V. I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [=Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse], Volgograd (in Russ.).

5. Kornilov, T. V. Paramei, G. V. (1989) "Approaches to the study of cognitive styles: twenty years later", in: *Voprosy psikhologii* [=Questions of psychology], № 6. pp. 140–146 (in Russ.).

6. Leontiev, A. A. (1997) *Osnovy psikholingvistiki* [=Fundamentals of psycholinguistics], Moscow, 287 p. (in Russ.).

7. Lukov, Val. A.; Lukov, Vl. A. (2008) *Tezaurusy: Sub'yektnaya organizatsiya gumanitarnogo znaniya* [=Thesauri: Subjective organization of humanities], Moscow, 784 p. (in Russ.).

8. Osokina, S. A. (2010) *K postroeniju lingvisticheckoj teorii tezaurusa* [=Construction of the linguistic theory of thesaurus], in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of Chelyabinsk State University], № 21 (202), pp. 86–90 (in Russ.).

9. *Slovo o cheloveke* [=Word about the person], available at: <http://www.slovochel.ru/empatija.htm> (in Russ.).

10. Tarasov, E. F. (1990) *Rechevoe vozdeystvie kak problema rechevogo obshheniya* [=Speech influence as a problem of speech communication] // *Rechevoye vozdeystviye v sfere massovoy kommunikatsii* [=Speech influence in the field of mass communication], Ed. F. M. Berezin, E. F. Tarasov, Moscow, pp. 3–14 (in Russ.).

11. *Seeds for Change* (2014), Moscow, 248 p., available at: http://www.seedsforchange.org.uk/translations/conshandbook_russian.pdf.

12. Available at: <http://etymonline.com>.

13. Available at: <http://ria.ru/economy/20141126/1035247033.html>.

14. Available at: <http://www.odnako.org/blogs/inache-nas-somnut-etu-elitu-nado-zamenit-mobilizacionnoy>.

ХРОНОТОП КАК СРЕДСТВО САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (на примере мемуаров Николая I Романова)

Рассматривается хронотоп как элемент организации текста и проводится анализ «Воспоминаний о младенческих годах императора Николая Павловича, записанных им собственноручно» с точки зрения пространственно-временной организации, чтобы установить, насколько хронотоп влияет на создание образа языковой личности. В первой части статьи рассматривается проблема художественного времени и пространства, в том числе и как средства самопрезентации языковой личности. Практическая часть работы заключается в анализе хронотопа мемуаров императора Николая I.

Ключевые слова: *хронотоп, языковая личность, мемуары, самопрезентация.*

Хронотоп, а иначе художественное время и пространство, является важным элементом организации любого текста, поэтому, несомненно, очень значим для филологического анализа.

Проблема художественного пространства и времени давно интересует исследователей. Еще А. А. Потебня разграничил время реальное и время художественное. Произведение, по мнению П. А. Флоренского, эстетически принудительно развивается в определенной последовательности [6. С. 230]. Время в тексте может быть четко определено или иметь размытые границы, может быть привязано к историческому или искусственно созданному автором времени. Текст обладает также определенной пространственной организацией, неразрывно связанной с временной организацией. Эти категории взаимодействуют, результат этого взаимодействия реализуется в категории текстового хронотопа.

Хронотоп, по М. М. Бахтину, – формально-содержательная категория, «взаимосвязь временных и пространственных отношений» [1. С. 234]. М. М. Бахтин впервые о хронотопе говорил с позиций анализа художественного произведения, однако уже в его трудах данное понятие рассматривается также как спецификатор жанра: «Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [1. С. 234].

Кроме этого указывается на возможность его применения к пространству реальной жизни: «...важен не только и не столько внутренний хронотоп... (то есть время-пространство

изображаемой жизни), но и, прежде всего тот внешний реальный хронотоп, в котором совершается это изображение своей или чужой жизни...» [2. С. 234, 282]. Также исследователями отмечается целостность категории хронотопа, что «подчеркивается наличием... лексических единиц, семантика которых носит синтетический пространственно-временной характер. ... Хронотоп является способом пространственно-временной развертки темы в текст» [4. С. 541].

Но хронотоп не только способ организации эстетической действительности произведения, он тесно связан с воплощением авторской концепции, поэтому относительно жанров, в основе которых лежит самопрезентация (мемуаров, дневников), можно утверждать, что хронотоп является средством самопрезентации личности.

Предметом нашего анализа являются «Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно». Мемуары – жанр литературы, которая в свою очередь традиционно рассматривается как искусство временное, что позволяет нам обратиться к свойствам времени и пространства в мемуарах Николая I.

Мемуары изначально предполагают автобиографичность и рассказ от первого лица. Лингвистические и экстралингвистические характеристики реального времени в сочетании с характеристиками пространства создают специфический хронотоп. С одной стороны, это хронотоп создания текста, а с другой – хронотоп прочтения текста. Мемуары хотя и не имеют прямого адресата, предназначены для того, чтобы их прочли. Образуется антропоцентрический пункт текстового хронотопа, эта точка фиксируется в тексте и в ряде работ называется точкой отсчета. В исследуемых воспоминани-

ях преобладает тип хронотопа «я-там-тогда»: «Пока я числился в Конной гвардии, я носил курточку и панталоны...», «Мы спускались регулярно к отцу в то время, когда он причесывался...» [3]. Но также наряду с этим существует и тип хронотопа «я-здесь-сейчас», что подчеркивает постоянное присутствие в настоящем автора воспоминаний: «Я об этом упоминаю...», «Скажу еще несколько слов...» [3].

Антропоцентричность является содержательной и формальной концепцией текстового хронотопа, который находит свое выражение в тексте в отборе языковых средств. Важную роль играют местоимения: их лицо четко определяет персональность исходной точки. В тексте используются местоимения «я» и «мы» и разные их формы, что подчеркивает и используемые типы хронотопов и особенности жанра.

Мемуары императора имеют четко определенные временные границы – от рождения Николая до смерти его отца Павла. Рождение отмечено конкретной датой: «...я могу только добавить, что родился 25 июня стар. ст. 1796 г. в Царском Селе», дата смерти Павла I не названа, только факт смерти описан словесно.

В любом литературном произведении возникают как бы две временные оси – «ось рассказывания» и «ось описываемых событий». «Ось рассказывания одномерная, тогда как ось описываемых событий многомерна» [5. С. 66]. Почти всегда автор ведет нас по своим воспоминаниям, не нарушая временных рамок, но иногда художественное время все-таки становится многомерным, когда автор прерывает течение своего повествования временными смещениями. Начиная со дня своего рождения, он тут же переносит нас в прошлое, вспоминая обстоятельства несостоявшегося бракосочетания его сестры, тут же мы оказываемся уже в будущем: «...с королем Шведским Густавом-Адольфом, тем самым, которого впоследствии так жестоко преследовала судьба, лишив его даже престола и наследия его предков».

Мемуары Николая I представляют собой целостное произведение, но, с одной стороны, время непрерывно – факты последовательно сменяют друг друга, – с другой же, явно характеризуется дискретностью. Некоторые эпизоды император описывает очень подробно, в деталях, например, свое рождение, детскую обиду на отца о перемене решения о зачислении его в Конную гвардию, о привитии ему и сестре оспы, свадьбу сестры, встречу с Суворовым, историю со страшным пророчеством

младшего брата Михаила о смерти их отца. Другие же годы объединены в единое целое: «Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей...» [3]. За этой общей фразой шло перечисление постоянных занятий, правил этикета, которые детям приходилось исполнять, описание комнат и залов.

Время в мемуарах обратимо, так как император воссоздает события прошлого, а также нелинейно, так как нередко Николай I «отвлекается», рассуждает об уже прошедших событиях: «Я об этом упоминаю лишь для того, чтобы показать, насколько то, что льстит или оскорбляет, оставляет в раннем возрасте глубокое впечатление» [3]. Появляется план авторского времени и времени автобиографического, направленного на то, чтобы выделить важные моменты юных лет Николая I.

Император в воспоминаниях использует только три даты – дату своего рождения, смерти императрицы и возвращение брата Константина из итальянского похода. Грамматическое и художественное время тесно связаны, ощущение времени создается всеми элементами текста. В основном в ходе повествования автор использует форму прошедшего времени глагола, причастия прошедшего времени: «отец удостоил», «привили оспу», «раздавшийся пушечный выстрел», «стрелки были поставлены», «комната была оштукатурена» [3]. Эти формы четко определяют, что действие происходит в прошлом, выражают цепь последовательно сменяющихся действий. Но император ведет повествование в настоящем, куда он нас нередко «переносит» из воспоминаний о прошлом, для чего использует уже формы настоящего времени глагола, причем нередко в сочетании с прошедшим, что особенно подчеркивает эффект присутствия, задушевной беседы с автором. Например, описывая свое рождение, он ссылается на некий неизвестный источник, который явно находится в настоящем для него времени: «Говорят, мое рождение доставило большое удовольствие...» и дальше использует сочетание времен глагола, что подчеркивает стремление автора не только констатировать события, но и поразмышлять над ними: «Я родился и думаю, что рождение мое было...». Настоящее время используется императором как средство ведения повествования: «Скажу еще несколько слов...», а также для того чтобы подчеркнуть свои переживания о прошедшем: «...с трудом представляю себе лицо моей сестры Елены», «я до сих пор еще слышу его рыдания» [3].

Если время не очень четко обозначено, то пространство, видимо, для автора более значимо, потому что он прописывает места прошедших событий: «родился... в Царском Селе», «она присутствовала при крестинах, помещаясь на хорах Придворной церкви Царского Села», «это происходило в Зимнем дворце», «переезжали в Павловск», «в доме Плещеева», «в Мраморном дворце с Дурновым, а впоследствии в Царском Селе» [3]. Описание мест, в которых Николай I рос, очень подробно. Например, описание помещений, которые занимали дети в Царском Селе и в Зимнем дворце, занимают одну восьмую всех воспоминаний.

Так как события описываются конкретным историческим лицом, то и пространство связано с историческим фоном, значение имеют не только место действия, то и также лица, молодого императора окружавшие. Ключевых фигур, которые оставили впечатление с детских лет, достаточно много. Их наличие создает не только пространственную организацию, но и выстраивает временные рамки. С самого рождения большую роль играла бабушка Екатерина, которую часто он называет просто Императрица и которая занималась непосредственно воспитанием всех императорских детей. Ее смерть немного меняет положение еще младенца Николая, его отдают на попечение графини Ливен, о которой он отзывался крайне положительно. Если о бабушке он говорит очень уважительно, но немного отстраненно, то имени Павла I он не упоминает, говорит о нем всегда «мой отец», «отец мой», что в контексте повествования звучит очень ласково, показывает, что отношения между отцом и сыном были очень хорошие. Обращение к пусть еще маленькому Николаю подчеркнуто нежное: «Поздравляю, Николаша, с новым полком», что подчеркивает наличие уменьшительно-ласкательного суффикса -аш-.

Старшею над Николаем и его сестрой Анной после смерти императрицы становится госпожа Адлерберг. В ходе повествования он не раз упоминает ее, а также ее детей, с которыми он проводил много времени. Отнюдь не зря отмечает император свою дружбу с сыном госпожи Адлерберг Эдуардом и дружбу своей сестры с ее дочерью Юлией: «...наша 25-летняя дружба зародилась в это время». Такой вроде бы вскользь упомянутый факт располагает к личности Николая, представляя его как натуру, способную к дружбе искренней и продолжительной.

Все перемещения из одного дворца в другой Николай II **подробно прописывает, останавливаясь** не только на факте переселения, но и на описании помещений, образа жизни и одежды. В основном автор использует сложные предложения, насыщенные знаками препинания, в основном из-за большого количества однородных дополнений и подлежащих. Преобладают имена существительные и прилагательные, глаголы в основном используются, чтобы подчеркнуть, что действие происходит в прошедшем времени: «Стены были покрыты белой камкой с большими заводами и изображениями зверей, стулья – с позолотой...».

Кроме отца из родных упоминает император своих сестер Александру и Елену и Великую Княгиню Анну, первую супругу брата Константина, но отмечает, что помнит их очень смутно, ни вида, ни лица не может вспомнить. Преподнесено это как факт, без сожаления или других эмоций.

Николаю I запомнились все доктора, их навещавшие: «...господин Роджерсон, англичанин, доктор Императрицы, господин Рюль, доктор моего отца, господин Блок, другой его доктор, господин Росберг, хирург, господин Эйнброт и доктор Голлидей, который нам привил оспу». Наряду с довольно обобщенными воспоминаниями такое четкое обозначение всех имен докторов дает право предположить, что они не только нередко посещали детей, но и вызывали достаточно яркие эмоции. Заканчиваются воспоминания смертью Павла I и предшествующею этому почти мистической историей о брате Михаиле, который накануне в игре хоронил отца.

Пространственно-временная организация «Воспоминаний о младенческих годах императора Николая Павловича, записанных им собственноручно» носит замкнутый характер. Император в ходе повествования до мелочей описывает окружающий его интерьер, что говорит о том, что пребывали императорские дети в нем достаточно долго, успевали изучить очень тщательно все предметы, настолько подробно, что, несмотря на разные места пребывания, они остались в памяти надолго. Нужно отметить, что такое внимание к мелочам и хорошая память со столь юного возраста многое говорят о личности уже взрослого императора Николая I. Также некоторые предметы обстановки комнат и образа жизни заставляют невольно восхититься тем, что императорские дети отнюдь не были избалованы роскошью, с

раннего детства вели спартанский образ жизни, что явно способствовало развитию стойкости, умению не обращать внимания на физические неудобства: «Спали мы на железных кроватях, которые были окружены обычной занавеской...» [3].

Кроме подробного описания комнат, бросается в глаза стремление оказаться в более закрытом пространстве, особенно бессознательное желание оказаться в привычной обстановке после смерти отца: «Для нас было счастьем опять увидеть наши комнаты...». Особое чувство ответственности, организованность, отсутствие стремления к детским шалостям, серьезность, четкое и безропотное исполнение правил этикета – эти черты, проявляемые Николаем еще будучи ребенком в возрасте от рождения до смерти отца, то есть до пяти лет, заложили основу создания образа будущего справедливого императора.

Нельзя не обратить внимание на эмоции, несвойственные для обычного ребенка, касающиеся предметов и событий, на которые обычные дети даже не реагируют совсем, например, как сам с неким удивлением констатирует император, свое впечатление о получении вместо Конной гвардии перевода в 3-й гвардейский полк: «...сколь мало я в то время был польщен этим назначением... мне в ту пору было едва три года!» [3]. Конечно, этот факт оказывает сильное влияние на предполагаемого читателя, так как отмечает не только раннее развитие и взросление Николая, не только его способность осознавать в три года такие сложные вещи, но и глубокий ум, патриотизм и задатки будущего правителя, не желающего уступать своего.

В целом, хронотоп играет очень важную роль для самопрезентации императора Николая I в его мемуарах. С помощью чередования временных форм глаголов возникает многомерность времени – как в настоящем для императора, так и в прошлом, времени описанных событий из детства, за счет чего автор создает эффект присутствия, доверительной беседы. Возникает впечатление, что автор находится рядом с нами и рассказывает подлинную историю, которой не поверить уже невозможно. Художественное пространство создается отдельными подробными описаниями, которые будто стремятся вывести читателя из заблуждения об особенном и пышном детстве императорских детей. Все окружающие исторические лично-

сти, родные и друзья Николая I также являются важным фоном для иллюстрации зарождающегося будущего императора, сильного, умного и уверенного.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.
3. Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/nikolay1/nikolay1_vosp_o_mlad.html.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд. М., 2006. 541 с.
5. Тодоров, Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 37–113.
6. Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993. 324 с.

References

1. Bahtin, M. M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [=Questions of literature and aesthetics], Moscow, 504 p. (in Russ.).
2. Bahtin, M. M. *Jestetika slovesnogo tvorchestva* [=Aesthetics of verbal creativity], Moscow, 1979. 423 p. (in Russ.).
3. *Vospominanija o mladencheskih godah imperatora Nikolaja Pavlovicha, zapisannye im sobstvennoruchno* [=Memories of the infant years of the Emperor Nicholas , written in his own hand], available at: http://dugward.ru/library/nikolay1/nikolay1_vosp_o_mlad.html (in Russ.).
4. *Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka* [=Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language] (2006), Moscow, 541 p. (in Russ.).
5. Todorov, C. (1975) “Pojetika” [=Poetics], in: *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [=Structuralism “pros” and “cons”], Moscow, pp. 37–113 (in Russ.).
6. Florenskij, P. A. (1993) *Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitel'nyh proizvedenijah* [=Analysis of the spatial and temporal in Fine Art and works], Moscow, 324 p. (in Russ.).

СТЕРЕОТИП «ЧЕЛОВЕК ТРУДА» В РЕГИОНАЛЬНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исследуется феномен социальных иллюзий в журналистике. Особое внимание уделяется иллюзиям, которые обладают региональной спецификой. При формулировании социальных иллюзий в СМИ Уральского федерального округа актуализируются советские стереотипы «человек труда», «грабительский капитализм» и другие. Данную тенденцию можно рассматривать и как результат целенаправленной работы политтехнологов, и как определенный сдвиг в системе ценностей современного общества.

Ключевые слова: *СМИ, социальные иллюзии, миф, стереотип.*

Как ни парадоксально это звучит, но в век господства разума и отказа от суеверий и предрассудков ученые все чаще обращаются к изучению иррационального в жизни современного человека. Известно, что во времена архаики иллюзорные представления, мифы нужны были обществу для самоорганизации и объяснения мира. Однако человек сохранил свое пристрастие к иллюзиям и по сей день. Р. Гарифуллин даже называет приверженность иллюзиям отличительной чертой человека как вида. «Все мы живем в мире иллюзий и манипуляций, – пишет он. – Именно этот мир отличает нас от животных» [3. С. 13].

О том, что иллюзорные представления имманентны человеческому обществу на любой стадии его развития, ученые заговорили в XIX–XX вв. Так, З. Фрейд считал, что массам вообще не свойственно стремление к поиску истины. «Они требуют иллюзий, от которых не могут отказаться. Они всегда отдают предпочтение ирреальному, а не реальности, нереальное действует на них с той же силой, что реальное» [10. С. 87]. Воздействие иллюзий на умы людей ученый сравнивал с влиянием наркотических веществ на организм человека.

К. Г. Юнг подчеркивал, что как только разум перестает контролировать жизнь общества, открываются огромные возможности для возвращения мифов и иллюзий. «Мы все, и Запад, и Восток, находимся во власти мифологии и веры во всеобщий мир, равенство людей, незыблемости человеческого права, в Божье царство на земле» [14. С. 78].

Одна из причин этого заключается в том, что современная цивилизация ставит перед человеком столь сложные задачи, что он стремится уклониться от решений. Ему проще предаться иллюзиям, поверить в мифы. Свою

роль, безусловно, играет и информационная перенасыщенность, в которой живет сегодня каждый житель планеты. С экранов телевизоров, из радиоприемников, со страниц газет на нас выливается оглушающий поток информации. Поскольку мы не можем являться экспертами сразу во всех областях, простого сообщения факта нам недостаточно. Мы требуем его анализа и оценки. И этим пользуются СМИ, властные элиты, тиражируя иллюзии, с помощью которых можно оценить (и интерпретировать!) любой факт действительности.

Слово «иллюзия» с латинского языка переводится как «обман», «заблуждение». Новая философская энциклопедия определяет иллюзию следующим образом: «В обыденном плане понятие “иллюзия” употребляется как синоним надежд и мечтаний (как правило, нереальных), утешающего и облегчающего жизнь самообмана или полета творческой фантазии. С философской точки зрения, стремление к иллюзорному восприятию действительности является неотъемлемой чертой человеческого сознания, ищущего в нем отдохновения от “суровой действительности”, надежду или удовольствие» [7].

Л. В. Шукшина определяет социальные иллюзии широко как «ложное осознание человеком тех или иных социальных, психологических процессов и явлений. Это феномен часто рассматривают через такие составляющие, как заблуждения, мифы, утопии, главной особенностью которых также является ложное осознание действительности» [12. С. 49].

Применительно к сознанию каждого конкретного индивида можно утверждать, что иллюзии не возникают стихийно, не являются случайным продуктом сознания. Они наследуются человеком в процессе социализации и

отражают не только социально-психологические особенности личности, но и особенности социального времени и окружения, в котором индивид живет [13. С. 48].

Цель нашего исследования – изучение наиболее распространенных социальных иллюзий в СМИ Уральского федерального округа. Поэтому нами был предпринят тематический анализ публикаций трех общественно-политических газет за 2012–2014 гг.: «Областная газета» (Свердловская область), «Челябинский рабочий» (Челябинская область) и «Новый мир» (Курганская область). В процессе исследования выяснилось, что в интересующем нас медиа-дискурсе функционируют как универсальные социальные иллюзии, так и социальные иллюзии, имеющие региональную специфику.

Необходимо заметить, что для Свердловской и Челябинской областей население, занятые в промышленности, является основной частью электората. Поэтому одной из распространенных социальных иллюзий для Урала является представление о том, что представители рабочих профессий задают вектор политического и экономического развития региона.

Основывается эта иллюзия на стереотипе «человек труда», который сформировался в советское время. Под термином «стереотип» мы понимаем обобщенное и упрощенное представление о явлении, которое разделяет большинство носителей одной культуры. «Человек труда» – идеологическое клише, активно используемое в советском публицистическом дискурсе. Как известно, труду в социалистическом обществе отводилась особая роль. Полноценным членом социума мог считаться только тот, кто трудится на его благо. При этом довольно часто речь шла именно о тяжелом физическом труде: «восхваление» человека труда было одним из способов повысить статус представителей рабочих специальностей. В 90-х гг. прошлого столетия гуманистический пафос стереотипа «человек труда» был существенно снижен и, как многие идеологические маркеры советской эпохи, подвергнут забвению и даже осмеянию. И в несколько измененном качестве появился в публицистическом дискурсе в начале 2000-х гг.

Представление об определяющей роли представителей рабочих профессий в политике и экономике стало формироваться и укреплять свои позиции в промышленных регионах, где большая часть населения как раз была занята на производстве. Журналисты вновь стали

много писать о трудовых династиях и свершениях. Приведем только некоторые примеры:

«Я его и раньше уважал. А когда посмотрел, как он точит деталь и как металлическая стружка идет и, нагреваясь, на ходу меняет цвет – был потрясен. *В моем сознании объединились авторитет токаря – борца, умницы, смелого человека*» [5. С. 11].

«Когда я в юности мечтал делать гравюры, дедушка возразил: “Гравер – это хорошо. *Но лучше иметь такую специальность, рабочую. Тогда работа тебе точно будет и уважение*”» [5. С. 11].

В газете Курганской области «Новый мир» в силу экономической специфики региона трудовые подвиги совершались на поприще сельского хозяйства:

«Александр Николаевич – механизатор-комбайнер. В ту знатную уборочную кампанию он намолотил более 12 тысяч центнеров зерна и вспахал 217 га пашни. – *И знаете, не считаю это каким-то геройством, просто работал на совесть, – признается он*» [4. С. 2].

Акцент делается на том, что люди труда не любят высокопарных слов, не считают свои выдающиеся трудовые свершения подвигом, а просто делают свою работу на совесть.

Была сделана попытка сформировать трудовую элиту из представителей рабочих профессий, наполнить стереотип «человек труда» позитивными коннотациями. СМИ стали активно восставать против сознательного снижения роли «трудяг» в жизни общества, негативной оценки результатов их труда и негативных ассоциаций, связанных с их личными качествами. Эти тенденции совпали с предвыборной кампанией Владимира Путина, который, потеряв поддержку российских элит, сознательно сосредоточился на работе с «трудовым» электоратом.

«Металлург из Магнитогорска заявил, что уход Путина из власти будет означать передачу власти “тем, кто называет рабочих дебилами и быдлом”» [2. С. 1].

СМИ настойчиво проводили мысль, что с уходом Путина страна снова будет ввергнута в хаос, как было в 90-е гг. Поскольку за Путина голосовали именно рабочие, их вклад сочли – не больше и не меньше – спасением государства.

«Русские государственники, патриоты, которые с 1991 г. находились в положении маргиналов <...> объединились и спасли государство. В том числе и Урал, и “Уралвагонзавод”, в том числе и Холманских» [1. С. 2]

В конечном итоге люди труда почувствовали себя реальной политической силой, получили подтверждение нужности и важности своего труда, по сути, доказали собственную исключительность.

Параллельно происходит идеализация жителей сельской глубинки. Деревня, несмотря на ее скромный вклад в общее экономическое благополучие страны, позиционируется как «сила России». Журналисты не склонны поднимать вопросы обнищания российской деревни, массовой алкоголизации ее населения. Целенаправленно формулируется мысль о том, что деревенские жители, несмотря на трудности, сохраняют лучшие человеческие качества: трудолюбие, терпение, оптимизм, доброту и открытость.

«На чем держится зауральская глубинка? Не на нефти и газе. И даже, по большому счету, не на жирном молоке и тучном колосе. Она держится на людях, которые этот колос выращивают, которые, несмотря на обстоятельства, не опускают руки» [6. С. 11].

«Тарасовка, Топорищево, Катково – маленькие частички Шадринского района, Зауралья и России в целом. И живут люди, как большинство россиян в сельских глубинках. Проблем много, а свет в душе не гаснет. Топчут натруженными ногами по неасфальтированным дорогам, а жизнь не корят, видят в ней солнечные лучики» [9. С. 5].

Подспудно формируется противостояние города и деревни, но не в географическом, а в трудовом и профессиональном смысле. «Деревня» – это тоже «люди труда», а «город» ничего не выращивает и не производит. Соответственно моральные качества жителей глубинки намного выше, чем горожан:

«Я всегда гордился тем, что родился и вырос в деревне. Многократно в своей жизни убеждался в том, что *отзывчивость, сопереживание, открытость и простота общения – наши основные человеческие качества – в большей степени присущи деревенским выходцам, нежели городским* <...> Деревня – это корни многовекового дерева любого общества» [8. С. 3].

Советский стереотип «человека труда», получивший второе рождение в 2000-х гг., влечет за собой и другие иллюзорные представления. Например, одной из частотных можно назвать иллюзию об антигуманистическом характере любого бизнеса. На основе стереотипа «человек труда», иллюзии об антигуманистическом

характере бизнеса формируется идеал современного человека: это бессребреник, занимающийся полезным трудом, главная его цель – служить обществу.

Актуализация тех или иных иллюзий может рассматриваться и как результат целенаправленной политтехнологической работы, и как новый вектор развития морально-ценностных ориентиров общества. Например, можно предположить, что актуализация иллюзии об идеальном человеке-бессребренике очень выгодна для власти предрежащих в кризисные времена. Мысль о том, что деньги – это не главное, прекрасно успокаивает электорат в периоды экономического спада. Однако социальные иллюзии, как правило, имеют под собой более вескую основу: история социума, культурная специфика, особенности менталитета. Анализ социальных иллюзий – один из способов изучения ценностных оснований общества, познания себя и окружающих.

Список литературы

1. Александр Проханов: «Путин пережил колоссальный шок» // Новый мир. 2013. 6 июля.
2. Варезка – оружие пролетариата // Обл. газ. 2012. 31 янв.
3. Гарифуллин, Р. Иллюзионизм личности как новая философско-психологическая концепция. Йошкар-Ола, 1997.
4. Ежедневный подвиг // Новый мир. 2013. 18 июня.
5. Как правильно вторить историю // Челяб. рабочий. 2013. 19 сент.
6. Люди нового разлива // Новый мир. 2013. 6 июля.
7. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / под. ред. В. С. Стёпина // Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2333.
8. Память обязывает // Новый мир. 2013. 6 июля.
9. Почему сапоги на два размера больше // Новый мир. 2013. 20 июня.
10. Фрейд, З. Эссе о психологии. М., 1996.
11. Хевеши, М. А. Социально-политические стереотипы, иллюзии, мифы и их воздействие на массы // Филос. науки. 2001. № 2.
12. Шукшина, Л. В. Генезис социально-философского осмысления проблемы социальных иллюзий // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2009. № 2.

13. Шукшина, Л. В. Философское понятие, структура и функции социальных иллюзий // Вестн. Тамбов. ун-та. 2008. Гуманитарные науки. № 2.

14. Юнг, К. Архетип и символ. М., 1991.

References

1. Prokhanov, A. (2013) «Putin perezhil kolossal'nyu shok» [=Putin endured enormous shock], in: *Novyy mir* [=New world], 06 July.
2. Varezhka – oruzhie proletariata [=Mitten – the weapon of the proletariat], in: *Oblastnaya gazeta* [=Regional newspaper], 31 Jan. (in Russ.).
3. Garifullin, R. (1997) *Illyuzionizm lichnosti kak novaya filosofsko-psikhologicheskaya kontseptsiya* [=Illusionism of the personality as new philosophical and psychological concept], Yoshkar-Ola (in Russ.).
4. “Ezhednevnyy podvig” [=Daily feat], in: *Novyy mir* [=New world], 18 June (in Russ.).
5. “Kak pravil'no vtorit' istoriyu” [=As it is correct to make history], in: *Chelyabinskii rabochiy* [=Chelyabinsk worker], 19 Sep. (in Russ.).
6. “Lyudi novogo razliva” [=People of new flood], in: *Novyy mir* [=New world], 06 July (in Russ.).
7. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [=New philosophical encyclopedia] / Network literature / pod. red. V. S. Stepina, available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2333/accessed

9.11.2014 (in Russ.)

8. “Pamyat' obyazyvaet” [=Memory obliges], in: *Novyy mir* [=New world], 06 Jul. (in Russ.).

9. “Pochemu sapogi na dva razmera bol'she” [=Why boots are two sizes more], in: *Novyy mir* [=New world], 20 Jun. (in Russ.).

10. Freyd, Z.(1996) *Esse o psikhologii*. Moskow (in Russ.).

11. Kheveshi, M. A. (2001) “Sotsial'no-politicheskie stereotipy, illyuzii, mify i ikh vozdeystvie na massy” [=Socio-political stereotypes of illusion, myths and their impact on masses], in: *Filosofskie nauki* [=The Philosophical sciences]. Volume 2 (in Russ.).

12. Shukshina, L. V. (2009) “Genezis sotsial'no-filosofskogo osmysleniya problemy sotsial'nykh illyuziy” [=Genesis of social and philosophical judgment of a problem of social illusions], in: *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* [=Central Russian messenger of social sciences], Volume 2 (in Russ.).

13. Shukshina, L. V. (2008) “Filosofskoe ponyatie, struktura i funktsii sotsial'nykh illyuziy” [=Philosophical concept, structure and functions of social illusions], in: *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of the Tambov university] Series: Humanities. Volume 2 (in Russ.).

14. Yung, K (1991) *Arkhetip i simvol* [=Archetype and symbol], Moskow (in Russ.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Н. А. Кислицын

ПРИЕМЫ ИГРЫ НА БАЯНЕ КАК ДВИГАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ АРТИКУЛЯЦИИ

Приемы игры впервые в теории артикуляции трактуются как двигательно-игровые средства музыкально-исполнительской речи баяниста.

Ключевые слова: артикуляция, музыкально-исполнительская речь, произношение, основные приемы, специфические приемы игры, штрихи.

В течение полувековой истории становления теории баянной артикуляции ее рассматривали в непосредственной связи со штрихами и приемами игры, сложившимися в практике игры на классических инструментах академического направления. Двигательно-игровые способы управления звукообразующими устройствами баяна нередко отождествлялись с приемами игры на скрипке, клавире, органе, духовых инструментах и со штрихами – характеристиками звучания мотивов, фраз и так далее. Баянные штрихи, основные и «специфические» приемы игры получали конкретные названия *legato*, *portato*, *marcato*, *non legato*, *staccato* или *portamento*, *sforzando* и т. п.

Менее употребляемые приемы извлечения и ведения звуков, нередко броские, необычные (в плане зрительного восприятия) игровые движения и яркие, заметные по звучанию акустические, тембровые, шумовые или частотно-ритмические и пр. эффекты зачастую стали включаться в систему баянных штрихов, основных или специфических приемов игры. Автор настоящей статьи считает нецелесообразным причислять штрихи к сфере артикуляционных средств. Штрихи «как абстрактный звуковой образец, – пишет, например, украинский ученый А. Сокол, – воплощаются в штрих при опосредовании фонетическими возможностями конкретного инструмента» [6. С. 14].

В настоящее время не существует единой точки зрения на трактовку понятий «прием игры» и «способ игры». Отсутствует также четкое представление в вопросе, какие способы и приемы игры считать основными, а какие – специфическими. Так, Ф. Липс в качестве основных приемов игры пальцами называет четыре способа (или вида) пальцевого туше: «нажим», «толчок», «удар» и «скольжение» (*glissando*) [3. С. 15]; исполнение же

последовательности звуков при однонаправленном движении меха либо на разжим, либо на сжим автор предлагает называть приемами игры мехом [3. С. 24]. Комбинированная игра мехом и пальцами одновременно традиционно называется им мехо-пальцевой артикуляцией [3. С. 14]. К специфическим приемам игры Ф. Липс относит нетемперированное *glissando*; игру, при которой клапана открываются не полностью, а частично; тремоло, триоли и рикошет мехом; вибрато. Б. Егоров и М. Имханицкий, осознавая бесперспективность дифференциации средств управления звукообразующими устройствами баяна на «приемы» и «способы», предлагают трактовать их в синонимичном значении [1. С. 110; 2. С. 26].

Б. Егоров всю совокупность средств управления звукообразующими устройствами баяна делит на две группы: «способы ведения меха» и «виды туше и снятия». Авторы выделяют семь способов игры мехом: ровное ведение, ускорение и замедление движения, рывок, тремоло, вибрато и пунктирное меховедение. Из них, вероятно, можно сразу исключить «тремоло» и «вибрато» мехом, так как они относятся к специфическим приемам. Например, в штриховой системе М. Имханицкого и Ф. Липса прием «скольжение-срыв» не значит в качестве основного способа управления клавиатурными клапанами (клавишами).

С приемами пальцевой артикуляции Б. Егоров связывает пять видов туше: «нажим-отпускание», «толчок-снятие», «удар-отскок», «скольжение-срыв» и «прием неполного (частичного) открытия клапана» [1. С. 111–113]. В статье также отмечается, что «при исполнении акцентов и *sforzando* необходимо применять «удар-отскок», или «толчок-снятие», точно скоординированные в момент извлечения звука с рывком меха в зоне атаки» [1. С. 120].

Указанная дифференциация артикуляционных средств на способы меховедения и разновидности туше выдерживается автором в течение всей статьи. Однако и здесь приемы «неполное открытие клапана» и «скольжение-срыв» можно исключить из списка, так как они также относятся к специфическим приемам.

Таким образом, в обобщенном виде структуру основных приемов управления инструментом можно представить следующим образом: виды туше – «нажим-отпускание», «толчок-снятие», «удар-отскок»; основные способы меховедения – «ровное», «усиливающееся», «ослабевающее», «толчкообразное» (пунктирное) и «рывок мехом». Необходимо обратить внимание, что Б. Егоров работу двигательного аппарата соотносит с различными скоростями открытия-закрытия клапанов и движения меха и с уровнями давления воздушной струи на язычки. «Удар-отскок», – пишет Б. Егоров, – осуществляется маховым движением пальца, кисти, предплечья, всей руки <...>. Скорость открытия и закрытия клапанов максимальная. При этом атака и окончание звука будут острыми, твердыми, четкими» [1. С. 112].

Ф. Липс, напротив, работу артикуляционного аппарата баяниста рассматривает, как правило, с позиции мускульно-двигательных ощущений: «Во время работы над тремоло (мехом. – Н. К.), – подчеркивает автор, – необходимо постоянно контролировать ощущение свободы, раскованности левой руки и сбрасывать статическое напряжение – только тогда будет возможно долгое тремолоирование» [3. С. 27]. В дальнейшем изложении материала акцент делается и на психофизические ощущения исполнителя, и на двигательные представления о скорости открытия-закрытия клапанов.

Все приемы игры (основные и специфические) распределяются в баянной литературе, как известно, по трем основным группам: приемы, исполняемые мехо-пальцевой артикуляцией; приемы, исполняемые пальцевой артикуляцией; приемы, исполняемые мехом. Артикуляция мехом либо осуществляется с применением мобильных однонаправленных приемов игры («усиливая», «ослабляя» напряжение левой руки), либо выполняется статическими способами ведения меха («ровно»). Эту теоретическую позицию впервые официально зафиксировал в 1964 г. в литературе для баяна польский аккордеонист В. Пухновский [7]. В его системе основное внимание отводится

временной координации в движениях меха и пальцев. Артикуляция мехом предполагает следующие действия: предварительное нажатие клавиши – движение меха и его полную остановку – снятие пальца с клавиши после остановки меха. При пальцевой артикуляции сначала приводится в движение мех, затем нажимается клавиша, а после остановки меха – останавливается и он. Мехо-пальцевая артикуляция подразумевает одновременное нажатие пальцем клавиши и движение меха, затем палец отпускает клавишу с одновременной остановкой меха. Отсюда в баянной теории и практике появились понятия «артикуляция мехом», «пальцевая артикуляция», «мехо-пальцевая артикуляция».

Отечественные баянисты по-разному трактуют мнение В. Пухновского. Ф. Липс, например, считает, что по степени применения на первом месте стоит пальцевая артикуляция. На второе место по частоте применения выдвигается мехо-пальцевая артикуляция, поскольку наиболее часто именно она осуществляет атаку звука, а его окончание выполняется пальцем без остановки меха. На третье место исполнитель ставит артикуляцию мехом, так как в процессе исполнения мех почти все время находится в движении. Этот вид артикуляции требует предварительного нажатия клавиши, следовательно, наиболее эффективен в начале пограничного участка пьесы, мотива, фразы и при их завершении [3. С. 14–15].

А. Крупин формулирует инновационную для баянной теории артикуляции мысль о том, что мехо-пальцевая артикуляция в условиях баянного звукообразования является основополагающей, так придает атаке звука ясность, четкость и определенность [2. С. 106–107].

Завершается дискуссия о преимуществах какого-то одного вида артикуляции над другим в данной работе высказыванием альтернативной точки зрения: воспроизведение звука на баяне возможно лишь при координированном движении пальцев, открывающих клапаны, и левой руки, управляющей мехом и подающей воздух на голосовые язычки. При этом несколько не умаляются выразительные возможности средств пальцевой артикуляции и мехом. Однако как автономные виды и пальцевая артикуляция, и артикуляция мехом при закрытых клавиатурных клапанах не приводят к возникновению звука. Координированной работой мехо-пальцевого артикуляционно-игрового аппарата баяниста начинается и зачастую

завершается процесс произношения музыки. Только при мехо-пальцевой артикуляции возможны появление первого звука и актуализация выразительных возможностей пальцевой артикуляции и мехом. Следовательно, о пальцевой артикуляции как одном из выразительных явлений музыкального произношения можно говорить лишь в условиях реально воспринимаемого, а не абстрактного звучания.

С учетом высказанного положения по реальным мускульно-двигательным ощущениям основные приемы игры предстают в следующем виде:

1) средства артикуляции мехом в двигательных режимах «разжим» – «сжим»:

– лабильные – усиливающиеся, ослабевающее, толчкообразное (пунктирное, по Б. Егорову) управление движением меха в режимах «разжим» или «сжим»;

– статuarные – связанные с однонаправленным меховедением на «разжим» или «сжим» с постоянным мускульным напряжением;

2) пальцевая артикуляция как художественное средство не актуальна при закрытых клавиатурных клапанах, хотя в репетиционной работе (как технический прием) возможна и при неподвижном мехе;

3) средства мехо-пальцевой артикуляции при воспроизведении звуков:

– безударные разновидности туше – толчок-снятие или мягкий нажим-отпускание, скоординированные с пунктирным (ускорением или замедлением) или ровным однонаправленным меховедением;

– отрывистые и короткие ударные приемы туше – замах-удар-отскок, скоординированные с активным рывком меха в зоне атаки звука.

Несложно увидеть, что терминологический аппарат, обозначающий основные приемы игры на баяне, характеризует не фонетические слитно-расчлененно-краткие качества звучания музыкальной ткани, а работу артикуляционного аппарата, действие которого направлено на формирование акустических параметров звука (резких-твердых-мягких). В их создании принимают непосредственное участие пальцы и левая рука, управляющая движением меха. Поэтому в составе основных приемов игры фигурируют понятия, репрезентирующие сферу пальцевой и мехо-пальцевой артикуляции.

Существенной особенностью основных двигательных приемов управления звукообразующими устройствами музыкального инструмента считается их «доведенность» до

полной автоматизации. Именно осознанные приемы» доведенные музыкантом до степени произвольных действий, являются той конечной «формой», к которой стремится каждый исполнитель (подробнее см.: [5]).

На основании этого можно заключить, что основные приемы игры в системе выразительных средств баяниста являются основополагающими двигательными формами музыкальной артикуляции.

Артикуляционные средства, не вошедшие в число основных способов управления клавиатурными клапанами и мехом, относятся к числу специфических приемов. Специфическими приемами клавишно-пневматических инструментов (баян, аккордеон и др. виды гармоник) следует считать *glissando* (скольжение по клавиатуре пальцами, ладонью и т. п.); неполное (частичное) открытие клапанов; нетемперированное *glissando*; вибрато; разновидности приемов: «рикошет», «тремоло мехом», «тремоло пальцами».

В теории музыкальной артикуляции сложилась методика систематизации специфических приемов игры. Согласно общей для всех музыкальных инструментов типологии «выделяются семь классификационных групп приемов: 1) тембровые, 2) частотно-тембровые, 3) громкостно-тембровые, 4) тоново-шумовые, 5) шумовые, 6) высотные, 7) комбинированные» [5. С. 16].

В баянной теории артикуляции на сегодняшний день отсутствует сколько-нибудь упорядоченная система классификации оригинальных приемов, учитывающая конструктивно-технические особенности клавишно-пневматических инструментов и сформировавшийся к настоящему времени комплекс современных («обновленных», соответствующих духу времени) средств музыкального языка. В некоторых научно-исследовательских работах, касающихся вопросов звукоизвлечения на баяне, специфические приемы либо не столь пристально рассматриваются, либо анализируются частично. При этом не всегда проводится четкая грань между «основными» и «специфическими» способами управления звукообразующими устройствами баяна.

В общих чертах употребление специфических приемов, применяемых в практике игры на баяне, можно представить в следующем виде: тембровые – смена звучащего тона за счет переключения механических тембровых регистров-клавиш; громкостно-тембровые – вибрато, нетемперированное *glissando*, неполное

открытие клапана, кластеры; частотно-тембровые – разновидности рикошета, тремоло мехом, пальцами; высотные – glissando (скольжение по клавиатуре пальцами, ладонью и т. п.); шумовые – игра на воздушном клапане, удары по корпусу, меху, клавиатурным рычагам; комбинированные – основанные на использовании нескольких приемов одновременно.

Анализ специфических приемов, применяемых в исполнительской практике игры на клавишно-пневматических (баян, аккордеон) инструментах профессионально-академического направления, позволяет выделить общее направление типологии: нетрадиционные приемы управления звукообразующими устройствами инструментов – зрительно воспринимаемые, что очень существенно для их эмоционально-чувственной оценки, редко используемые способы игры; характерные только для конкретного инструмента приемы, воспроизводящие необычные для слуха акустические сигналы – звуковые, шумовые, сонорные.

Основные приемы непосредственно характеризуют работу двигательного аппарата исполнителя в процессе извлечения звуков фонического уровня, акцентируют внимание играющего на сенсорных и кинетических ощущениях и представлениях. Игровые движения позволяют осуществлять музыкально-исполнительскую деятельность, – поэтому являются важнейшим компонентом в структуре артикуляционных средств.

Специфические приемы отражают неповторимые особенности звукоизвлечения на баяне. Но, поскольку их двигательной субстанцией являются отдельные элементы основных приемов игры, они, как правило, не включаются в анализ баянных средств артикуляции и не подвергаются более скрупулезному анализу в контексте данной работы.

Подводя предварительно итог исследования, выделим его наиболее существенные положения:

1. Мехо-пальцевая артикуляция является основополагающей на баяне. Она выступает как первооткрыватель звука на баяне.

2. Все приемы игры (основные и специфические) распределяются в баянной литературе по трем основным группам: 1) приемы, исполняемые мехо-пальцевой артикуляцией; 2) приемы, исполняемые пальцевой артикуляцией; 3) приемы игры мехом невозможно исполнять при неподвижном мехе и закрытых клавиатурных клапанах.

3. Как важнейший компонент музыкально-исполнительских действий основные приемы игры допускают возможность их трактовки в роли главных средств управления звукообразующими устройствами инструмента. Опираясь на слухо-моторные и двигательные представления, исполнитель извлекает из памяти те стереотипы артикуляционно-игровых операций, которые необходимы для реализации исполнительского и композиторского замысла.

4. Специфические приемы игры отражают неповторимые особенности звукоизвлечения на инструменте. К их числу относятся нетрадиционные способы управления звукообразующими устройствами всех инструментов – зрительно воспринимаемые, что очень существенно для их эмоционально-чувственной оценки, редко используемые приемы игры; характерные только для конкретного инструмента приемы, воспроизводящие необычные для слуха акустические сигналы – звуковые, шумовые, сонорные.

Завершая исследование, акцентируем внимание на следующих основных моментах:

Артикуляционная культура баяниста формируется в многолетней музыкальной практике. Посредством ее воплощается на баяне разнообразная в интонационно-образном и жанровом отношении музыка.

Мехо-пальцевая артикуляция является первооткрывателем звука на баяне. Приемы извлечения звуков пальцами или мехом актуализируются при мехо-пальцевой артикуляции. Многочисленные артикуляционные средства баяниста различаются на два вида – основные и специфические приемы игры.

Дальнейшее изучение баянных средств артикуляции и произношения поможет более глубокому постижению подлинного выразительно-смыслового содержания понятий «штрихи» и «приемы игры» в музыкальном языке, который является одним из мощнейших средств реализации выразительных возможностей музыкально-исполнительской речи баяниста.

Список литературы

1. Егоров, Б. М. О некоторых акустических характеристиках процесса звукообразования на баяне // Баян и баянисты. М., 1981. Вып. 5. С. 57–84.

2. Имханицкий, М. И. Новое об артикуляции и штрихах на баяне. М., 1997. 42 с.

3. Крупин, А. В. Мехо-пальцевая артикуляция при атаке звука на баяне // Проблемы педагогики и исполнительства на русских народных инструментах : сб. тр. М., 1987. Вып. 95. С. 104–112.

4. Липс, Ф. Р. Искусство игры на баяне. М., 1985. 156 с.

5. Назайкинский, Е. В. О психологии музыкального восприятия. М., 1972. 383 с.

6. Сокол, А. В. Стилистика музыкальной речи и терминологической ремарки : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. Киев, 1996. 26 с.

7. Титов, Е. С. Теоретические основы музыкальной артикуляции : автореф. дис. ... канд. иск. Ростов н/Д., 2002. 23 с.

8. Puchnowski, W. L. Szkoła miechowania I artykulacji akordeonowej. Krakow, 1964.

References

1. Egorov, B. M. (1981) “O nekotorykh akusticheskikh harakteristikah processa zvukoobrazovaniya na bajane” [=Some acoustic characteristics of the process of sound production on the accordion], in: *Bajan i bayanisty* [=Bayan and accordionists], Moscow, Volume 5, pp. 57–84 (in Russ.).

2. Imhanitsky, M. I. (1997) *Novoe ob artikuljacii i shtrihah na bajane* [=New information about the articulation and touches on the accordion], Moscow, 42 p. (in Russ.).

3. Krupin, A. V. (1987) “Meho-pal’cevaja artikuljacija pri atake zvuka na bajane” [=Meho-finger articulation in the attack on the accordion sound], in: *Problemy pedagogiki i ispolnitel’stva na russkikh narodnyh instrumentah* [=Problems of pedagogy and performing on Russian folk instruments], Moscow, Volume 95, pp. 104–112 (in Russ.).

4. Lips, F. R. (1985) *Iskusstvo igry na bajane* [=The Art of Playing the accordion], Moscow, 156 p. (in Russ.).

5. Nazaikinskii, E. V. (1972) *O psihologii muzykal’nogo vospriyatija* [=On the psychology of music perception], Moscow. 383 p. (in Russ.).

6. Sokol, A. V. (1996) *Stilistika muzykal’noj rechi i terminologicheskoy remarki* [=Stylistics musical speech and terminological remarks], Kyiv, 26 p. (in Russ.).

7. Titov, E. S. (2002) *Teoreticheskie osnovy muzykal’noj artikuljacii* [=Theoretical foundations of the musical articulation], Rostov-on-Don, 23 p. (in Russ.).

8. Puchnowski, W. L. (1964) *Szkoła miechowania I artykulacji akordeonowej*, Krakow.

К. А. Симчук

ВСЕМИРНЫЕ ВЫСТАВКИ ПАРИЖА XIX ВЕКА: ГРАДООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Рассматриваются пять Всемирных выставок, проводившихся в Париже во второй половине XIX в.: в 1855, 1867, 1878, 1889 гг., а также крупнейшая выставка 1900 г. Все они имели огромное общественное значение для культурной и экономической жизни Франции, а также сыграли большую градообразующую роль на момент их проведения и на последующие десятилетия.

Ключевые слова: *всемирные выставки, градообразование, стиль, эклектика, модерн.*

В настоящей статье мы затрагиваем очень важную роль Парижских выставок в формировании современного облика города и в поиске новых архитектурных стилей.

Громадное число экспонатов (для размещения и удобного осмотра которых требовалось обширное, хорошо освещенное внутреннее пространство), большой поток посетителей, необходимость быстрого строительства и демонстрации павильонов приводили к поискам новых архитектурных форм и технических приемов.

Для павильонов Всемирных выставок второй половины XIX в. характерен разрыв между новаторским инженерным решением сооружений, в которых использовались металл, стекло, железобетон, усовершенствованные металлические каркасные конструкции, позволившие резко увеличить пролет перекрытий (до 110 м в «Галерее машин» архитектора Ф. Л. Дютера на парижской выставке 1889 г.), и фасадами дворцового типа, выдержанными в исторических архитектурных стилях, а чаще – покрытыми пышным эклектическим декором.

В 1855 г. была проведена Всемирная выставка трудов промышленности, сельского хозяйства и изящных искусств, ставшая второй по счету всемирной выставкой и первой проведенной в Париже. Павильоны 34 стран занимали территорию в 16 га. Подсчитано, что выставку посетило свыше 5 миллионов человек.

Выставка проходила на треугольнике, ограниченном Елисейскими Полями, набережной Кур де ла Рен и авеню Монтань, с 15 мая по 15 ноября 1855 г. (рис. 1). Проводившаяся под патронажем принца Наполеона выставка была призвана превзойти по размаху свою лондонскую предшественницу, проходившую в лондонском Гайдпарке с 1 мая по 15 октября 1851 г. и ставшую вехой в истории промышленной революции.

Наполеон III хотел, чтобы павильоны Всемирной выставки в Париже превзошли Хру-

стальный дворец в Лондоне. В Париже был воздвигнут Дворец индустрии – главный выставочный павильон, расположенный между Сеной и Елисейскими Полями¹. Камень использовался только для наружных фасадов в 1 м толщиной и 18 м высотой. Само же здание было сооружено из железа и стекла. Дворец индустрии был 260 м в длину и 105 м в ширину, главный неф – 190 м длиной и 48 м шириной. С четырех сторон он был окружен галереями высотой в два этажа и шириной 30 м. Арочные фермы образовывали пролет в 24 м, что создавало большое выставочное пространство². Дворец индустрии использовался как главное выставочное здание Парижа вплоть до 1897 г., когда он был разобран и на его месте соорудили Гран Пале в 1900 г.

Дворец индустрии – одно из последних проявлений архитектурно-художественной концепции классицизма в русле начавшейся эклектики. Фасады его были выполнены в стиле неоренессанса³. Через Дворец индустрии можно было пройти в ротонду «Панорама», и в «Галерею машин», длиной 1200 м и 17 м высотой, расположенную вдоль набережной Сены, идущую от площади Согласия до моста Альма⁴.

Здание «Галереи машин» использовалось во время всемирных выставок 1855, 1878 и 1889 гг., а также для художественных салонов 1857 и 1897 гг., выставок сельского хозяйства и садоводства, конных конкурсов, общественных праздников и церемоний.

По плану архитектора Э. Лефюэля на авеню Монтань был возведен Дворец искусств. Фасад в форме подковы был выполнен в стиле эпохи Возрождения. Всемирную выставку, проходившую с 1 апреля по 31 октября 1867 г. посетило более 10 миллионов человек. Это была вторая Всемирная выставка, проводившаяся в Париже, и седьмая по счету в мире, участие в ней принимала 41 страна.

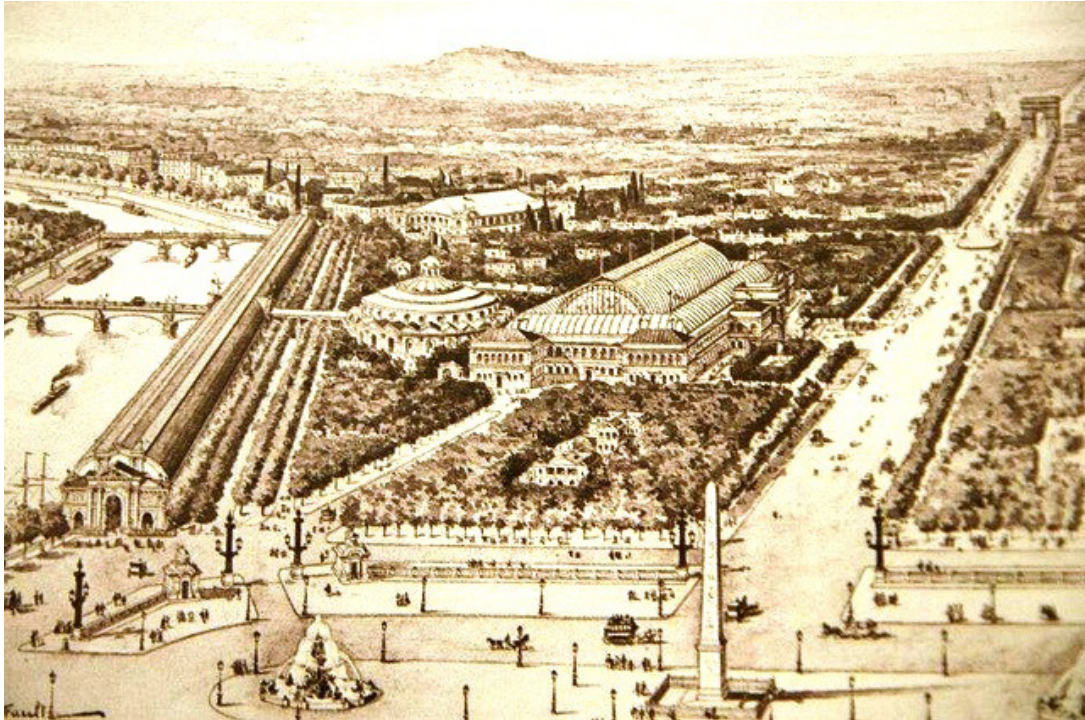

Рис. 1. Павильоны Всемирной выставки в Париже 1855 г.
Территория ограничена авеню Елисейских Полей и набережной Сены

Выставка являла собой кульминацию градостроительного обновления города времени Второй Империи, имела огромное политическое и экономическое значение. Местом для проведения было выбрано Марсово поле, главная площадка для военных парадов в Париже, площадью 48 га, а также остров Бийанкур площадью 21 га, находящийся вниз по течению Сены от бульвара Периферик⁵.

Главное здание выставки, все из железа и стекла, имело эллиптическую форму огромных размеров: 490×360 м, с открытым садом в центре и наружной галереей машин, покрытой стеклом (рис. 2). Это выставочное здание строили инженер Ж.-Б. Кранц и архитектор Л. Харди.

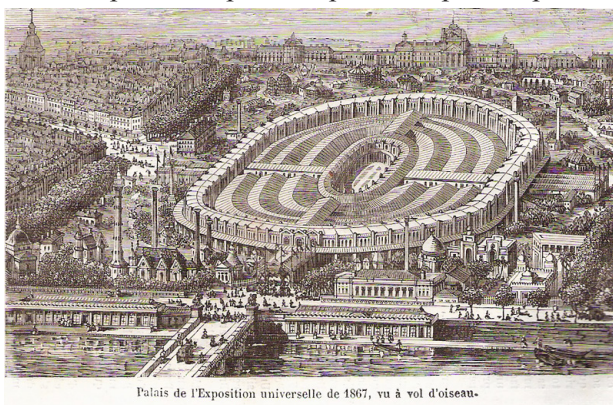

Рис. 2. Павильоны Всемирной выставки в Париже 1867 г. на Марсовом поле

Возведение Галереи машин, ставшей центром внимания, было доверено юному инженеру по металлическим конструкциям Г. Эйфелю.

Вокруг основного здания в садах, выполненных по задумке инженера Ж. Ш. Альфана и мастера ландшафтного искусства Ж.-П. Б. Дешампа (главных сподвижников префекта Парижа барона Османа), находилось еще не менее ста небольших национальных и промышленных павильонов. Территорию было необходимо разровнять и увеличить. Для этого выровняли холм Трокадеро и образовавшуюся землю использовали для создания парка на Марсовом поле⁶.

Начиная с этой выставки страны-участницы стали размещать свои экспозиции в специально построенных национальных павильонах: каждый посетитель смог увидеть тирольскую деревню, русскую избу, египетский каравансарай, восточный минарет, турецкие бани, китайский театр, английский коттедж, американское ранчо, голландскую ферму, японский киоск и реконструкцию римских катакомб.

Был построен первый вокзал на Марсовом поле, пути которого доходили до малого кольца вокруг Парижа, что упрощало поставку материала к огромной строительной площадке. Позже вокзал служил для посетителей выставки.

Всемирная выставка 1878 г. была призвана восстановить международный престиж Франции, пошатнувшийся после ее поражения во франко-прусской войне. Выставка привлекла не менее 13 миллионов посетителей, она была значительно больше всех предшествующих, площадь основного здания на Марсовом поле составляла 27 га, и дворец на холме Трокадеро занимал около 22 га (рис. 3). Вокзал на Марсовом поле был увеличен, количество путей возросло до четырех. Мост Йена соединял две части выставки, находящиеся на обоих берегах Сены⁷.

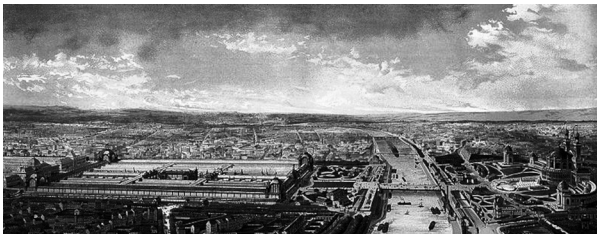

Рис. 3. Всемирная выставка в Париже 1878 г. Павильоны занимают территорию Марсова поля и холма Шайо. «Железный дворец» слева, дворец Трокадеро справа

Выставочный комплекс, также называемый «Железный дворец», где были представлены практически все нации, был выстроен на Марсовом поле. По форме это было прямоугольное здание со входами с севера и юга.

Так называемая «Улица Наций», длиной 730 м, была посвящена примерам жилого строительства практически всех европейских стран, некоторых стран Азии, Африки и Америки с типичными фасадами домов стран-участниц. Эта выставка занимала половину главного здания. С другой стороны находилась экспозиция Франции и ее колоний. В центре здания была выставка, посвященная изобразительному искусству и самому городу Парижу.

На северном берегу Сены архитектор Г. Давиу и инженер Ж. Бурде выстроили дворец Трокадеро, в архитектуре которого использовались мавританские и нео-византийские мотивы. Дворец был украшен башнями высотой 76 м и фланкирован двумя полукруглыми галереями. В архитектурном решении дворца можно проследить некоторые черты башни Хиральда Севильского собора и итальянских дворцов эпохи Возрождения. Дворец Трокадеро служил местом проведения торжественных встреч послов и иностранных принцев. Он располагал залом для торжеств и имел большой концертный зал. Здание дворца простояло до 1937 г.

Инженер Ж.-Ш. Альфан, специалист по садам и устройству фонтанов и водопадов, нес ответственность за организацию открытых пространств.

Рис. 4. Павильоны Всемирной выставки в Париже 1889 г. Вид с холма Шайо на Марсово поле

Всемирная выставка 1889 г. проходила в Париже с 6 мая по 31 октября и была приурочена к столетию взятия Бастилии. Ее посетило более 28 миллионов человек (рис. 4). Инженеру Г. Эйфелю была заказана знаменитая Эйфелева башня, которую по окончании выставки предполагалось разобрать. Она в полной мере демонстрировала технический прорыв страны. Площадь выставки составила около 96 га, включая Марсово поле, Трокадеро, набережную Орсе и эспланаду Инвалидов. Ж.-Ш. Альфан, был ответственным за проведение этой выставки.

Главным символом выставки стала Эйфелева башня, законченная в 1889 г. и служившая входом на выставку. Башня была выстроена из ковального железа. Посетителям выставки разрешалось подниматься на второй ярус даже во время строительства башни.

«Галерея машин» по значимости не уступала Эйфелевой башне. Галерея была спроектирована архитектором Ф. Дютером и инженером В. Контаменом. Она служила выставочным павильоном и на выставке 1900 г., пока не была разобрана в 1910 г. Галерея в 110 м шириной и 420 м длиной вызвала настоящий фурор, на тот момент она представляла собой самое большое крытое помещение в мире. Она была сооружена из сварочного железа, а не литой стали, как планировалось вначале, что вызвало оживленную дискуссию о практических и художественных свойствах этих материалов.

На Марсовом поле был также сооружен Дворец Изящных и Свободных искусств архитектором Ж. К. Формиже.

Дворец промышленности был построен Ж. Буваром, в центре был возведен большой купол, и это здание первым во время выставки было освещено электричеством⁸. Дворец войны находился на эспланаде Инвалидов, его фасад был 150 м длиной с портиком в виде триумфальной арки в центре.

Фасад русского павильона воспроизводил самые красивые памятники русско-византийской архитектуры Москвы: Теремного дворца, башен собора Василия Блаженного, колокольни Ивана Грозного, Сухаревской башни. Вход в павильон был стилизован под одни из Кремлевских ворот.

Всемирная выставка 1889 г. была интересна и с точки зрения последних промышленных работ, и с точки зрения архитектурных форм.

Всемирная выставка 1900 г. проводилась в Париже с 15 апреля по 12 ноября 1900 г. Вы-

ставочная площадь в 216 га была разделена на две зоны: 112 га на Марсовом поле и холме Трокадеро, эспланада Инвалидов и проезд Кур ля Рен вдоль Сены, недалеко от площади Согласия; 104 га в Венсенском лесу, где проводилась выставка сельского хозяйства и устраивались различные спортивные состязания (рис. 5). Выставка 1900 г. занимала площадь, превышающую площадь первой Парижской выставки 1855 г. в 10 раз. Ее посетило свыше 50 миллионов человек (мировой рекорд того времени) и принесла французской казне доход в 7 миллионов франков.

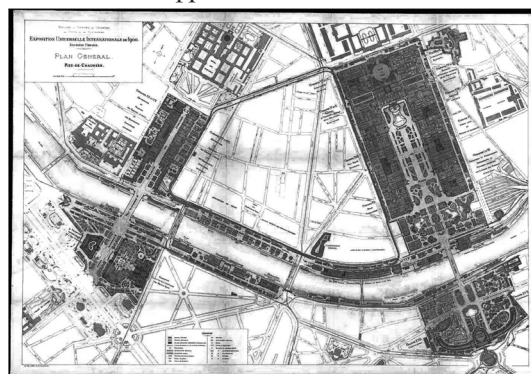

Рис. 5. План Всемирной выставки в Париже 1900 г. Территория холма Шайо и Марсова поля (справа), эспланады Инвалидов и Большого и Малого дворцов (слева)

Специально к выставке было сооружено большое количество объектов. Были выстроены новые вокзалы: Орсе, Лионский, Инвалидов⁹. 19 июля открылась первая линия парижского метро, входы на станции были выполнены Э. Гимаром. Во время выставки работала троллейбусная сеть и электрическая железная дорога.

Были выстроены новые и расширены уже существующие мосты, чтобы облегчить посетителям передвижение по выставке, при этом не нарушая обычную жизнь города. Был построен одноарочный мост Александра III, перекинутый через Сену между Домом Инвалидов и Елисейскими Полями. Мост был заложен в ознаменование Франко-русского союза императором Николаем II в октябре 1896 г. и возведен за четыре года. Мост Йена был расширен на время выставки; выстроен новый пешеходный мост Дебийи; мост Альма был дублирован временным металлическим мостиком на время выставки, а под мостом Инвалидов был сооружен еще один проход.

Возникли новые площади и перекрестки: созданы площадь Альма и площадь на соединении авеню Боске и Рапп, проложены авеню

д'Антен к северу от площади Оперы и бульвар Тур-Мобур вдоль эспланады Инвалидов, движение по набережным Дебийи и Орсе было организовано в туннелях.

По проекту Р.-Ф. Мельцера был построен павильон русских окраин, повторяющий архитектуру Московского и Казанского Кремлей. Рядом была отстроена Кустарная улица с типичными русскими барскими хоромами, избами и сельской деревянной церковью. Возле Эйфелевой башни разместился Алкогольный павильон, где действовала установка по ректификации спирта и продавались сувенирные бутылочки с русской водкой.

Монументальные ворота, выстроенные архитектором Р. Бине, как триумфальный въезд на выставку со стороны площади Согласия, служили также местом приобретения билетов. Ворота состояли из купола и трех арок, под которыми располагались 56 касс для желающих посетить выставку.

«Здание, посвященное Республикой славе французского искусства» – вот что можно прочесть на одном из фронтонов Большого дворца изящных искусств. Большой дворец был выстроен группой архитекторов: А. Дегланом, А. Луве, А. Тома и Ч. Жиро. Здание строилось для выставки скульптур, конных- и мотошоу¹⁰ (рис. 6).

В архитектуре здания соединялись традиционные и современные элементы. Снаружи оно напоминало постройки в стиле нео-барокко, новый стиль здесь проявил себя преимущественно в металлодекоре. Выглядевший достаточно тяжеловесно снаружи, Большой дворец благодаря перекрытиям из железа и стекла казался воздушным и легким внутри. В 1925 г. Большой дворец был одной из площадок проведения Международной выставки современных декоративных и промышленных искусств.

Малый дворец был выстроен архитектором Ч. Жиро в стиле ар-нуво для выставки французского искусства, но получил известность в первую очередь благодаря общему проекту и металлоконструкциям. Как и в Большом дворце, здесь были соединены стили нео-барокко и модерн. Ионические колонны, большой входной портал и купол перекликались с собором Инвалидов, расположенным с другой стороны Сены.

Подводя итоги, можно сказать, что в середине XIX в. современные конструктивные материалы впервые начинают играть ту художественную роль, которая ранее отводилась только каменной кладке и дереву. Постройка вокзалов позволила Парижу принимать миллионы гостей во время Всемирных выставок 1855, 1867, 1878, 1889 и 1900 гг.

Рис. 6. Мост Александра III, Большой и Малый дворцы (слева и справа соответственно)

Павильоны и сооружения Всемирных выставок сами стали экспонатами, демонстрирующими достижения архитектуры и строительной техники (например, Галерея машин 1855 г., Эйфелева башня 1889 г.), а также оформительского искусства, нередко определяя основные тенденции их развития на многие годы вперед. К выставкам строились не только вокзалы, но возводились и новые мосты через Сену – Альма, Берси, Националь, мост Александра III, прокладывались новые улицы. Некоторые сооружения, созданные для Всемирных выставок, сохранились до наших дней и являются значимыми градостроительными элементами Парижа. Такие как Эйфелева башня, дворец Трокадеро (выстроенный позже рассматриваемого нами периода, но на месте дворца Шайо), Большой и Малый дворцы на Елисейских Полях и некоторые др.

Примечания

¹ См.: Robin Charles. Histoire illustrée de l'Exposition universelle, ed. Furne, 1855. P. 12–14.

² См.: Lemaistre Felix. Paris en miniature. Guide pittoresque du voyageur suivid'une description du palais de l'Industrie, ed. Garnier frères, 1856. P. 56.

³ См.: Gaillard Marc. Paris, Les Expositions Universelles de 1855 à 1937, Paris : Les Presses Franciliennes, 2003. P. 42–43.

⁴ См.: Robin Charles. Op. cit. P. 21–22.

⁵ См.: Gaillard Marc. Op. cit. P. 51–52.

⁶ См.: Miltoun Francis Royal palaces and parks of France, L.C. Page and Co, 191. P. 84.

⁷ См.: Bowie Karen. Op. cit. P. 110–112.

⁸ См.: Aimone Linda et Olmo Carlo. Les Expositions Universelles 1851–1900, Belin, 1993 édition originale: Le Esposizioni Universali, 1851–1900, Umberto Allemandi & C., 1990. P. 63–65.

⁹ См.: Bowie Karen. Op. cit. P. 90.

¹⁰ См.: Chemetov P., et Marrey B. Architectures. Paris 1848-1914. Paris, 1980. P. 96–97.